Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тамбовский государственный университет имени Г.Р.Державина»

На правах рукописи

ЗАХАРОВА Мария Андреевна

ИНТЕРПРЕТИРУЮЩИЙ ПОТЕНЦИАЛ ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ТЕМАТИЧЕСКОЙ ОБЛАСТИ «ЖИВОТНЫЙ МИР» В НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКЕ

Специальность 10.02.04 – германские языки

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент
Рябых Екатерина Борисовна

Тамбов 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 4
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ 12
1.1. Категория как один из ключевых способов организации информации 12
1.2. Ключевые проблемы взаимосвязи языка и когниции 16
1.3. Соотношение понятий первичной и вторичной номинации 21
1.4. Характеристика когнитивных механизмов, лежащих в основе интерпретации 26
1.4.1. Метафора 33
1.4.2. Образное сравнение 47
1.4.3. Метонимия 52
1.4.4. Метафтонимия 61
1.5. Теории оценки и оценочных значений 70
1.6. Отражение понятий лингвистической интерпретации в работах современных ученых 78
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1 88
ГЛАВА 2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ЗООНИМОВ В СОСТАВЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР 92
2.1. Характеристика языковых структур, репрезентирующих вторичные знания 94
2.2. Интерпретация значений зоонимов в составе сложных существительных 104
2.2.1. Фитонимы с компонентом-зоонимом 104
2.2.2. Зоонимы с компонентом-зоонимом 110
2.2.3. Антропонимы с компонентом-зоонимом 116
2.2.4. Соматизмы с компонентом-зоонимом 126
2.2.5. Обозначение иных когнитивных областей с зоонимическим

компонентом 130
2.3. Интерпретация значений зоонимов в составе сложных прилагательных 133
2.4. Интерпретация значений зоонимов в составе атрибутивных словосочетаний 144
2.5. Интерпретация значений зоонимов в составе сравнительных конструкций с союзом *wie* 176
ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2 191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ 194
Список использованной научной литературы 198
Список использованных словарей 218
Список источников фактического материала 220
Приложение А 226
Приложение Б 231
Приложение В 254
Приложение Г 256
Приложение Д 258

ВВЕДЕНИЕ

Данная работа посвящена изучению структур знаний интерпретирующего характера, лежащих в основе значений лексем. В качестве эмпирического материала выступают лексические категории немецкого языка, объективирующие когнитивную область «животный мир».

На основе онтологии референтов исследуемой лексической категории языковой вербализацией составляющих её единиц являются имена существительные, обозначающие представителей животного мира, именуемые также термином *зооним,* под которым в данной работе понимается не имя собственное (ср. [Подольская 1978: 58]), а наименование какой-либо группы биологической систематики животных.

Следует понимать, что интерпретация значений языковых единиц возможна посредством актуализации знаний об определяемых ими фрагментах реальности. Как известно, в интерпретациях объектов активизируются ассоциативные связи, а также знания и память об объектах окружающей действительности [Бабушкин, Стернин 2018: 140]. Базовые знания людей о представителях животного мира позволяют производить аналогии между ними и собой, а также иными явлениями действительности, что отражается в языковом материале. Интерпретация значений зоонимов осуществляется посредством базовых когнитивных механизмов, поскольку интерпретирующая функция сознания неразрывно связана с когницией.

Объектом исследования являются лексические единицы немецкого языка, содержащие в своей структуре зооним, который либо имеет вторичное значение, либо мотивирует переосмысление всей языковой единицы, в состав которой он входит.

Предметом исследования являются вторичные значения языковых единиц лексических категорий, объективирующих тематическую область «животный мир» в немецком языке.

Актуальность исследования обусловлена его выполнением в рамках когнитивного подхода к изучению лексического состава языка, который позволяет проследить специфику интерпретирующей деятельности мыслящего индивида. Актуальность и значимость работы заключаются также в попытке рассмотрения интерпретирующего потенциала лексических категорий тематической области «животный мир» в немецком языке через соотнесение действия различных когнитивных механизмов с особенностями вербализации вторичных мыслительных структур. Важным в работе является разделение случаев непрямой и косвенной номинаций, что связано с наличием или отсутствием вторичного значения зоонима как части более сложной языковой структуры.

В качестве методологической основы исследования выступают теоретические положения общей теории лингвистической интерпретации и частной теории интерпретирующего потенциала лексических категорий.

Интерес к изучению проблем лингвистической интерпретации нашел отражение в работах отечественных исследователей, однако **степень разработанности** данной проблемы на данный момент остается недостаточно высокой, ввиду относительно недавнего появления внимания к интерпретации в когнитивной лингвистике, а также недостаточного, на наш взгляд, учета семантических структур вербализированных вторичных знаний, что напрямую связано с определением когнитивных механизмов.

Таким образом, **гипотеза** проводимого исследования заключается в том, что модели формирования вторичных значений во многом зависят от семантической структуры языковой единицы. Интерпретация значений немецких зоонимов в составе различных языковых структур осуществляется за счет когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, среди которых наиболее важную роль играет метафора. Доминантными форматами интерпретации являются перцептивный формат, который формирует концептуальное основание лексических категорий тематической области «животный мир», а также формат наблюдения в связи с особенностями воспринимающего и интерпретирующего окружающий мир субъекта.

Целью работы является исследование первичной и вторичной интерпретации лексических категорий тематической области «животный мир» с рассмотрением когнитивных связей между областями, выступающими в качестве источника интерпретации, и областями, являющимися её целью.

Для достижения данной цели были поставлены следующие **задачи:**

- изучение современных теорий категоризации, номинации, оценочных значений и интерпретации;
- классификация сложных существительных, сложных прилагательных, атрибутивных словосочетаний и сравнительных оборотов, содержащих в своей структуре зоонимические единицы немецкого языка;
- выявление закономерностей использования когнитивных механизмов в процессах формирования вторичных значений зоонимов в зависимости от семантической структуры исследуемой единицы;
- определение типов и форматов интерпретации значений зоонимической лексики, репрезентируемых составными элементами сложных существительных и прилагательных, атрибутивных словосочетаний и сравнительных оборотов с союзом *wie*;
- обнаружение сходств и различий формирования вторичных значений зоонимов и языковых единиц, имеющих их в своей структуре, в немецком языке.

Научная новизна работы состоит в комплексном анализе формирования вторичных значений с точки зрения теории интерпретации, систематизации знаний интерпретирующего характера когнитивной области «животный мир», а также в моделировании их интерпретирующего потенциала. В данном исследовании впервые предпринимается попытка структурно-семантической классификации единиц с интерпретируемым компонентом, что помогает установить глубинные семантические отношения между их частями. Важным аспектом научной новизны работы является выполнение практического исследования на материале немецкого языка.

Теоретическая значимость данного исследования заключается в развитии основных положений теории интерпретации лексических категорий, установлении механизмов и форматов интерпретации знаний с точки зрения когнитивной деятельности человека. Кроме того, в работе рассматривается классификация оценочных значений и семантические структуры композитов и атрибутивных словосочетаний с опорой на современные лингвистические теории. Основные положения и выводы служат дальнейшему развитию, в первую очередь, теории интерпретации, а также теории оценочных значений, теории номинации и различных теорий, исследующих метафорические значения.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов работы при разработке лекционных курсов по когнитивной лингвистике, лексикологии немецкого языка и преподавании практических курсов по немецкому языку. Полученные результаты могут быть использованы при написании бакалаврских и магистерских диссертаций по соответствующему профилю подготовки.

В качестве **теоретической базы** исследования рассматриваются работы отечественных и зарубежных ученых, направленные на изучение вторичных значений языковых единиц, среди которых следует выделить работы Н.Н. Болдырева, Л.А. Панасенко, посвященные постулированию основных положений теории интерпретации значений языковых единиц; труды Л.В. Бабиной, Е.С. Кубряковой, В.Н. Телии, направленные на изучение вторичных значений лексем; исследования ученых, изучавших базовые когнитивные механизмы: метафору – Дж. Лакоффа, М. Джонсона, метонимию – З. Кёвечеша, Г. Раддена, метафтонимию – Л. Гуссенса и О.С. Шармановой; также Д. Герартса, Р. Дирвена, предложивших свои способы схематического построения формирования переносных значений; Э. Рош, внесшей неизмеримый вклад в развитие теории категоризации, и др.

Обоснованность и достоверность полученных результатов определяется применением **комплекса методов**, среди которых основное значение имеет метод моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий.

Также в исследовании используются метод анализа словарных дефиниций, метод контекстуального анализа, метод компонентного анализа и др.

Источником фактического материала исследования послужили существительные, прилагательные, атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты, содержащие в своей структуре зооним. Объем проанализированного материала составил 718 единиц языка, а также около 2000 тысяч контекстов из немецкой прессы и художественной литературы, раскрывающих особенности речевой реализации исследуемых языковых единиц. При поиске фактического материала были использованы, в том числе, немецкие толковые словари и текстовые корпуса (Duden, Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache, deutschsprachige Volltextbibliothek, Grimm Wörterbuch и др.).

Положения, выносимые на защиту:

1. Ввиду того, что лексические категории представляют собой аналог объектов окружающего мира, интерпретирующий потенциал является их онтологическим свойством. Данный потенциал проявляется в идентифицирующем и характеризующем типах интерпретации.

2. Интерпретирующий потенциал языковых единиц, репрезентирующих лексические категории тематической области «животный мир», проявляется в их способности формировать значительный круг вторичных значений, связанных как с объектами этой же когнитивной области, так и с объектами таких когнитивных областей, как «растения», «человек», «артефакты», что говорит о внутреннем и внешнем векторах интерпретации.

3. Формирование вторичных значений зоонимов является следствием оценочной деятельности человека и репрезентируется этими единицами в составе композитов, атрибутивных сочетаний и компаративных конструкций.

4. Интерпретация значений зоонимов осуществляется с помощью когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний выступает операция сравнения.

5. Доминирующим когнитивным механизмом интерпретации значений зоонимических компонентов в составе сложных слов и атрибутивных словосочетаний является метафора как механизм переосмысления значения на основе аналогии. Менее востребованными являются когнитивные механизмы метонимии и метафтонимии. Метонимические отношения имеют место в случае смежности, охватывающей разнородный спектр онтологических отношений. Одну из ключевых ролей играет наличие в семантической структуре соматизма, детерминирующего указание на отношение части и целого. В компаративных конструкциях ведущим является механизм образного сравнения.

6. Интерпретация значений зоонимов осуществляется посредством различных форматов, в числе которых доминируют форматы перцепции и наблюдения. Определение формата интерпретации в сложных языковых структурах достигается как относительно интерпретирующего субъекта, констатирующего аналогию или смежность двух объектов окружающей действительности, так и относительно денотата языковой единицы.

7. Одно и то же ассоциативное сходство делает возможным формирование синонимичных языковых конструкций разной структуры, употребление которых обусловлено конкретной ситуацией.

Структурно-семантическая классификация и детальный анализ исследуемых в работе языковых единиц обусловливают **достоверность** полученных результатов. Научные положения и выводы подкрепляются размещенными в приложениях к работе таблицами, объективирующими выводы практического исследования.

Апробация работы заключалась в изложении основных положений и результатов исследования автором на международных научных конференциях, в т.ч. с получением дипломов победителя и призера, а также нашла свое отражение в публикации ряда статей, 5 из которых относятся к определенным ВАК рецензируемым научным изданиям.

Диссертационное исследование представляет собой 225 страниц машинописного текста, включая введение, две главы, заключение, список использован-

ной научной литературы, список использованных словарей, список источников фактического материала, а также 37 страниц приложений.

Во **введении** рассматривается актуальность темы работы, указываются объект и предмет исследования, обозначаются цели и связанные с ней задачи, научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, а также методы исследования и источники фактического материала. Введение также содержит выносимые на защиту положения и описание структуры диссертационного исследования.

В первой главе «Теоретические подходы к исследованию интерпретирующего потенциала лексических категорий» представлены общие положения теории лингвистической интерпретации, **во второй** – практические результаты исследования. **Первая глава** раскрывает основы теории категоризации, проблемы взаимосвязи языка и когниции, теории вторичной номинации, природу когнитивных механизмов, посредством которых интерпретация становится возможной. Также в первой главе рассмотрены теория оценочных значений и отражение аспектов теории лингвистической интерпретации в работах лингвистов-когнитологов. Структура **второй главы «Интерпретация значений немецких зоонимов в составе различных языковых структур»** определяется на основе дифференциации когнитивных областей, а также языковых форм объективации зоонимов. Практическая глава раскрывает суть интерпретации значений зоонимов в составе сложных существительных, прилагательных, атрибутивных словосочетаний и сравнительных оборотов. Посредством анализа корпуса примеров в каждой когнитивной области выявляются различные структурно-семантические модели, объективирующие процессы переосмысления исходного знания, что показывает специфику интерпретирующей концептуализации в немецком языке.

В **заключении** постулируются результаты проведенной работы, а также раскрывается перспектива дальнейшего исследования.

Приложения содержат обзор всех лексических единиц, исследованных в практической части работы, с представлением их лексикографических толкова-

ний и анализом интерпретации значений зоонимических компонентов в их составе, что предполагает идентификацию типа и формата интерпретации, осуществляющего её когнитивного механизма и наличия оценочного значения.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ИНТЕРПРЕТИРУЮЩЕГО ПОТЕНЦИАЛА ЛЕКСИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ

1.1. Категория как один из ключевых способов организации информации

Для изучения интерпретирующего потенциала лексических категорий тематической области «животный мир» следует, прежде всего, определить понятия, связанные с процессом категоризации как базового когнитивного процесса. Ввиду того что при взаимодействии человека с миром происходит процесс объединения систем мира, человека и языка [Маслова 2015: 15], при этом слитность данных онтологий часто вуалирует разницу объекта и его проекции в сознании человека [там же: 33], нам представляется справедливым рассмотреть отдельно лексические категории и онтологические категории денотатов зоонимической лексики.

По справедливому утверждению С.Д. Кацнельсона, понимание мира и присущих ему отношений возможно только после овладения категориями [Кацнельсон 2001: 450]. В общем понимании категоризация есть деление мира на категории и мысленное соотнесение объекта или события с конкретной категорией [Болдырев 2014а:38], т.е. её понимание осуществляется как в узком смысле, что предполагает подведение некоторой сущности под определенную категорию, так и в широком, когда она характеризует сам процесс образования категорий [КСКТ 1997: 42]. Языковая категория может иметь широкое понимание как любая группа элементов языка, которая выделяется на основе некоторого общего свойства, и узкое – как лежащий в основе деления признак, позволяющий дифференцировать совокупности языковых единиц на непересекающиеся классы [Языкознание. БЭС 1998: 215]. Понятие категоризации включает в себя статический и динамический аспекты, которые характеризуют её как процесс и как результат.

Итак, рассмотрим процессы и результаты категоризации в онтологиях языка, мира и человека, хотя рассмотрение систем языка и мира в полном абст-

рагировании от сознания человека всё равно не представляется возможным, поскольку язык, не будучи естественным объектом бытия, неизбежно предполагает формирование своих единиц посредством деятельности субъекта для обозначения некоторого фрагмента реальности [Шарандин 2011: 12].

Рассматривая в работе зоонимическую лексику, денотатами которой являются представители животного мира, отметим, что упорядоченное представление об их уровневой организации ориентировано на морфологический анализ, выдвигающий три критерия выделения уровней организации: функционально-морфологический (по типам пищеварения и способу локомоции), морфоконструктивный (по принципу построения тела и конструктивной единицы тела) и конструктивно-целостный (по особому уровню индивидуальности особи [Левушкин 1994: 229]. Кроме того, современная систематика ориентирована на генеалогические отношения между индивидами, например, при образовании двух отдельных видов ввиду разделения популяции [Paululat 2011: 16], что соответственно должно быть зафиксировано в таксономии посредством образования новых лексических единиц.

Однако для настоящего исследования указанные принципы не имеют большой значимости по причине того, что изучаемые языковые единицы, обозначающие структурированные по данным принципам их денотаты в понимании зоологов, не передают для большинства носителей языка определяющие эти денотаты знания, составляющие сущность указанных принципов.

Для более точного использования терминов следует также отметить, что в рамках биологии более употребителен термин *систематизация,* которая направлена на раскрытие природы и структуры органического разнообразия, тогда как результаты классификаций суть пояснительные схемы, позволяющие наглядно раскрыть результаты исследования таксономического паттерна [Шаталкин 1988: 3]. Фактически разница понятий состоит в том, что систематизация подчеркивает ориентацию на первичное изучение природы объекта, а суть классификации – дифференцирующая деятельность. Важно также отметить, что в понятие *класс* в биологической систематике вкладывается особый смысл, и,

например, все виды денотатов зоонима *длинноухие прыгунчики* объединяются не в *класс,* а в *род,* относясь при этом к *классу* млекопитающих.

В противоположность вышесказанному отметим, что *категоризация* животного мира, которая является более субъективной абстракцией, в рамках биологии едва ли возможна, по причине того, что результатом её будет неправомерно отражающая реальность система, и неслучайно термина *биологическая категоризация* в науке нет. Однако заметим, в некоторых работах можно встретить термин *научная категория,* например, В.Б. Гольдберг разделяет научные лингвистические, научные специальные и обыденно языковые категории, первые из которых направлены на описание языка, остальные – на отражение реального мира [Гольдберг 2002: 149].

Тем не менее, остается открытым вопрос об упорядоченности понятий о представителях животного мира в сознании носителей языка, которая направлена не на структурирование в сознании зоонимической лексики и не на условное разделение по классам представителей животного мира, а на систематизацию понятий, выраженных в языке зоонимической лексикой, обозначающей животных как части реального мира. Язык опирается на общие когнитивные системы, от которых он не может быть четко отделен [Langacker 2009: 42], и очевидно, что упорядоченность данных понятий должна представлять некоторый аналог категоризации естественных объектов, который находит свое выражение в языке, что в когнитивной лингвистике получило название *лексической категоризации.*

По мнению Н.Н. Болдырева, лексические категории являются не собственно языковыми, а аналоговыми по отношению к реальному миру [Болдырев 2006: 10], т.е. лексическая категоризация, в основе которой лежит тематический принцип упорядочивания лексики, реализует гносеологическую функцию языка [Болдырев 2014а: 155]. Формирование лексических категорий происходит по ассоциативному принципу в зависимости от того, каким образом именуемые предметы сгруппированы в сознании субъекта познания на основе их связанности в реальности [Магировская 2008: 111].

Отметим также, что *классификация* лексики имеет лингвистическую направленность, и, по справедливому замечанию А.А. Уфимцевой, её сложности обусловлены выражением в лексике четырёх различных сущностей: 1) семантики языковой единицы, 2) обозначенной категории реального мира, 3) мысленной категории и 4) прагматических факторов [Уфимцева 1988: 118]. Учитывая, что вторая сущность относится скорее к онтологии мира, а четвёртая связана с фоновым подтекстом речевого употребления языковой единицы, то интерес представляет соотнесение *лексических* и *понятийных категорий,* формируемых общностью *лексических значений* и соответствующих им *понятий*.

Среди основных теорий, раскрывающих возможность лексической категоризации, можно выделить классический подход, ведущий начало со времен Аристотеля [Аристотель 1978], принцип семейного сходства (Familienänlichkeit) Л. Витгенштейна [Wittgenstein 2009], прототипический подход Э. Рош [Rosch, Mervis 1976] и другие подходы. Категория существует всякий раз, когда два или более различимых объекта или события рассматриваются эквивалентно [Mervis, Rosch 1981: 89]. На примере относящихся к животным пар признаков (кожный покров – мех, перья; ротовое отверстие – рот, клюв; первичный способ передвижения – полет, ходьба) Э. Рош показывает, что разделение объектов реального мира на категории может быть изначально произвольным только в случае, если все комбинации значений атрибутов имели бы одинаковую вероятность возникновения [там же 1981: 91-92].

В качестве варианта организации категорий Э. Рош выделяет субординатные (subordinate), базовые (basic) и суперординатные (superordinate) категории [Rosch, Mervis 1976: 385], при этом базовый уровень категоризации является наиболее инклюзивным уровнем, на котором все члены категории имеют сходные воспринимаемые формы и могут быть изображены [Varela, Thompson, Rosch 1993: 177]. И чем выше степень включенности категории в таксономию, тем выше уровень абстракции [Rosch, Mervis 1976: 383], о чём частично говорилось в работах Аристотеля, рассуждавшего о мере принадлежности категории к сущности.

Не представляется верным говорить о строгой принадлежности какой-либо категории к тому или иному уровню категоризации и нельзя не согласиться с Б. Тверски, которая, проводя исследования в данном ключе, указывает, что принадлежность одной и той же категории, например, *дуб* у жителей сельской местности относится к базовому уровню, тогда как у городских студентов – к более низкому и подчиняется базовой категории *дерево* [Tversky 1986: 66-67].

Двумя основными принципами категоризации являются когнитивная экономия и структурирование воспринимаемого мира. Первый принцип состоит в стремлении получить через категории максимальное количество информации при использовании минимального числа ресурсов, второй основан на утверждении, что воспринимаемый мир является структурированным набором повторяющихся признаков, при этом речь идёт именно о воспринимаемом мире, а не метафизическом мире без познающего субъекта [Rosch 1978: 28-29].

Итак, основанная на лексическом значении слов и имеющая в результате аналоговые по отношению к реальному миру категории лексическая категоризация выполняет когнитивную функцию и объективирует путь от лексического значения языковой единицы к более сложным концептуальным структурам.

1.2. Ключевые проблемы взаимосвязи языка и когниции

Об отношениях языка и когниции в кругу ученых единого мнения нет. Так, по мнению В. фон Гумбольдта, мышление не только зависит в целом от языка, но даже обусловлено конкретным языком [Гумбольдт 2000: 9]. Слово же является знаком до той степени, до какой оно употребляется вместо какого-либо понятия, а язык – это мир, который находится между внешним миром и внутренним миром человека [там же: 13]. Однако последнее утверждение имеет место, на наш взгляд, в том случае, если речь идёт не о конкретном акте восприятия объекта, а о языке как средстве передачи информации между несколькими индивидами, в ином случае внешний мир и внутренний мир человека может связываться посредством невербального мышления. Х. Штейнталь опреде-

лял язык как форму мысли, а мысль – как его содержание [Steinthal 1871: 59], слова суть вечное средство восприятия понятий, а грамматические формы – средство восприятия логических форм [Steinthal 1860: 99].

Философ-сенсуалист Дж. Локк полагал, что слова, являющиеся по своей природе произвольными знаками, не могут быть таковыми в случае приложения их к неизвестным человеку вещам. То есть, до тех пор, пока у человека нет мыслей и идей, он не может употреблять слова, соответствующие определенным понятиям, в противном случае, это будут «знаки ни для чего» [Локк 1985: 462]. Человек, употребляющий некоторое слово, имеет в сознании *определенную* идею, знаком которой он это слово делает [там же: 89].

Отсутствие *абсолютных* выразительных возможностей естественного языка среди учёных не вызывает сомнений, что представляется справедливым свести к трем аспектам.

Во-первых, рамки познания не следует ограничивать рамками языковых структур, поскольку идейный процесс предполагает сверхфразовую информацию об окружающем мире [Ильин 2016: 437]. Мышление богаче языка своим содержанием, и в процессе мышления образуются новые связи между разными понятиями и представлениями [Серебренников 1988: 104]. Адекватное изложение даже самого незначительного действия невозможно, поскольку каждый речевой акт предполагает предварительный отбор и сортировку психологических элементов, в результате чего внешнее выражение получают только значимые элементы, которые включают в себя остальное и способны воспроизвести его.

Во-вторых, однозначного соответствия между множеством вербальных выражений и континуумом концептуальной системы нет, естественный язык не может сам по себе ничего выражать, если отсутствует его интерпретация [Павилёнис 1983: 115].

В-третьих, расплывчатый характер значения объясняется обобщающей природой слова, контекстуальными сдвигами смыслов, а также отсутствием четких границ между представлениями об описываемых объектах и недостаточной осведомленностью о них [Ullmann 1971: 138].

С другой стороны, содержание понятий остается, в конечном счете, ограниченным словами [Sucharowski 1996: 143], и именно язык позволяет создавать сложные ментальные модели, облегчая при этом ментальную обработку информации [Kioustelidis 2009: 162]. Ментальные конструкции встраиваются в любой дискурс посредством языкового выражения [Fauconnier 1994: 16], а любое значение, оторванное от языка, стало бы чистым актом мысли, развивающимся отдельно от своего носителя [Выготский 1999: 13-14].

Выявление механизмов и форматов формирования вторичных значений языковых единиц представляется нелогичным без рассмотрения процесса формирования первичных значений в сознании индивида, поскольку вторичные процессы в языке суть вторичные представления уже известного, но в некоторой степени измененного посредством взаимодействия концептов одной или разных когнитивных областей.

Непосредственно этап восприятия объекта или явления может осуществляться без помощи языка, а затем получать мысленно языковую форму, которая может быть воспроизведённой. Кроме того, между мыслью и словом существуют разные дистанции, определяемые разными типами речи и людей, а также сложностью и абстрактностью мысли [Кубрякова 1986: 51].

Перцептивные процессы являются основой формирования мышления, что кратко было сформулировано философами-сенсуалистами: «ничто не существует в интеллекте, чего раньше не было бы в ощущениях» [Величковский 1973: 5]. Под ощущением можно понимать способность наших органов чувств обнаруживать различные формы энергии, что не всегда влечет за собой понимание данной информации [Pike, Edgar 2004: 73]. В основе формирования вторичных значений часто лежат перцептивные процессы, особенно зрительный канал восприятия. Совокупностью ощущений является восприятие объекта или явление, под которым будем понимать осознанность чего-либо в сознании человека в конкретный момент времени в виде образов [Немов 2007: 72], иными словами, восприятие (perception) – это процесс построения описания окружающего мира [Pike, Edgar 2004: 73].

Образы, возникающие при непосредственном восприятии реальных объектов и явлений, можно условно назвать первичными, в то время как переход к вторичным образам осуществляется опосредованно, ввиду чего становятся возможными изменения в структуре признаков. Чаще всего происходит редукция случайных признаков и усиление существенных. Эти вторичные образы формируют т.н. уровень представлений, состоящий из эталонов, которые хранятся в памяти, и благодаря которым мы в состоянии опознать объект [Головко 2012: 79]. При восприятии особенно ярко воспринимаются негативные признаки объекта, и, как указывает Н.Д. Арутюнова, восприятие мира, прежде всего, фиксирует аномальные явления [Арутюнова 1999: 80].

Также следует отметить, что восприятие часто носит автоморфный характер, что обусловлено тенденцией человека воспринимать других по своему подобию [Немов 2007: 72], то есть особенно ярко будут восприниматься признаки, в той или иной степени характерные для воспринимающего субъекта. Именно поэтому областью-целью интерпретации часто выступает человек, что будет показано в практической части работы. С. Косслин отмечает, что образы воспринимаемых объектов представляют собой пространственные репрезентации оперативной памяти и генерируются из более абстрактных представлений в долговременной памяти [Kosslyn 1978: 167]. Распознавание представляет собой сопоставление нового стимула с информацией, полученной о нем ранее и хранящейся в закодированном виде в долговременной памяти [Сазонова 2000: 7].

Таким образом, следует говорить о 4 стадиях перцептивного действия: обнаружение объекта (первичное ощущение), различение (собственно восприятие), идентификация (отождествление с эталоном) и опознание, при этом первые две представляют собой перцептивные действия, а последние – опознавательные, то есть первые направлены на создание эталона, а последние – на сличение наличного стимула с уже созданными эталонами [Зинченко 1981: 8].

Оперирование имеющимися эталонами иллюстрирует свойство памяти хранить информацию об объекте, вследствие чего номинация становится воз-

можной не только путем остенсивного указания. Наше восприятие того, что мы делаем, частично зависит от нашего опыта [Kioustelidis 2009: 60].

Спустя некоторое время после того, как человек воспринимал какой-либо предмет, образ этого предмета может быть снова невольно или намеренно воссоздан им из предыдущего опыта. Данное явление получило название «представление», то есть совокупность активизированных минимальных единиц знания [Колодина 2002: 9]. В контексте теории интерпретации мы будем вести речь в большинстве случаев именно о представлениях, поскольку ситуации, в которых восприятие объектов обеих взаимодействующих концептуальных областей происходит непосредственным образом, видятся маловероятным.

Небезосновательно существует мнение, что даже первичное восприятие имеет интерпретирующий характер. Э. Штернберг, изучая оптические иллюзии, отмечает, что человек не просто воспринимает окружающий мир, но также интерпретирует его [Штернберг 2015: 14]. Однако подобная интерпретация имеет первичный характер, отличный от образной вторичной интерпретации. Таким образом, мы отделяем первичное восприятие от вторичных представлений по памяти и воображению, которые являются часто интерпретативно-оценочным.

Е.С. Кубрякова указывает на то, что перед стадией вербализации мысль проходит невербальную стадию [Кубрякова 1986: 49]. Человеку свойственно невербальное внутреннее мышление, которое представляет собой переплетение некоторых образов, незавершенных фраз [Спринц 2009: 55]. В языке невербальной формы имеются только изображения, представляющие собой обозначаемое натурального языка, и сущностью процесса мышления становится конструктивный отбор языковых средств, указывающий на закономерности отбора слов и конструкций [Гак 1973: 363].

Значение является ключом к возможности передачи информации между разными субъектами. И чтобы мысль одного человека стала достоянием другого, ей необходимо быть облеченной посредством звуковых или графических знаков в чувственно воспринимаемую форму [Серебренников 1988: 75]. Однако содержание представлений само по себе не может передаваться, и все наши

знания о содержании представлений другого человека основаны лишь на выводах из наших собственных представлений [Paul 1920: 15].

В большинстве случаев это не изменяет кардинально смысл высказывания, а порождает собственное представление, что способствует многообразию вариантов интерпретации событий. Соответственно разные субъекты порождают многообразие представлений, связанных с одним и тем же смыслом. Представление тем самым существенно отличается от смысла знака, который может быть общим достоянием многих и, следовательно, не является частью или модусом единой души; ибо нельзя отрицать, что человечество имеет общее сокровище мыслей, которое оно передает из одного рода в другой [Frege 1892: 30].

Кроме того, от субъекта и ситуации зависит тот или иной способ вербализации мысли, что в общем смысле отражает процесс номинации.

1.3. Соотношение понятий первичной и вторичной номинации

Как отмечает Г. Сенфт, одним из основных вопросов изучения языка является то, как воспринимаемый мир выражается и представляется в языке и через него, и как язык относится к воспринимаемому миру, к его объектам и живым существам [Senft 2007: 677]. В данном ключе следует обратиться к термину *номинация*, под которым можно понимать как процесс наименования, присвоение имени, называние [Торопцев 1980: 7], так и его результат, т.е. сами языковые единицы, обозначающие любые элементы действительности и покрывающие наименования того или иного денотата [Исакова 2004: 8]. Неоднозначность определения термина *номинация* обусловлена во многом его употреблением как в статическом, так и в динамическом аспекте [Кравец 2011: 255].

Номинация в языке осуществляется через языковой знак, который частично представляет определенный концепт в языке, поскольку полное выражение концепта возможно только совокупностью различных языковых средств. Сама языковая единица как результат номинации есть средство доступа к концептуальному знанию, поэтому номинацию можно охарактеризовать как

«ключ, открывающий концепт как единицу мыслительной деятельности» [Попова 2007: 55]. Её можно рассматривать, с одной стороны, как средство материализации мышления [Языковая номинация 1977: 19], с другой стороны, как перевод материального в идеальное [Багана, Кравец 2012: 116], если речь идёт об именовании фрагмента реальности, а не о мысли о нём.

В связи с этим, можно обнаружить два основных подхода к понятию *номинация. Ономасиологический подход* позволяет рассматривать её как лексическую номинацию, то есть как именование феноменов реальности с помощью различных языковых единиц, а *когнитивный* – как языковую репрезентацию ментальных сущностей, то есть их кодирование посредством языка [Малинка, Нагель 2011: 54]. В первом случае рассматривается движение к языковому знаку от его денотата, а во втором – от сигнификата, вследствие чего последний подход представляет более глубокий способ анализа номинативных единиц.

Эти же лингвистические феномены языковой номинации рассматриваются в коллективной работе А.А. Уфимцевой, Э.С. Азнауровой, Е.С. Кубряковой и В.Н. Телии как *семиотический* и *гносеологический* аспекты номинации. Гносеологический аспект предполагает абстрактное обобщение феноменов реальности, т.е. процесс, обратный референции, а семиотический – репрезентацию данного осмысления посредством языковых знаков, т.е. фактически саму номинацию [Языковая номинация 1977: 20].

Ономасиологический подход к исследованию языковых единиц предполагает восстановление процесса поиска и выбора средств номинации. Как отмечал В.Г. Гак, номинация является путём, проделываемым индивидом от предмета, явления или понятия к языковому знаку [Гак 2004: 28]

Под понятием *создание языкового знака* можно подразумевать как непосредственный процесс создания, так и процесс воспроизведения языковых единиц. Н.Ф. Алефиренко называет данные процессы *первичным* и *вторичным* знакообразованием соответственно. Первый случай представляет реализацию простейших коммуникативных намерений, а второй связан со спонтанным или намеренным употреблением имеющихся знаков в языке [Алефиренко 2006: 44].

Первичное знакообразование можно считать результативным, если данная языковая единица получает способность воспроизводимости, т.е. ключ ко вторичному знакообразованию. Это происходит в случае, если человек, изобретая или открывая какой-либо предмет, даёт ему название, по которому остальные узнают о данном предмете, и новое название становится уместным, обеспечивая к себе всеобщий доступ [Paul 1920: 177]. Только там, где говорение и понимание основаны на воспроизведении, начинается язык [там же: 187].

Последний тезис обращает нас к семасиологическому подходу, который направлен на изучение значений уже существующих языковых единиц. Для данного подхода применимы дефиниция Г.В. Колшанского, определяющего номинацию как закрепление за словом понятия, которое отображает некоторые свойства предметов [Колшанский 1990: 15], а также утверждение А.А.Уфимцевой о том, что первичная номинация возможна лишь в случае появления возможности с помощью языковой формы воссоздать в сознании определенный предмет [Уфимцева 1977: 25].

Исследование языковых единиц в практической части предполагает использование сначала семасиологического подхода, т.е. анализ их значений, а затем – ономасиологического с выявлением когнитивных механизмов их формирования и особенностей функционирования языковых средств.

По мнению В.Н. Телии, процесс номинации включает в себя именуемый объект, именующий субъект и особенность используемых языковых средств [Телия 1990: 336], в связи с чем вопрос номинации неизбежно предполагает характеристику осуществляющего номинацию субъекта, а также характера и особенностей обозначаемого феномена реальности.

Поскольку речь говорящего использует как механизм воспроизведения знакомых единиц из памяти, так и сборки единиц по правилам [Кубрякова 1986: 44], то это способствует многообразию вариантов номинации одного и того же объекта или явления. При этом сам лингвистический знак может лишь частично изменяться, оставаясь тождественным самому себе благодаря своей другой неподвижной части [Карцевский 2004: 240].

Как отмечает М. Минский, ввиду того, что каждый индивид располагает собственными методами формирования межфреймовых знаний, эти «озарения» посещают сначала определенных людей, а затем, сформировавшаяся идея получает возможное распространение через всю культуру [Минский 1988: 292]. В теории номинации такое явление называется *окказиональной* номинацией, предполагающей использование случайных языковых средств для номинации объекта или явления, уже имеющего название, фиксированное лексикографически. Соответственно последний вариант является *узуальной* номинацией. Однако в случае, если названия получают свою лексикографическую фиксацию, то *окказиональной* данную номинацию назвать уже не представляется возможным, в данном случае следует разделить понятия *первичной* и *вторичной номинации.*

Однозначного определения данных терминов в лингвистике не существует. Сам акт номинации Е.С. Кубряковой определяется как процесс, который направлен или на выбор имеющегося в языке готового обозначения для именуемого предмета или явления, или на создание подходящего для него названия [Кубрякова 1986: 42]. Представляется, что в данном определении описываются процессы, сходные с узуальной и окказиональной номинацией, и понятие *первичной номинации* может быть связано как с именованием безымянного предмета новой языковой единицей, так и с использованием этой первичной языковой единицы для именования соответствующего предмета в дальнейшем.

Относительно первого случая можно обнаружить стороны определения первичной номинации как номинации еще не названного объекта [Азнаурова 1977: 124] и как соотнесение объектов реальности со звукорядом, еще не использованным в функции наименования [Языковая номинация 1977: 73].

Поскольку признаки, характеризующие разные фрагменты реальности, не получают в языковой единице полного отражения, структура значения слова содержит потенциальные семы, которые предопределяют возможность существования нестандартных сочетаний слов и сдвигов значений, что определяет гипотетическое употребление слова в непрямой функции [Азнаурова 1977: 93-94].

В общем смысле вторичная номинация проявляет себя в случае несовпадения закрепленного за объектом названия и имени, данного в определенной ситуации. В.Н. Телия определяет вторичную номинацию как использование уже существующих в языке средств номинации в новой для них функции наречения [Телия 1977: 129], Н.В. Ушкова – как присвоение имени уже именованному феномену реальности [Ушкова 2013: 241].

Процесс и результат вторичной номинации, на наш взгляд, следует различать в её окказиональной и узуальной формах. При окказиональной номинации процессом является создание вторичного названия для какого-либо уже именованного объекта, а результатом – окказиональное вторичное значение, применяемое к этому объекту. Однако не получив зафиксированного вторичного значения, данная единица не может стоять наравне с результатом узуальной номинации – закрепленным вторичным значением, которое изначально предполагает номинацию именно этого объекта. Соответственно, процесс узуальной вторичной номинации предполагает использование существующего вторичного значения для номинации определенного объекта.

Следующим важным вопросом является разделение *автономной (непрямой)* и *неавтономной (косвенной*) номинаций. По определениям В.Н. Телии, сформировавшийся в результате номинации смысл может соотноситься с внеязыковым рядом как *автономно,* то есть в случае зависимости характера нового лексического значения только от заключенной смысловой информации, так и *косвенно,* то есть под воздействием смыслового содержания иного наименования, детерминирующего характер отображения действительности [Телия 1977: 129-130], то есть посредством комбинаторной техники языка. Это устойчивые сочетания, в которых переосмыслен один из компонентов, но его вторичное значение не воспринимается без другого компонента.

Случаи косвенной номинации описаны в указанной работе В.Н. Телии. Этот вид номинации можно обнаружить, если переосмысляемое значение слова, находящегося в составе словосочетания или композита, не имеет вторичного значения, связанного с характеристикой именуемого данным композитом или

словосочетанием субъекта или объекта. Иная часть производной языковой единицы будет выступать в качестве *опорного* наименования, посредством значения которого данное слово сможет соотноситься со своим денотатом.

Компонентами непрямой номинации являются действительность, понятийно-языковая форма её отражения, переосмысленное значение языковой формы и сама языковая форма, выступающая во вторичной функции [Телия 1977: 159]. То есть для образования нового понятия на основе уже существующей языковой единицы необходимо обращение к её понятийно-языковой форме, определяющей характер перехода одного понятия в другое [там же: 168]. Компоненты косвенной номинации включают также сигнификат опорного наименования, благодаря которому переосмысляется значение [там же: 162].

Сложнее обстоит дело с окказиональной косвенной номинацией, поскольку переосмысление значения лексемы осуществляется только благодаря опорному наименованию, однако в отличие от узуальной номинации сочетание лексемы с опорным наименованием не зафиксировано узуально, т.е. носит спонтанный характер, и воспринимающий данную номинацию субъект сначала должен увидеть в сигнификате опорного наименования признак, связывающий его со значением переосмысляемого слова, а затем уже переосмыслить значение самой лексической единицы.

Таким образом, возможность употребления языкового знака в его вторичном значении показывает возможность переосмысления значения языковой единицы на основе различных сходств между её первичным денотатом и номинируемым объектом.

1.4. Характеристика когнитивных механизмов, лежащих в основе интерпретации

Как было отмечено выше, формирование вторичного значения не может быть замкнуто исключительно на обозначенном данной единицей денотате, т.е. вторичные явления суть взаимодействия нескольких концептов, а вторичность

носит индуктивный характер. Как отмечает Л.А. Панасенко, установление межконцептуальных связей базируется на принципе концептуального согласования [Панасенко 2016: 82]. Фактически любое вторичное явление предполагает взаимодействие двух сущностей, при этом семантическое содержание одной посредством ассоциации передает содержание другой [Searle 1979: 110].

Одним из способов связи разных актуализируемых когнитивных областей между собой является их наложение или включение, а также аналогия, позволяющая соединять в сознании когнитивные области различных конфигураций, что и позволяет в дальнейшем употреблять вербализирующие их языковые единицы в переносном значении [Лэнекер 2006: 17].

Обозначим далее участвующие в процессе интерпретации концепты относительно обозначающей их языковой единицы, получающей вторичное значение на примере вторичного значения слова *Fuchs – Mensch mit roten Haaren* [duden.de]. В данном случае интерпретируемым концептом является концепт ‘Mensch’, а языковая единица *Fuchs* является инструментом интерпретации. Сам концепт ‘Fuchs’ обладает потенциалом интерпретации, т.е. благодаря нему возможна интерпретация концепта ‘Mensch’, однако он подвергается интерпретации иного рода, поскольку рождает новый концепт ‘Fuchs’ с вышеуказанным значением. Интерпретирующим, на наш взгляд, может быть только субъект, поскольку интерпретацию осуществляет именно он, концепт ‘Fuchs’ является *концептом, вербализированным языковым знаком, который выступает в качестве инструмента интерпретации относительно интерпретируемого концепта,* однако посредством когнитивной метонимии ИНСТРУМЕНТ *вместо* СУБЪЕКТ условимся называть концепт ‘Fuchs’ также интерпретирующим относительно концепта ‘Mensch’.

Денотаты вторичных единиц имеют в качестве эквивалентов знаки, выступающие в данном обозначении в своей первичной функции, вследствие чего возникает вопрос о необходимости их употребления. Вторичные знаки неизбежно влекут за собой явления омонимии и синонимии, которые можно было бы избежать при использовании первичного значения, что иллюстрирует раз-

ный характер вторичности. Но экономичность языка стремится избавиться от количественного приращения языковых знаков, вследствие чего номинативная деятельность осуществляется в рамках вторичной номинации [Телия 1977: 132].

Совсем иначе следует рассмотреть вопрос о том, *как* формируются эти вторичные значения и *посредством чего* это становится возможным. У. Эко считает, что язык, оперируя известными элементами культуры, делает возможность закрепления за последними новых семиотических меток, что называется творческой способностью, регулируемой правилами, примером чего выступает использование риторических фигур разного рода [Эко 2007: 117-118].

Однако достаточно сложно определить, какая именно информация подвергается перестройке, поскольку не существуют какие-либо «предписания относительно обязательности сдвигов значения» [Блэк 1990: 168], что, возможно, обусловлено ключевой ролью в формировании вторичных значений мыслящего и именующего субъекта, ибо овладевание человека языком изоморфно его усвоению предметного мира [Кубрякова 1991: 90], вследствие чего любое понятийное осмысление фрагментов реальности, которое в дальнейшем получает языковую вербализацию, базируется первоначально на эмпирическом освоении действительности.

Термин «субъект познания» предполагает иерархическую организацию данной категории в зависимости от типа взаимодействия с миром, вследствие чего относительно когнитивных функций можно выделить его разные типы (Таблица 1):

Тип взаимодействия с окружающим миром	**Тип субъекта познания**
эмпирическое познание	субъект эмпирического познания = наблюдатель
понятийное осмысление	субъект понятийного осмысления
вторичное осмысление	субъект вторичного осмысления = интерпретатор и субъект оценки

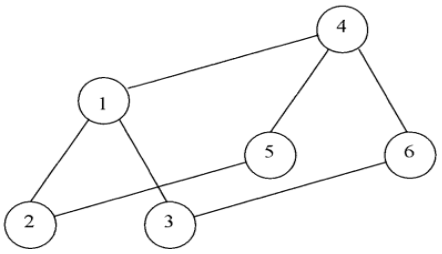
[Магировская 2013: 58], [Болдырев, Магировская 2009: 8].

Таблица 1. Типы субъектов познания

В качестве варианта графического изображения взаимодействия первичного и производного значений в составе идиомы особого внимания заслуживает работа Д. Герартса, где автор разделяет два типа отношений в идиоме. Парадигматическое измерение идиом в первую очередь включает связь между первоначальным значением выражения и его производным значением. Во-вторых, оно включает в себя связи между первоначальными, буквальными значениями составных частей идиоматического выражения и интерпретацией, которую эти части получают в переносном прочтении выражения в целом.

Синтагматическое измерение идиоматических выражений включает в себя взаимосвязь между интерпретацией составных частей выражения с интерпретацией выражения в целом, как в отношении первоначального значения, так и в отношении производного. Оба типа отношений представлены автором в виде схемы, представленной на Рисунке 1:

1 – целое выражение в буквальном прочтении
2 – первый компонент в буквальном прочтении
3 – второй компонент в переносном прочтении
4 - целое выражение в переносном прочтении
5 – первый компонент в переносном прочтении
6 – второй компонент в переносном прочтении



[Geeraerts 2006: 199].

Рисунок 1. Типы отношений в идиоме по Д. Герартсу.

Данный способ графического представления вторичных значений может быть применим к сложным существительным экзоцентрического характера или композитам, имеющих вторичное значение одной из частей.

Также важной стороной формирования идиом является наличие у них мотивированности и изоморфизма. В представлении значения идиомы в виде треугольной призмы Д. Герартс соотносит наличие мотивированности с боковыми рёбрами призмы, а изоморфизм – с рёбрами её оснований [Geeraerts 2006: 201]. При отсутствии одного из параметров призма теряет ребро, и процесс форми-

рования вторичного смысла языковой единицы приобретает бóльшую завуалированность.

Важность вторичного осмысления в процессе когнитивной деятельности объясняет многообразие используемых при этом когнитивных механизмов. Так, осуществление концептуальной интеграции возможно по метафорической и метонимической моделям с использованием механизмов соположения, достраивания и перспективизации в первом случае и добавления к перечисленным механизмам сравнения и развития во втором [Бабина 2003: 6], конечной целью чего является построение новых межконцептуальных связей.

Для их установления необходимо концептуальное согласование, которое, по утверждению Л.А. Панасенко, проявляется в структуре интерпретации как ассоциативное или логическое согласование, при этом в первом случае согласование обеспечивается когнитивными механизмами аналогии, метафоры, сравнения, метонимии и дефокусирования, а во втором – генерализацией и сужением концептуального содержания [Панасенко 2016: 82]. Данное деление представляется справедливым, однако к механизмам ассоциативного согласования следует также относить метафтонимию как различные комбинации метафор и метонимий в одном языковом выражении. Аналогия в данной работе рассматривается как основа метафоры, а не отдельный механизм. Кроме того, вопрос вызывает когнитивный механизм дефокусирования, который определяется О.К. Ирисхановой как изменение фокуса внимания говорящих через понижение степени выделенности определенных элементов рассматриваемого феномена реальности, т. е. их отнесению в фон [Ирисханова 2010: 78], ввиду того что любое дефокусирование вторичных свойств объекта связано с фокусированием на его более весомых свойствах, поэтому, как видится, дефокусирование является необходимым условием фокусирования, являющегося более весомым для выделения мотивирующего семантический сдвиг признака. Нам представляется, что профилирование и дефокусрование осуществляются на уровне перцепции, тогда как метафора и образное сравнение – на уровне языка.

Следует определенно различать понятия когнитивного механизма и языкового изобразительно-выразительного средства. Так, традиционные эпитеты как изобразительно-выразительные средства языка, например, *золотые руки, тоска зелёная, ночка чёрная, синее море* и т.д. с точки зрения принадлежности к тому или иному когнитивному механизму являются метафорами. В первом случае идет перенос из области «вещество» в область «качество работы» по признаку ‘ценный, дорогой’, во втором – перенос из области «цвет» в «абстрактные характеристики» по признаку ‘однообразный’, что, однако, косвенно обусловлено отнесением зелёного цвета к болоту, тогда как третий и четвёртый пример показывают усиление признака «цвет», т.е. его гиперболизацию, хотя возможно и рассмотрение третьего примера как метафоры, поскольку, во-первых, определение *чёрный* направлено не на ночь, являющуюся абстрактным обозначением соответствующего отрезка времени, а на некоторые предметы пространства, во-вторых, сами предметы также не меняют локальный цвет, меняется лишь наше представление о них, то есть представляется допустимым говорить о метафорическом переносе из области «локальный цвет» в область «представление о цвете» по признаку ‘интенсивный’.

Также справедливо утверждать, что, во-первых, метафора может быть описана в двух смыслах, с одной стороны, как когнитивный процесс, которым выражаются и формируются новые понятия, а с другой стороны, как культурный процесс, через который изменяется сам язык [McCormack 1985: 5-6].

Во-вторых, особое значение среди когнитивных механизмов имеют метафора и метонимия. По утверждению О.С. Шармановой, метафора и метонимия суть механизмы познания на основе взаимодействия области-источника и области-мишени, но также они представляют собой знаки вторичной номинации, являющиеся материализацией концептуальных феноменов [Шарманова 2012: 7]. При этом метонимию можно рассматривать как частный случай метафоры, в которой областями целью и источником являются *целое – часть, содержимое – сосуд* и т.д. [Searle 1979: 110]. Метафора может в определенном смысле включать в себя иные когнитивные механизмы, например, гиперболу или сравнение.

Отметим сразу, что метафора и метонимия могут использоваться как референциально, так и предикативно. Первый вариант предполагает отсутствие прямого именования характеризуемого субъекта или объекта (*The pig is waiting for his bilí (the pig = the customer)* и *Wall Street is in crisis (the street = the institution)*), в то время как предикативное употребление неизбежно предполагает наличие обозначения характеризуемого субъекта, например, *This customer is the pig*, или *He is a (real) brain (he is very intelligent)* [Herrero-Ruiz 2006: 171].

Нельзя обойти тот факт, что базовым когнитивным инструментом структурирования знаний в ключе универсальной деятельности концептуализатора представляется когнитивная операция сравнения, которая необходима при сопоставлении концептуализируемой сущности либо с её частью, либо с иной сущностью [Магировская 2007: 124], а поскольку понятийное осмысление лежит в основе вторичного осмысления реальности, то представляется возможным предположить, что данная мыслительная операция лежит в основе процесса вторичной концептуализации мира. В пользу данного тезиса говорит также то, что концептуальное согласование не может осуществляться вне обнаружения сходств и различий сопоставляемых сущностей, т.е. их сравнения.

Отметим, что термин *сравнение* в данном случае употреблен в широком смысле, и мы четко отделяем его от наиболее прямо вербализирующего его тропа *сравнения,* поскольку данная когнитивная операция может вербализироваться в ряде иных языковых конструкций, в т.ч метафоре, например, в предложении *«Глалогом жги сердца людей»,* процесс зажигания как стимулирование эндотермической реакции с интенсивным выделением тепла сравнивается с «зажиганием» сердец, то есть стимулированием людей к действию.

Остановимся подробнее на указанных когнитивных механизмах, через которые становятся возможными ассоциативное и логическое согласования.

Следует рассмотреть далее важное понятие *ассоциации,* поскольку, если основу первичных значений составляет семиотическое установление связи определенного языкового знака с концептом, то вторичные значения мотивированы разными ассоциативными связями между первичными значениями [Ники-

тин 1974: 72]. Вслед за О.Г. Винокуром будем понимать под ассоциациями связь представлений, посредством которой одно из них вызывает другое по сходству, смежности или противоположности [Винокур 1947: 4].

В. Вундт предлагает выделять одновременные и последовательные ассоциации, при этом одновременные ассоциации психических структур разнородных чувств объединяются под названием *осложнения*. Последовательные ассоциации фактически являются ассоциациями психических структур с временной последовательностью [Wundt 1902: 270]. Под *слияниями* психолог понимает закрепленные ассоциации психических элементов, посредством которых некоторые из этих элементов никогда не могут возникать изолированно [там же: 271].

Для образования вторичных значений необходимы определённые «инструменты», которые в лингвистике именуются когнитивными механизмами и которые могут действовать в совокупности друг с другом.

1.4.1. Метафора

Известно, что хранение информации неизбежно предполагает ее сравнение с иной порцией аналогичных сведений [Савельев 2009: 181], то есть одним из фундаментальных свойств мышления человека является способность видеть сходства различных объектов и понимать на основе этого связи между ними, что и является основой формирования вторичных значений слов [Мечковская 1998: 110]. В процессе мышления по аналогии отображается основная структура известной темы на неизвестную. Структурное отображение предполагает сетевые представления концептов в памяти, в которых базовые структурные отношения и физические характеристики кодируются вместе с каждым концептом [Halpern 2014: 125].

Именно аналогия лежит в основе когнитивного механизма метафоры, хотя в работах некоторых лингвистов можно наблюдать разделение данных механизмов, например, С.А. Жаботинская дифференцирует когнитивные механизмы аналогии и метафоры по схемам сходства и подобия соответственно, т.е. «Х-

компаратив есть как Y-коррелят» и «X-компаратив есть как бы Y-коррелят» [Жаботинская 2010: 60]. Такое понимание является единственным вариантом функционирования аналогии в языке, точнее, в метаязыковой сфере, тогда как метафора как когнитивный механизм может находить вербализацию в соответствующем языковом тропе.

Однако ввиду тонкости и неоднозначности данного разделения мы не будем в настоящей работе определять аналогию как отдельный когнитивный механизм, рассматривая её как основание когнитивной метафоры.

Следует отметить, что понятие «метафора» соотносится, с одной стороны, с когнитивным механизмом, с другой стороны, с формой мышления и его результатом [Соснин 2017: 157]. Кроме того, этот термин применим также к соответствующему изобразительно-выразительному средству, являющемуся наиболее прямым способом экспликации данного когнитивного механизма посредством процесса его вербализации.

Значимость метафоры относительно иных когнитивных механизмов представляется бесспорной, не случайно её принято определять в современной науке как основную ментальную операцию, способ познания, концептуализации и категоризации, а также оценки [Чудинов, Будаев 2007: 9]. Метафоры выступают принципом экономии мышления, а также способом структурирования когнитивной деятельности [Сысолятина 2004: 6].

Возникшая в 80-х годах теория концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, отмечавших, что метафоры пронизывают всю повседневную жизнь и проявляются не только в языке, но также в мышлении [Lakoff, Johnson 1980: 3], предполагает рассмотрение метафоры как движение из области-источника (source domain) в область-цель (target domain).

Однако подобно традиционной теории метафоры теория концептуальной метафоры, сделав несомненный скачок в рассмотрении формирования вторичных смыслов, была раскритикована, вследствие чего на смену её пришли иные варианты решения проблемы. Основные недостатки различных теорий были зафиксированы в работе З. Кёвечеша [Kövecses 2011: 36-37].

В качестве факторов, определяющих индивидуальную метафорическую систему, можно рассмотреть лингвистические структуры и употребления, воплощённый опыт, социокультурные модели и ценности, индивидуальный опыт или мнение [Schmid, Handl 2011: 4]. Языковое употребление той или иной единицы предполагает обязательное согласование с общей семантикой контекста, в том числе употребление условных или отрицательных предложений. Например, в работе Р. Лэнекера приведен пример *If Bill Clinton were the Titanic, the iceberg would sink* [Лэнекер 2006: 17-18]. Ситуация осложняется тем, что выраженное в языке сравнение Клинтона с Титаником не совпадает с фактическим сравнением Клинтона с айсбергом, поскольку его свойствами обладал президент США. Без условного союза метафора теряет смысл: *Clinton was the Titanic,* при этом нельзя путать функциональную нагрузку данного союза, заключающуюся в возможности перестроения концептуального соответствия *Clinton – Titanic* на *Clinton – iceberg*, с модусом фиктивности '*как если бы*', осуществляющего реализацию последней метафоры, т.к. очевидно, что и *айсбергом* Клинтон в реальности не являлся.

Данное предложение является примером нейтрализации когнитивной метафоры, т.е. случаем, когда за счет сопровождающих метафору языковых единиц целое выражение переосмысляется в противоположном направлении.

Решение проблемы сопоставления различных концептуальных областей предложено в работе Ф. Руица и А. Масегоса, исследовавших метафорические цепочки как интерактивные паттерны между двумя метафорами, в которых целевой домен одной метафоры становится источником последующей метафоры [Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2011: 3], в исследованиях Ж. Фоконье и М. Тернера [Turner, Fauconnier 1995], [Fauconnier, Turner 2002], [Fauconnier, Turner 2003], разработавших теорию концептуальной интеграции, которая описывает взаимодействие четырех ментальных пространств, и других работах.

Несмотря на критики той или иной теории, на наш взгляд, их дефектности могут состоять лишь в неполном раскрытии проблемы, а не в ложном понимании. Дж. Лакофф в своей теории оперирует объективно существующими

феноменами, выступающими в функции области-источника и области-цели, тогда как теория концептуальной интеграции заостряет внимание на потенциально возможных ментальных структурах, которые возникают при взаимодействии исходных смыслов, то есть примеры Лакоффа фиксируют вербализацию десигната второго вводного пространства и десигнатор первого. Срединное звено метафорической цепочки может обнаружить сходство с общим пространством, описанным в теории концептуальной интеграции.

Рассматривая метафору как когнитивный механизм, заметим повторно, что он необходимо предполагает взаимодействие двух разнородных сущностей, одна из которых является источником, стимулирующим переосмысление другой, при этом источник обычно менее абстрактен (т.е. более доступен для чувственного восприятия), чем цель [Ruiz de Mendoza, Galera-Masegosa 2011: 3].

В первую очередь рассмотрим психологический аспект мотивированности функционирования метафоры в когнитивной деятельности субъекта. По утверждению О.Н. Сысолятиной, в производстве метафоры взаимодействуют процессы психики и интеллекта, при этом основным актом её формирования является воображение как составляющее звено восприятий, представлений и мышления [Сысолятина 2004: 18]. Именно те представления, которые оставляют наиболее глубокий след в душе, могут становиться основой формирования метафоры, поскольку непонятное и далекое от интересов познающего субъекта становится более доступным и наглядным через понятное и близкое [Paul 1920: 95], что подтверждает мысль о меньшей степени абстрактности источника. По мнению Р. Бисшопса живучесть передается, прежде всего, метафорой, а вместе с ней и способностью удивить слушателя, потому что слушатель ожидает чего-то другого, приобретение новой идеи впечатляет его [Bisschops 1994: 109].

Как уже было сказано, при восприятии мира в сознании человека фиксируются в первую очередь аномальные явления. Именно поэтому представляется справедливым определить метафору как *особенность, необычность* [Betrau 1996: 19]. По мнению Р. Джекендофа, наиболее примечательным аспектом метафоры являются её разнообразие и возможность использования в рамках прак-

тически любых семантических полей [Jackendoff 1999: 209]. Сходство объектов, выделяемое в процессе метафоры как когнитивного процесса, отлично от обыкновенного сходства [Betrau 1996: 140], и является новым и неожиданным в отличие от обычного подобия двух идентичных объектов [Davidson 1978: 33].

С другой стороны, метафора как механизм мышления является бессознательным для говорящего [Bąk 2014: 12], иными словами, все эти сложные процессы, происходящие в голове индивида при производстве метафоры, являются завуалированными для его сознания. Состоящий из трёх этапов: распознавания, реконструкции и интерпретации, процесс понимания метафоры на практике часто сливается в один ментальный акт [Miller 1993: 379-380].

В контексте психологического аспекта рассмотрим вопрос о том, *почему* метафоры возникают в сознании и, следовательно, способны воспроизводиться в речи. По мнению Г. Гегеля, метафорический способ выражения усиливает чувства и протекает только из наслаждения фантазии своим изобилием, по причине неудовлетворения фантазии выражением значения в «простой безóбразности». Дух углубляется в созерцание родственных предметов, освобождаясь от их внешней стороны [Гегель 1988: 114-115].

Также вопрос *почему* тесно коррелирует с вопросом *зачем,* то есть с какой целью необходимо использование метафоры. Е.О. Шибанова отмечает, что использование концептуальных метафор в публицистике позволяет зафиксировать внимание читателя на центральной теме и способствует раскрытию имплицитной информации [Шибанова 1999: 17]. Метафорическая проекция является только одним из способов достижения порядка и структуры в нашем опыте, который мы можем понять. Эпистемологическое значение метафоры зависит от ее роли в качестве эмпирического процесса, в котором структура создается и проецируется в нашем понимании [Johnson 1987: 100].

Говоря о попытках классифицировать метафоры, можно отметить, что среди лингвистов единого мнения по данному вопросу нет. Так, Дж. Лакофф и М. Джонсон разделяют метафоры на три группы: ориентационные, онтологические и структурные [Lakoff, Johnson 1980], но рассматриваемые в настоящей

работе метафоры с компонентом-зоонимом фактически не принадлежат ни к одной из данных групп.

Г. Пауль представляет более обширную, но менее структурированную классификацию метафор [Paul 1920]. Для проводимого исследования особую роль играет описанный ученым перенос по внешнему сходству, предполагающий в данной работе интерпретацию значения зоонима по формату перцепции.

Среди отечественных исследователей огромный вклад в разработку классификации метафор был внесен В.Н. Телией и Н.Д. Арутюновой. Н.Д. Арутюнова разделяет метафоры по коммуникативно-функциональным свойствам, выделяя номинативную, образную, когнитивную и генерализирующую [Арутюнова, 1978]. В силу неустойчивости номинативной метафоры и восприятии её знака как средства идентификации, нам видится более важным рассмотрение образной метафоры, ср., например, производное от *Wolf Fleischwolf* и переход дескрипции в предикацию *Er ist der Wolf!* Важно заметить, что использование метафоры в номинативных целях рождает омонимию, тогда как метафоры образного типа, вносящие в семантическую структуру лексемы образное значение, являются источником синонимии [там же: 333-335]. Такое разделение выводит наружу основной парадокс метафоры, который заключается в том, что стремление к частному и субъективному через призму метафоры может иметь в качестве результата общее и безликое [там же: 341].

В.Н. Телия определяет *антропометричность* как важнейшее свойство метафоры [Телия 1988: 189] и кладет в основу классификации метафор характер интенции субъекта, имеющую в основе различную реализацию антропометричности метафоры и интерпретацию т.н. *модуса фиктивности,* что определяет наименование данной классификации как *функционально-номинативная* [там же: 190]. Отметим, что *модус фиктивности* представляет собой понимание того, что буквальное значение метафоры должно восприниматься «фиктивно». Он является движущей силой знаний о мире, порождающих, в свою очередь, образно-ассоциативные представления [Телия 1996: 137].

Итак, среди номинативно-функциональных типов метафоры В.Н. Телия выделяет идентифицирующую, когнитивную, образную, оценочную и оценочно-экспрессивную [Телия 1988: 194-200].

В работе Л.А. Панасенко разделяются концептуальная и синестетическая метафоры, последняя из которых предполагает установление межконцептуальных связей между качествами различных областей чувствительности [Панасенко 2016: 84]. Явление синестезии как перенос качеств одной модальности на другую рассматривалось А.Р. Лурией [Лурия 2006: 108-110], например, метафорические определения в словосочетаниях *светлый звук, сладкий аромат* основаны на переносе признака из сферы зрительного восприятия в сферу слухового и из сферы вкусового в сферу восприятия посредством обоняния.

Особенностями метафоры такого типа видятся следующие: во-первых, в данном случае неизбежна косвенная номинация, при которой опорное слово и определение в своем первичном значении принадлежат к разным областям чувствительности, в противном случае *светлый* и *сладкий* будут обозначать цветовые и вкусовые характеристики. Во-вторых, синестетическую метафору представляется возможным рассматривать как специфический тип концептуальной, критерием которой является принадлежность цели и источника к сфере чувств, то есть выражения *мягкий голос, режущий визг* можно рассмотреть как концептуальные метафоры с источником ОЩУЩЕНИЕ и целью ЗВУК.

В настоящей работе о синестезии можно вести речь едва ли в случаях включения зоонима в прилагательное для усиления качества, например, *saukalt (очень холодно),* что, однако, не является непосредственным переносом, а обусловлено оценкой: *Sau (нечто грязное – зрительное восприятие) → Sau (нечто дурное – оценка) → Sau (нечто холодное – чувственное восприятие).*

В работах Ф. Вилрайта имеется разделение на эпифору и диафору, при этом первый термин имеет корни ещё в Аристотелевской «Поэтике». Эпифора основана на сформированном значении слова, определяемый денотат которого соотносится с более конкретным образом, например, *Life is a dream, God the Father* [Wheelwright 1968: 72-73], при этом сходство не должно быть очевидно

выраженным, поскольку оно не смогло бы дать некоторого энергетического напряжения (energy-tension) [там же: 74]. Диафоры являются средством создания нового смысла только путем сопоставления, например, *My country 'tis of thee / Sweet land of liberty / Higgledy-piggledy my black hen*. [там же: 78], то есть являются новообразованными диссонирующими метафорами, которые вызывают особое эмоциональное напряжение у реципиента.

Констатация основных функций метафоры являет широкое разнообразие точек зрения лингвистов. М.А. Никитина отмечает, что когнитивный потенциал метафоры делает возможным выражение нового, не оформленного в понятийных структурах опыта, формирование теоретических абстракций недоступных эмпирических объектов и репрезентацию знаний через их упорядочивание и объединение [Никитина 2010: 158].

Р. Бисшопс выделяет у метафоры три основные функции: дескриптивную/ описательную, экспликативную/ объяснительную и риторическую / мотивационную [Bisschops 1994: 105-106]. Реализация описательной функции в отрыве от двух последующих представляется маловероятной, при этом присутствие данной функции, на наш взгляд, неизбежно при референциальном употреблении метафоры, поскольку любой имеющий смысл языковой знак соотносится с некоторым экстенсионалом, лимитируемым выражаемым им смыслом, т.е. всякое вторичное значение призвано определять некоторый фрагмент реальности*: С этой змеёй лучше не договариваться!* – указание на субъект (коварная женщина). Экспликативная функция метафоры в этом примере реализуется посредством того, что существительное *змея* способно сделать понятным поведение субъекта, тогда как риторическая функция проявляется в воплощении определенной ценности [там же: 116], в данном случае той, что обозначение субъекта зоонимом *змея* подразумевает постоянную присущность ему коварства, т.е. любое проявление доброты будет казаться ошибочным.

В исследовании О. С. Кузоятовой представлены пять основных функций метафоры: когнитивная, коммуникативная, эмотивная, прагматическая и соци-

опрагматическая, при этом номинативный аспект включён в сферу когнитивной функции [Кузоятова 2011: 124].

Рассмотрим далее вопрос о том, как происходит функционирование метафоры, обратившись в первую очередь к её логическим основаниям.

Как уже было замечено выше, вопрос о причине рождения метафоры с точки зрения логики объяснить сложно. Н.Д. Арутюнова справедливо отмечает то, что начало метафоры – операция, противная логическому мышлению, и необходимо предполагает умственное усилие по преодолению несовместимости значений [Арутюнова 1978: 341], иными словами, именование вещей не своими именами через метафору ставит под сомнение тождественность взаимодействующих смыслов [Соснин 2017: 158]. Р. Бисшопс говорит о напряжении метафоры, которое лежит в глаголе-связке *sein,* поскольку *ist* это одновременно и буквальное *ist nicht,* и метафоричное *ist wie* [Bisschops 1994: 85], а П. Рикёр видит в её основе тайну, поскольку в ней «одно» и «другое» не просто смешиваются, а остаются противоположными [Ricœur 1975: 250].

Обращаясь к предикативному употреблению метафоры, при котором объективированы и цель, и источник, постараемся выделить особенности глубинной семантической структуры разных типов метафор.

В отличие от неметафорической предикации, при которой некоторое свойство приписывается субъекту посредством категоризации (Subsumption), т.е. *[S (субьект) есть P (предикат)* или *«X есть элемент класса A»]*, метафорическая предикация проявляется через ассоциацию, что можно представить как S *[есть]*^{M} $S'P$, где S и S' являются основным и вспомогательным субъектами, P – соответствующий предикат, а $S'P$ иллюстрирует внутреннее единство субъекта и качества. Посредством метафорической связки *[есть]*^{M} осуществляется перенос этой сущности на главный субъект, и качество (или действие) P присуще S в той же степени, что и S' [Bisschops 1994: 104-105]. Фактически, данная точка зрения есть попытка исключить формальную ложность метафоры, ср. *самолёт есть птица* и *(самолёт)*^{M} *есть самолёт' со свойствами птицы.*

Немалый вклад в рассмотрение вариативности отношений между компонентами метафоры был внесён Дж. Серлем, который, показывая несостоятельность ограничения исследования метафоры теориями сравнения (comparison theory), теорией семантического взаимодействия (semantic interaction theory) и теории уподобления (simile thesis), определил основные принципы метафорической интерпретации (principles of metaphorical interpretation) [Searle 1979].

Прежде чем рассматривать выявленные принципы, отметим, что, на наш взгляд, автор в некоторых примерах оставляет без внимания определенные онтологические свойства сопоставляемых сущностей, например, утверждение, что едва ли существует буквальное сходство между холодными объектами и неэмоциональными людьми [там же: 97], не апеллирует к тезисам, что состояния физического и эмоционального холода имеют следующие сходства, представленные в Таблице 2:

Холодный – 1 (с низкой t^o)	**Холодный – 2 (без эмоций)**
Состояние определяется медленным (слабым) движением молекул	Состояние определяется слабым проявлением эмоций
Высшая степень проявления – абсолютный ноль (−273,15 °C) предполагает отсутствие молекулярного движения	Высшая степень проявления предполагает: 1) отсутствие проявления эмоций
	2) проявление бездействия (НЕ-движения) в случаях внешнего эмоционального воздействия
Состояние физического холода некоторого объекта представляет дискомфорт соприкасающегося с ним субъекта	Состояние эмоционального холода человека представляет дискомфорт контактирующему с ним субъекту

Таблица 2. Соответствие между низкой t^o и отсутствием эмоций

Итак, метафорическое высказывание в общем смысле учёный определяет как произнесение говорящим выражения формы «*S есть P*» и осмысление его как «*S есть R*», где *S* – субъектное выражение (subject expresion) и объекты его референции (objects it is used to refer to)[1], *P* – предикатное выражение (predicate expression) и его буквальное значение с соответствующими условиями истин-

[1] Корректнее данное утверждение звучало бы «объекты, которые являются референтами или денотатами для дефинициируемого сигнификата данным языковым знаком»

ности, а также объекты его денотации, а *R* – значение выражения *S,* при этом их отношения соответствуют определенным условиям истинности. Проблема метафоры – сложность объяснения возможности понимания сказанного «*S есть P*» как «*S есть R*» [Searle 1979: 83-84].

Учёный выделяет восемь принципов метафорической интерпретации. Наиболее сложным является принцип №7, поскольку его задачей является не переход от «*S есть P*» к «*S есть R*», а установление перехода от «*S P-отношение S'*» к «*S R-отношение S'*» [Searle 1979: 107-110].

Данные принципы являются хорошей основой для выявления типов интерпретации метафор, однако следует отметить, что семантический перенос может осуществляться в рамках значения, хотя образованный в результате связи между концептуальными зонами метафорический образ является структурной данностью, порождённой не значением, а жизнью [Самигуллина 2008: 9].

Далее обратимся к утверждению Е.И. Карпенко о том, что семантика зооморфной метафоры включает три аспекта: денотативно-сигнификативный, ассоциативно-образный и коннотативный [Карпенко 2006: 9], например, для композита *Kampfhahn* ими будут «задиристый человек», «задирист, *как если бы* был бойцовским петухом» и «шутливо, иронично, разговорное» соответственно [там же: 12]. Для терминологического соответствия отметим, что все три компонента являются десигнатом языковой единицы, при этом, на наш взгляд, второй и третий компоненты надстраиваются над сигнификативной частью первого, при этом ассоциативно-образный компонент рассматривается с позиции определения модуса семантического сдвига.

Возвращаясь к сходству экстенсионалов знаков, значения которых выполняют функции цели и источника, заметим, что параметров этого сходства может быть разное количество, вследствие чего можно говорить о т.н. метафорах одного и нескольких соответствий, например, PEOPLE ARE ANIMALS, в которой поведение животных отображается на поведение человека, и LOVE IS A JOURNEY, в которой влюбленными являются путешественники, общие цели пары идентифицированы с пунктом назначения и т. д. [Herrero-Ruiz 2006: 171].

Итак, рассмотрим с опорой на теорию интеграции на примере субъектно-предикатных метафор[2] некоторые типы семантических сдвигов, обеспеченные интерпретацией посредством различных форматов.

1. Метафора без семантического сдвига признака

В случае зрительной перцепции, например, *Лаврентий – леопард* вполне очевидно, что объединение экстенсионалов в общем пространстве позволяет сразу сформировать соответствующий сигнификат (живое существо с пятнами), который объединяет сигнификаты входных пространств (пятнистое животное и мальчик с ветрянкой) и не имеет вторичных смыслов, весь связанный с ним экстенсионал обладает признаком ‘наличие пятен на теле’. В результате формируется возможность обозначения лексемой *леопард* заболевшего ветрянкой ребёнка. Это же можно сказать о слуховом канале перцептивного формата интерпретации: *Кондратий – соловей* (оба поют очень хорошо), обонятельном: *Этот Бобик – скунс* (оба плохо пахнут), вкусовом: *Это яблоко – мёд* (оба сладкие, вкусные) и осязательном: *Моя шапка – котик*[3] (оба пушистые).

Остальные форматы интерпретации, основанные на сходстве проявления определенного действия, связанного с экстенсионалом областей источника и цели, предполагают ввиду абстрактности любого действия акцентирование внимания на сходстве сигнификатов, поскольку, например, в основанной на формате наблюдения метафоре *Анжиолетта – лиса,* осуществляющий перенос признак ‘хитрый’ выводится не из непосредственного внешнего сходства денотатов, а из характеристики абстрактных действий, совершаемых Анжиолеттой и лисой относительно себе подобных. Тем не менее, признак ‘хитрый’ прямо характеризует как область-источник, так и область-цель.

2. Метафора с семантическим сдвигом признака

Значительно сложнее происходит сдвиг значения, если признак, по которому осуществляется перенос, по-разному характеризует области источника и

[2] В качестве примеров в данной части работы представлены потенциально возможные окказиональные метафоры.

[3] В этом случае недопустима антигуманная интерпретация, что шапка сделана из котика, поскольку в таком случае это выражение является результатом когнитивной метонимии, иллюстрирующей интерпретацию по формату функции.

цели, а именно претерпевает переход от буквального прочтения применительно к области-источнику до непрямого прочтения относительно области-цели. В таком случае представляется верным утверждать, что интерпретация источника осуществляется по формату, отличному от формата восприятия области-цели. Рассмотрим, например, метафору *Розалия – огонь,* в которой область-источник *огонь* обладает признаком ‘горячий’, так же как и выступающая в качестве области-цели *Розалия,* однако вполне очевидно, что признак ‘*горячий*’ в применении к источнику и цели имеет различные смыслы: ‘*обладающий высокой температурой*’ и ‘*пылкий, активный*’. Безусловно, если трактовать эту метафору как описание высокой температуры заражённой covid-19 Розалии, то в данном случае признак ‘*обладание высокой температурой*’ применим к обоим входным пространствам, однако, во-первых, здесь очевидно сопричастность функционирования литоты, так как температура Розалии менее 700 C^{o}, во-вторых, подобные примеры были рассмотрены выше, поэтому остановимся на первом варианте интерпретации метафоры.

Очевидно, что в таком случае происходит конфликт не имеющих очевидных и скрытых сходств экстенсионалов, что влечет за собой невозможность однозначного прочтения признака в сигнификате общего для исходных областей пространства (некто/нечто *горячий*), вследствие чего видится необходимым отдельно рассмотреть возможность переноса ‘*обладающий высокой температурой*’ → ‘*пылкий, страстный, активный*’, фактически метафору в метафоре. Поскольку речь идёт об абстрактных характеристиках, у которых денотат в отрыве от объекта практически накладывается на сигнификат, то иллюстративно это можно представить в виде не трихотомического (реальность – смысл - знак), а дихотомического (смысл - знак) взаимодействия. Сложность возникает из-за стертости очевидного соответствия между *сильным проявлением эмоций* и *высокой температурой*, вследствие чего необходимо разложить данные значения на более мелкие сущности, онтологические сходства которых иллюстрирует Таблица 3:

Горячий – 1 (с высокой t^o)	**Горячий – 2 (эмоциональный, страстный)**
высокая температура	высокая степень проявления эмоций
интенсивное окисление	интенсивные движения тела
выделение энергии	выражение эмоций
разогрев окружающего	побуждение окружающих к движению

Таблица 3. Соответствие между высокой t^o и эмоциональностью

Данный метод позволяет выявить онтологическое сходство между сопоставляемыми сущностями, вследствие чего возможно расширение значения обозначающей признак переноса лексемы и, следовательно, рождение исходной метафоры. Однако, несмотря на сдвиг значения признака, метафора не нарушает истинности соответствия признаку: утверждения *Розалия горячая-2* и *Огонь горячий-1* истинны.

3. Метафора с ложным соответствием признака области источнику

Следующая группа иллюстрирует случай, когда именование некоторой личности или предмета подразумевает наличие у них некоторого признака, который в реальности не соответствует экстенсионалу обозначающей их языковой единицы. В качестве примера рассмотрим представленную в работе Серля метафору *Ричард – горилла,* т.е. *Ричард подлый, противный и склонный к насилию,* при этом гориллы данными качествами не обладают.

Подобный случай вновь провоцирует конфликт при объединении экстенсионалов исходных областей, поскольку они не обладают очевидным общим признаком, а также в большей степени конфликт в сигнификативной части, так как она вынуждено объединяет два противоположенных качества. Следуя логике предыдущего примера, необходимо рассмотреть мотивирующий фактор, который делает возможность переосмысления реального признака ‘НЕ-подлый’ в ассоциированный нереальный ‘подлый’. Но если *горячий-1* и *горячий-2* имели, во-первых, общий языковой знак, а во-вторых, сходные онтологические сходства, данный случай такие сходства не демонстрирует, то есть представляется невозможным проследить семантический сдвиг, следовательно, необходимо вернуться вновь к десигнатам исходных областей, показанным в Таблице 4:

Горилла	**Человек**
массивное телосложение	*телосложение не играет большую роль*
кажется сильной и грубой	**способный к насилию**
выглядит внешне неприятно	*внешность не играет большую роль*
спокойна, миролюбива	**подлый, противный**
общее неприятное впечатление от внешних характеристик	общее неприятное впечатление от взаимодействия с человеком

Таблица 4. Соответствие между гориллой и подлым человеком

Очевидно, что единственной общей чертой является ‘общее неприятное впечатление от живого существа’, однако во вторичном значении отображаются качества, не соотносимые гориллой.

Описанные типы метафор являются далеко не единственными, однако, поскольку их исследование не является первостепенной целью работы, перейдем к рассмотрению следующего когнитивного механизма, тесно взаимосвязанного с метафорой.

1.4.2. Образное сравнение

По утверждению М. Блэка, при сравнении постулируется некая воображаемая связь между определёнными сущностями [Блэк 1990: 162], и оно является одним из способов познания объекта, если определение его понятия видится маловозможным [Кондаков 1971: 498], из чего можно допустить, что мыслительная операция сравнения свойственна нашему сознанию, а в некоторых ситуациях носит облигаторный характер.

Приступая к рассмотрению когнитивного механизма сравнения, невозможно не отметить его тесную связь с когнитивным механизмом метафоры, о которой можно судить как о скрытом сравнении [Балли 1961: 221].

Ещё Аристотель в «Риторике» указывал на то, что между сравнением и метафорой незначительная разница [Аристотель 2000: 119], при этом сравнение менее приятно, потому что длиннее и не утверждает, что «это есть то» [там же:

128]. Будучи различными языковыми феноменами, сравнение и метафора на уровне когнитивных процессов имеют, в том числе, разнородные «источник» и «цель», а также связывающую их ассоциацию как сходство между ними [Арутюнова 1999: 354]. Еще более обобщая данную мысль, М.М. Мирзаханова и Б.М. Мирзаханова утверждают, что по семантике сравнительные обороты почти равны метафоре, и, хотя между ними нет изоморфности и изофункциональности, их общий смысл заключается в ассоциативно-образном представлении явления [Мирзаханова, Мираханова 2015: 84].

Как отмечает Л.А. Панасенко, межконцептуальные связи на основе пары признаков выделяются говорящим на концептуальном фоне сравниваемых объектов [Панасенко 2016: 85-86]. При очевидном различии в их языковом выражении рассмотрим также разницу в их глубинной структуре.

А. Вежбицка, моделируя семантические отношения между метафорой и сравнением, предлагает рассматривать не только формальное отличие метафоры от сравнения как его частичного эллипсиса, но также определять глубинную структуру метафоры как ‘*можно сказать, что это не..., а ...*’, а сравнения как ‘*можно сказать, что это могло бы быть...*’ [Вежбицка 1990: 144]. Очевидно, что метафора предполагает более жёсткое сопоставление, в то время как сравнение только указывает на сходство или различие.

На наш взгляд, неполное соответствие точек зрения в данном вопросе может быть вызвано рассмотрением сравнения и метафоры как когнитивных механизмов, когнитивных инструментов, мыслительных операций или языковых конструкций.

О.В. Магировская указывает на то, что *мыслительная операция* сравнения является базовым *когнитивным инструментом* организации знаний в процессе универсальной деятельности [Магировская 2007: 124]. Это значит, что порождение *языковых конструкций* метафоры и сравнения начинается с *мыслительной операции* сравнения, которая предполагает установление сходств или различий между двумя сущностями или их частями. Далее после установления пары признаков, поддающихся сравнению (посредством профилирования и дефо-

кусирования), начинают работу *когнитивные механизмы* сравнения и метафоры, глубинная структура которых была описана выше, что вербализируется посредством *языковых конструкций* сравнения и метафоры.

Следует также заметить еще одну важную особенность сравнения, которое делает возможным, в отличие от метафоры, сопоставление гомогенных сущностей, избегая тем самым вторичности.

При рассмотрении сравнения как когнитивного механизма, психического процесса следует отметить, что оно является реакцией субъекта на внешнее воздействие или результатом попытки выявления характеристик соответствующей ментальной репрезентации. Г.Л. Денисова выделяет в структуре сравнения три элемента: 1) тему как представление о сравниваемом, 2) эталон как представление о том, с чем происходит сравнение и 3) модуль, т.е. представление о лежащем в основании сравнения признаке. Сравнение является сложным когнитивным механизмом, который осуществляется в два этапа: активирование области, которая отражает характеристику через модуль, а затем его определение через связь с эталоном [Денисова 2013: 13]. Фактически тема и эталон сравнения соотносятся областью целью и источником когнитивной метафоры или входными ментальными пространствами.

Г. Гегель подчеркивает, что оба элемента (настоящий смысл и образ сравнения) в отличие от метафоры определенно отделены друг от друга, тогда как метафора выражает ясное значение в каком-либо сходном с ним явлении окружающей действительности [Гегель 1988: 411].

Заслуживает внимания работы В.Б. Гольдберг, посвященные образному сравнению, в которых автор именует вторую часть сравнения *когнитивная опора,* поскольку фоновое знание у человека не активизируется в полном объеме [Гольдберг 2013: 75]. Именно передача интерпретации объекта сравнения является целью образного сравнения [Гольдберг 2015: 25], то есть исследование когнитивной опоры позволяет выявить видение говорящим интерпретируемого феномена.

Под сравнением как языковым изобразительно-выразительным средством понимается грамматически оформленное образное сопоставление двух явлений, предполагающее выделение определённого признака объекта речи [Матвеева 2010: 454]. Если языковое выражение когнитивной метафоры лишь имплицитно указывает на связь области-источника и области-цели, то когнитивный механизм сравнения обеспечивается посредством союзов *wie, als, so…wie,* которые называются *адъюнкторами* [Ваховская 2005: 8], и посредством которых становится возможным выражение основания сравнения любым членом предложения [там же: 13]. Данные союзы являются неотъемлемой частью языковой структуры сравнения и называются, согласно определению О.В. Магировской, конфигурантами, т.е. языковыми единицами, указывающими на тот или иной тип сопоставления [Магировская 2007: 124].

По утверждению О.А. Кавериной, сравнительные союзы (в её работе на материале английского языка – *as if*) способны «стирать» метафорическое значение в придаточной части, например, сравнительный оборот *as if the wild world itself was sighing* после описания естественного шума природы способствует не восприятию его как *дыхания*, а категоризации как естественных звуков ввиду отсутствия устойчивой метафоры *sighing world* [Каверина 2011: 34].

Далее рассмотрим языковое выражение метафоры и сравнения с точки зрения формальной истинности утверждений. Очевидно, что утверждения Аристотеля *Ахилл [такой же сильный], как лев* и *Ахилл ринулся, как лев* могут быть истинными, в то время как утверждения со сходной семантикой *Ахилл – это лев* и *Лев ринулся* a priori ложны. В случае если последние два утверждения истинны (это кличка льва / ринулся настоящий лев), они перестают быть метафорами. В случае языкового выражения сравнения формальная ложность почти невозможна. Именно по причине разных условий истинности, по мнению Дж. Миллера, предложения *Человек – это волк* и *Человек похож на волка,* не синонимичны [Miller 1993: 367].

Очевидная ложность метафоры является нормой [Davidson 1978: 42]. Заслуживает внимание утверждение Дж. Миллера о том, что если автор говорит,

что *X* это *Y* (если это формально ложно), то слушающий пытается представить себе мир, в котором *X* это *Y,* что облегчается в том случае, если *X* в реальности похож в каком-то отношении на *Y,* вследствие чего можно отдать предпочтение презумпции истинности [Miller 1993: 367]. Если для сравнения взять утверждение *диссертация – это декагидрат тетрабората натрия,* то становится очевидным, что речь идёт в данном случае не о метафоре, а о ложности или несуразности утверждения.

Сложность состоит также и в том, что и очевидная истинность утверждения может порождать вторичные смыслы, например, выражение *business is businnes (работа есть работа)* является слишком очевидным, чтобы воспринимающий субъект рассматривал его как постулирование некоторой информации [Davidson 1978: 42], и поскольку такие тавтологии неинформативны, они могут быть интерпретированы в смысле стереотипного свойства, связанного с категорией [Radden, Kövecses 1999: 35].

То есть появление вторичных смыслов появляется в случае, если утверждение слишком очевидно или ложно, см. Таблицу 5:

Школа есть школа	**Школа – учебное заведение**	**Школа – кладезь знаний**
очевидная истинность	*идентификация*	*метафора*
выражение стереотипных свойств категории	отсутствие вторичного значения	появление вторичного значения предиката

Таблица 5. Типы субъектно-предикатных утверждений

Однако, утверждение *Ахилл – это лев* можно также назвать формально истинным, если слово *лев* выступает в своем вторичном значении ‘*тот, кто отличается огромной силой и храбростью (о мужчине)*’.

Теперь рассмотрим утверждение *Ахилл сильный, как лев.* Как было отмечено, утверждение является истинным, при этом вторичного значения у слова *лев* в данном случае нет. В противном случае получается очевидно нелепое утверждение *Ахилл сильный, как тот, кто отличается огромной силой и храбро-*

стью. Таким образом, суть сопоставления метафоры и сравнения показана в Таблице 6:

	СРАВНЕНИЕ	МЕТАФОРА
Истинность	формальная истинность	формальная ложность
Значение интерпретируемого компонента	первичное	вторичное

Таблица 6. Сопоставление сравнения и метафоры

Фактически формальная истинность сравнения достигается за счёт того, что имеется возможность объективации параметра сопоставления: *Ахилл сильный, как лев,* тогда как метафора *Ахилл – лев* не фокусирует признак сравнения, вследствие чего является формально ложной. Утверждение *Ахилл* сильный, *как лев,* имеет в качестве следствия постулат *Сила Ахилла, как сила льва,* что, в конечном счете, сводится к тезису *Биомеханический аспект проявления мышечной силы льва = биомеханический аспект проявления мышечной силы Ахилла,* что является истинным.

Однако, несмотря на формальную истинность, ментальная операция сравнения не исключает вариант сопоставления предмета с образами вымышленной действительности [Каверина 2014: 42], что реализуется в модусной ситуации ирреального сравнения, которая включает в себя три компонента: 1) сравниваемую ситуацию реального мира, 2) сравнивающего субъекта и 3) интерпретацию ситуации реального мира, обнаруживающей с точки зрения субъекта концептуальное сходство [там же: 38].

Итак, рассмотрев особенности образного сравнения, обратимся к следующему когнитивному механизму, тесно связанному с метафорой.

1.4.3. Метонимия

Метонимия – это когнитивный процесс, в котором одна концептуальная сущность, средство, обеспечивает ментальный доступ к другому объекту, цели,

в том же домене [Kövecses, Radden 1998: 39]. Метонимии можно представить формулой «X стоит за (stands for) Y» [Radden, Kövecses 1999:18] или «B вместо (for) A», где «B» – это средство замещения / семантическая оболочка (vehicle), а «A» – это показатель целого (target) [Evans 2006: 312].

Следует разграничивать понятия метонимии как изобразительно-выразительного средства и как когнитивного механизма. Сутью когнитивной метонимии является способность некоторой когнитивной области служить средством репрезентации целого концепта [Бабина 2015: 28], что подразумевает актуализацию когнитивной области метонимического переноса, *концепта-средства* и *концепта-цели,* а также сравнение и перспективизацию части для номинации целого, и наоборот [Бабина, Проскурнич 2019: 16].

Метонимия как изобразительно-выразительное средство языка является, по мнению Н.В. Ушковой, как и метафора, фигурой качества в группе фигур замещения [Ушкова 2012: 47], и её частными случаями могут выступать такие фигуры как синекдоха и эвфемизм. Синекдоха выражает отношения между *частью* и *целым,* тогда как эвфемизм является средством смягчения некоторого неприятного качества [там же: 50-51].

Широкое понимание метонимии допускает также включение некоторых жизненных (vital) отношений, например, сказать, показывая на фотографию, «Это моя дочь» фактически обозначает объединение представления и реального аналога в единый элемент [Coulson, Oakley 2003:61].

Относительно классификации метонимических отношений единого мнения среди учёных нет, вследствие чего рассмотрим некоторые примеры. Так, Кен-Ичи Сью выделяет три вида сущностных отношений (E-relation): пространственные, временные и абстрактные. Пространственное отношение имеет два основных подтипа (часть - целое и контейнер - содержимое) и один дополнительный класс, который не поддается какой-либо дальнейшей классификации. Временное отношение имеет два основных подтипа: целое событие – часть события (статический аспект), а предыдущая – последующая ситуация (процессуальный аспект). Абстрактное отношение предполагает отношение между объ-

ектом и его свойством. Все три типа отношений основаны на смежности, представленной говорящим [Sew 1999: 98].

Систематизируя метонимические отношения, Руис де Ментоза, Галера-Масегоса выделяют два основных типа: 1) цель в источнике: целый матричный домен заменяет один из субдоменов: *She's taking the pill* вместо *contraceptive pill*; 2) источник в цели: субдомен заменяет домен матрицы: *All hands on deck* вместо *the sailors who do hard physical work on the ship,* как призыв морякам выполнять свою работу [Ruiz de Mentoza, Galera-Masegosa 2011: 5]. Отметим, что первый пример иллюстрирует скорее не метонимические, а гипо-гиперонимические отношения между понятиями, поскольку противозачаточная таблетка – тоже таблетка, и, если сравнить с примером He drank three *bottles,* становится очевидно различие, что *бутылка ≠ содержимое бутылки*, что говорит о строго метонимических отношениях. В качестве примера отношений «цель в источнике» можно привести предложение *US impose sanctions against Russia,* где под *US* подразумевается *US government.*

Значительная работа по классификации метонимических отношений принадлежит З. Кевечешу и Г. Раддену. Рассматривая онтологические области, в которых возникают метонимические отношения, авторы выделяют 4 типа таких отношений между понятием (concept), формой (form), вещью или событием (thing/ event) как вершинами семантического треугольника, а также отдельно отношение между понятиями и их формами [Radden, Kövecses 1999: 23].

Следует также отметить, что отношение *форма* вместо *понятия* представляет собой основу существования языка, поскольку за словами всегда стоят понятия, которые они выражают. Общей формулой метонимического смещения авторы предлагают считать: форма → форма-понятие → понятие → реальность [там же: 29]. Продуктивные метонимические отношения рассматриваются авторами относительно целой идеализированной когнитивной модели и её части, на основе которых авторами представлена классификация метонимических отношений. Часть примеров затрагивает особенности словообразования английского языка, которые частично характерны для немецкого языка.

Как было отмечено выше, некоторые метонимические отношения тесно связаны с иным характером отношений между двумя сущностями (как в примере ‘pill’ – ‘contraceptive pill’). Среди примеров автора можно обнаружить случаи гиперболизации, *I've told you a hundred times* вместо *several times,* что предполагает преувеличение признака посредством замены одного обозначения количества другим обозначением. Необходимо дифференцировать данный случай с другим типом метонимических отношений, когда происходит замена более точного менее точным в целях языковой экономии и выделения главного: *There were a hundred of people in the conference room.* В данном случае уже не наблюдается гиперболизации, поскольку людей могло быть чуть менее 100.

Также выразим своё несогласие относительно одного примера данной классификации CAUSE FOR EFFECT: *healthy complexion* for *the good state of health bringing about the effect of healthy complexion*, так как нам представляется, что здоровый цвет лица является не причиной, а признаком хорошего состояния здоровья у человека.

Среди принципов, регулирующих выбор предпочтительного средства метонимического переноса, авторы выделяют две группы: когнитивные и коммуникативные. Когнитивные принципы определяются тремя основными факторами организации концептуальной системы: опытом человека, перцептивной селективностью и культурными предпочтениями. Коммуникативные принципы включают принцип ясности и принцип релевантности [там же: 44-51].

Говоря в целом о классификации Г. Раддена и З. Кёвечеша, отметим, что метонимия рассматривается авторами скорее не как отношение по смежности, а замена названия одной сущности названием другой сущности, опираясь на самые разные отношения между ними. В данном контексте уместно упомянуть определение метонимии Г. Лакоффа и М. Тернера, которые отмечают употребление метонимии для отсылки (reference): с помощью метонимии можно выделить один объект в схеме, ссылаясь на другой объект в той же схеме [Lakoff, Turner 1989: 103]. Однако во избежание перегрузки терминологического аппа-

рата в настоящей работе мы будем обозначать комплекс данных отношений как *смежность* разного характера.

Обозначив широкое разнообразие метонимических отношений, рассмотрим некоторые, с нашей точки зрения, существенные особенности метонимии.

Во-первых, некоторые предложения, содержащие метонимию, могут прочитываться без неё. М. Брдар в своем исследовании приводит пример достаточно распространенной метонимии КОНКРЕТНОЕ МЕСТО *вместо* ГОРОД, например, в предложении *The President is traveling tomorrow to Washington* [Brdar, Brdar-Szabó 2009: 247], очевидно речь идёт о Белом Доме, что нельзя сказать о предложении *I'm traveling tomorrow to Washington.* Представляется также верным, что нередко выявление метонимии возможно только в определённом контексте, например, предложение *Аграфена Аполлинарьевна едет сегодня в Москву,* можно рассматривать как без метонимии, если она едет в Москву на отдых, так и с метонимией МЕСТО РАБОТЫ *вместо* ГОРОД, если она, например, работает продавцом магазина «Outlet Corney» в Москве.

Во-вторых, отдельные примеры показывают случаи устойчивой метонимии, например, *How old are you?* в то время как многие модели иллюстрируют окказиональное употребление *They are playing Mozart tonight,* при этом, если в первом случае невозможно избежать метонимии, не поменяв структуру предложения, то второе предложение можно сформулировать без метонимии: *They are playing Mozart's Symphonies and Overtures tonight.*

В-третьих, некоторые языковые особенности могут блокировать употребление метонимий в отдельных случаях. Так, заимствование из нормандского французского в английский наименований мяса животных, например, cow – *beef*; calf – *veal*; pig – *pork,* заглушает возможное метонимическое употребление названия животного вместо его мяса [Brdar 2009: 264].

В-четвертых, преимущественно устойчивые метонимические выражения представляют собой возможность реализации нескольких метонимических отношений. Так, З. Кёвечеш, исследуя метонимическое выражение эмоции, приводит в качестве примера устойчивое выражение *to have cold feet* для обозначе-

ния состояния страха, постулируя метонимическое обозначение страха по модели ПАДЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ ТЕЛА *вместо* СТРАХ [Kövecses 2004: 5]. При этом представляется, что даже само именование когнитивной модели выводит в фокус внимания классическую схему метонимических отношений ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ. Таким образом, видится возможным представить схему как метонимия в метонимии ПАДЕНИЕ ТЕМПЕРАТУРЫ (НОГИ *вместо* ТЕЛО) *вместо* СТРАХ. Рассмотрение этих двух метонимий в отрыве друг от друга кажется некорректным, поскольку температура не может выступать отдельно от характеризуемого ей объекта. Описанное явление сочетания двух метонимий можно охарактеризовать как *расширение метонимического источника,* что является проявлением *метакогниции* [Фурс 2018: 589].

Далее рассмотрим иной дифференцирующий аспект – наличие/ отсутствие образности в метонимическом выражении. Так, едва ли можно оспорить тот факт, что предложение *He married money,* показывает образное сопоставление *денег* и *их владельца*, в то время как предложение *Schwarzkopf defeated Iraq* не несет в себе образного сравнения. Последняя метонимия представляет собой замещение по шаблону УПРАВИТЕЛЬ *вместо* УПРАВЛЯЕМОЕ, при этом обе категории относятся к когнитивной области «человек», и сам генерал является частью управляемой им армии.

В первом случае компоненты метонимии ИМУЩЕСТВО *вместо* ВЛАДЕЛЕЦ, очевидно, относятся к разным категориям, вследствие чего допущение рассмотрения денег как именно *части* избранницы субъекта является спорным, поскольку онтологически деньги не могут быть неразрывно связаны с женщиной. Если для сравнения взять предложение, *Он женился на её глазах*, где *глаза* являются частью девушки, то становится допустимым понимание исходного предложения как метафоры с источником *деньги* и целью *человек*. Однако ввиду традиционного понимания такого типа отношений как метонимии мы не будем брать во внимание указанное допущение. Кроме того, глагол *to marry* a priori предполагает наличие одушевленного объекта, вследствие чего употребление в функции последнего денег придает высказыванию образный характер.

Другой вопрос состоит в том, являются ли деньги конечной целью женитьбы, поскольку, как известно, сами ассигнации или цифры электронного счёта не могут вызвать какие-либо положительные эмоции человека до тех пор, пока эти деньги не будут потрачены на определенный желаемый спектр предметов и услуг. То есть корректнее в данном случае говорить о метонимии СРЕДСТВО *вместо* ЦЕЛЬ, которая функционирует на базе другой метонимии ИМУЩЕСТВО → ВЛАДЕЛЕЦ.

Изучая наличие образности в метонимии, обратимся к работе Р. Дирвена, в которой автор предпринимает попытку описания *буквально-образного континуума* в языке, проследив градацию от буквальных значений через метонимию к метафоре. Описывая разновидности метонимий, учёный указывает на то, что в отличие от метафор метонимии не всегда являются образным средством. Автор выделяет необразную линейную, условные образную и необразную, а также включительную метонимии [Dirven 2003: 93-94].

По мнению Р. Дирвена, референциальный потенциал – главная мотивация метонимии, тогда как образная выразительная функция обычно связана с метафорой [там же: 104-105]. Также Н.Д. Арутюнова говорит о том, что метонимия является сдвигом в референции, тогда как метафора есть сдвиг в значении [Арутюнова 1990: 32]. Всё же заметим, что не все метафоры таковыми являются, ярким примером чему служат мертвые метафоры, например, именуя часть корабля как *нос,* едва ли говорящий преследует цель яркого образного представления данного объекта, кроме того, сама лексема *нос* имеет зафиксированное значение в лексикографических источниках как передняя часть корабля.

Явление метонимии в функции срединного звена при движении от буквального до метафорического прочтения было наглядно продемонстрировано Г. Радденом на примере сдвига значения прилагательного *high* в сочетании с существительными, денотаты которых относятся к разным категориям: *a) tower, b) tide, c) temperature, d) prices, e) quality. Высокий* в случае «a» использован только в отношении вертикального направления, то есть буквально, тогда как при характеристике *волны* в случае «b» прилагательное применимо как к верти-

кальному, так и к горизонтальному направлению, что по терминологии Р. Дирвена можно отнести к *предметонимическим отношениям.* Метонимичность отношений в «c» выражена в том, что шкала вертикальности обозначает градусы температуры, то есть ВВЕРХ *вместо* БОЛЬШЕ. Случай «d» является спорным в определении метафорической или метонимической интерпретации, поскольку, с одной стороны, графическое изображение уровня цены относится к той же концептуальной области, что и сама цена (ВЕЩЬ *вместо* ЕЁ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ), с другой стороны, *высокая* цена значит *большую* сумму денег, необходимую для её оплаты, что можно интерпретировать либо как метонимию ВЫСОКИЙ *вместо* БОЛЬШЕ, либо как метафору ВЫСОКИЙ *есть* БОЛЬШЕ. Наконец, *высокое* качество «e», относится к шкале оценки, верхний предел которой «хорошо», и ввиду невозможности представления оценки и вертикальности как элементов одной концептуальной области, эта ситуация воспринимается чисто метафорически как ХОРОШО – ВЫСОКО [Radden 2003: 409-410].

На основе данных рассуждений нам видится возможным сделать вывод о том, что наличие образности у метафоры и метонимии определяется отчасти схожим образом. Если метонимия мотивирована только необходимостью референции, то образный характер у неё с большой вероятностью будет отсутствовать, при этом, как в метонимии, так и в метафоре образность определяется присутствием наряду с денотативным коннотативного компонента значения, включающего, как было отмечено выше, в том числе, оценочный и эмоциональный компоненты. Образность может определяться также степенью «стёртости» языкового выражения метафоры или метонимии, т.е. зафиксированностью их в лексикографических источниках. Наконец, еще одним способом выявления образного характера может стать констатация некоторого несоответствия (обычно негативного) с традиционным феноменом действительности.

На данном этапе работы следует подытожить особенности отношений между метафорой и метонимией. Существенное различие между ними связано с внутренним и внешним по отношению к домену (domain-internal/ domain-external) характером отображения. Отношение «*стоять за*» (stand for) является

результатом внутренней природы отображения при метонимии, но не является для неё единственно возможными [Herrero-Ruiz 2006: 171].

Ввиду невозможности установления четкой границы конкретного домена или концептуальной области, некоторые случаи оказываются на стыке метафоры и метонимии. Так, Дж. Тейлор указывает, что сущность метонимии заключается в возможности установления связей между вещами, которые сосуществуют в рамках данной концептуальной структуры, хотя сущности не обязательно должны быть смежными в пространственном смысле [Taylor 1995: 123].

А. Барселона указывает, что метонимия является отображением когнитивного домена, источника, на другой домен, цель, при этом источник и цель находятся в одной и той же функциональной области. Под метафорой А. Барселона понимает отображение концептуального домена, источника, на другой домен, цель, которая находятся с источником в разных таксономических областях [Barcelona 2002: 246]. Но ученый также указывает, что, хотя две области, не включенные в одну общую, могут привести к метафорическому отображению, а две области, которые включены в одну всеобъемлющую область, могут быть связаны метонимическими отношениями, существует множество примеров, где представленные критерии не способны детерминировать данные когнитивные механизмы. Например, в примере *John is lion,* цель ЧЕЛОВЕК и источник ЖИВОТНОЕ метафорического переноса могут включаться в общий домен «живые существа» [Barcelona 2003: 231]. Следующий пример *He fell in the war,* также позволяет как метафорическую, так и метонимическую интерпретации. Если перед смертью раненый солдат упал, то налицо метонимические отношения СОБЫТИЕ (падение) *вместо* ПОСЛЕДУЩЕЕ СОБЫТИЕ (смерть), однако говорящий мог не принимать во внимание факт падения солдата, вследствие чего восприятие предложения может осуществляться по метафорической модели ПАДЕНИЕ → СМЕРТЬ НА ВОЙНЕ [там же: 231-232].

Поскольку языковой материал показывает отсутствие четкой границы метафоро-метонимических проекций [Нагорная 2013: 128], представляются логичными рассуждения о том, насколько возможно существование метафоры и

метонимии в чистом виде, и каковы способы их взаимодействия. Так, по мнению У. Эко, любая метафора может сводиться к лежащих в её основании цепи метонимических связей [Эко 2007: 118]. По причине нерешенности данной проблемы в исследованиях последних лет появился термин *метафтонимия,* обозначающий различные типы отношений между этими базовыми когнитивными механизмами.

1.4.4. Метафтонимия

Метафтонимию можно также рассматривать не как один из когнитивных механизмов, а как различные формы взаимодействия когнитивных механизмов метафоры и метонимии. Как утверждает О. Шарманова, метафтонимия *X = (A вместо B) + (A есть B)* [Шарманова 2011: 14], то есть когда одна сущность замещается другой и одновременно вступает в ассоциативную связь с некоторой третьей сущностью [Шарманова 2016: 197], вследствие чего общая схема будет *скорее X = (A вместо B) + (A есть C),* или *(B есть C).*

Термин *метафтонимия (metaphtonymy)* был впервые предложен Л. Гусенсом для описания возможных взаимосвязей метафоры и метонимии, при этом автором предлагается транскрипция [mɛtæf`tɔ nɔ mi] [Goossens 2003: 350].

Рассматривая в качестве областей-источников части тела (body parts), звук (sound) и насильственные действия (violent actions) [там же: 354], Л. Гуссенс выделяет 3 типа метафтонимии (метафора из (from) метонимии, метонимия в (within) метафоре и метафора в (within) метонимии), а также случаи деметонимизации в метафорическом контексте [там же: 355-366].

Для описания метафоры из метонимии рассмотрим выражение *snap at (огрызаться),* буквальное значение которого – быстрое закрытие челюстей, например, собаки. Однако гневная речь людей может сопровождаться также быстрым закрытием челюстей, что иллюстрирует *слабые* метонимические отношения между *сжатием челюстей* и *актом гневного говорения.* Суть метафорического переноса – транспозиция из области ЖИВОТНОЕ в область ЧЕЛОВЕК

[Goossens 2003: 357-358]. Однако, на наш взгляд, возможна также иная интерпретация, учитывая, что сам *акт быстрого сжатия челюстей* человека не всегда происходит при грубом, резком ответе на вопрос, вследствие чего формирование переносного значения осуществляется в три этапа: 1) метафора ЧЕЛОВЕК ← СОБАКА (признак переноса – ‘резкое сжатие челюстей’), 2) метонимия ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ (о действии) и 3) метафора КОНКРЕТНОЕ → АБСТРАКТНОЕ (выполнение грубых движений → грубый ответ на вопросы).

Определение отношений КОНКРЕТНОЕ → АБСТРАКТНОЕ при этом является довольно условным и иллюстрирует *относительную* конкретность *грубых* движений (ср. *грубая* ткань) по сравнению с *грубыми* ответами. Таким образом, второй случай иллюстрирует метафтонимию более сложной структуры, которая не подходит ни под один из представленных типов.

Метонимию в метафоре сам автор определял как комбинацию, в которой метонимия и метафора «держат свое» [Goossens 1995: 190]. Этот тип можно проиллюстрировать на примере *to shoot one’s mouth off – глупо говорить о том, что не знаешь, или о том, что не следует говорить.* Область-источник – глупое, неконтролируемое использование огнестрельного оружия – сопоставляется с неосмотрительным речевым актом, в котором рот выполняет функцию оружия, являясь метонимом относительно речевого акта [Goossens 2003: 364].

Тем не менее, остаётся неясным метонимический переход РОТ *вместо* РЕЧЕВОЙ АКТ. Если брать модель ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ, то получается, что рот – *часть* речевого акта, что de facto ложно, поскольку рот является конкретной сущностью, тогда как речь – более абстрактная категория, и напротив, модель ИНСТРУМЕНТ *вместо* ДЕЙСТВИЯ, не может применяться, поскольку в таком случае на месте *конкретного* должна быть представлена вся система органов, участвующих в речепроизводстве (заметим, что рот сам не способен издать звук). Для области-источника последняя модель является приемлемой, поскольку оружие есть фактически единственная необходимость для стрельбы. Обозначенный метонимический переход не получает прямую вербализацию (ср. *to sky, to hammer*), но является ментальной операцией, делающей возмож-

ным дальнейший метафорический переход. Т.е. область-цель структурирована цепочкой, состоящей из двух метонимий, элементы которых находят метафорические проекции в источнике, то есть при таком подходе получается, что данное выражение является метафтонимией комплексной структуры: 1) метонимия ДЕЙСТВИЕ *вместо* ИНСТРУМЕНТ (необдуманно стрелять *вместо* оружие), 2) метафора СТРЕЛЬБА → ГОВОРЕНИЕ (а) необдуманно стрелять → необдуманно говорить, б) оружие → органы говорения, в) оружие → рот), 3) метонимия внутри метонимии-4 ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ (рот *вместо* органы говорения) и 4) метонимия ИНСТРУМЕНТ *вместо* ДЕЙСТВИЕ (органы говорения *вместо* необдуманная речь).

Метафора в метонимии представлена в работе Л. Гуссенса выражением *be /get up on one's hind legs (вставать для публичного заявления, оспорения).* Для понимания данного примера автор справедливо предлагает рассмотреть выражение первоначально без прилагательного *hind,* вследствие чего получается, что сценарий *встать на ноги* понимается как часть сценария *встать и говорить публично,* однако добавление атрибута *hind* способствует переосмыслению выражения в парадигме с животным [Goossens 2003: 366]. На наш взгляд, схематичное отображение данного примера несколько сближается с первым типом, если взять во внимание исключительно определяемый денотативным компонентом значения акт переноса опоры туловища на парные конечности, состоящие из бедра, голени и стопы. Соответственно образование переносного значения осуществляется через метафору ЧЕЛОВЕК ← ЖИВОТНОЕ и метонимию ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ (о действии) внутри области-цели метафоры. Но именно вербальное обозначение *hind* делает данную операцию некорректной, поскольку ноги человека в отличие от задних лап животного суть не *задние конечности,* а *нижние конечности,* поэтому для осуществления метонимического переноса вначале необходимо метафорическое переосмысление.

Относительно процесса деметонимизации в кругах лингвистов едва ли есть четкая позиция. Сам Л. Гуссенс рассматривает для нее единственный пример *pay lip service to – поддерживать на словах, а не на деле,* и невозможность

рассматривать данное выражение как *метонимию внутри метафоры* автор объясняет тем, что необходимостью расширения «устного служения» (lip service) до «служения как бы только губами» (service as if with the lips only), и часть отделена от целого, т.е. она «деметонимизирована» [Goossens 2003: 365].

Л. Гуссенс в более ранней работе иллюстрирует возможность выбора метонимической и метафорической интерпретаций, например, в выражении *the holy books which through God's mouth or through God's spirit composed were,* который, с одной стороны, можно понимать как метонимию *God's mouth → God* (как *speaker*), с другой стороны, альтернатива, предложенная в этой фразе *or through God's spirit* делает возможным прочтение с проецированием *God's mouth* на духовный тип откровения. В той степени, в которой эти две интерпретации связаны друг с другом, можно описать это как случай размытия между метонимией и метафорой. В следующем примере *every philosophes mouth* интерпретация выделенного компонента также неоднозначна. С одной стороны, здесь просматривается аналогичная метонимия *philosophes mouth → philosoph,* но поскольку, в отличие от Бога, философ мог излагать свои мысли в письменном виде, в данном примере просматривается метафора с дискретной областью *writer* [Goossens 1995: 188].

Сложность разграничения метонимической и метафорической интерпретаций обусловлена также возможным совпадением их функций, ввиду вероятности обозначения части одного объекта другим посредством метонимии и одновременного метафорического рассмотрения объекта при активизации некоторых свойств подобия [Устарханов 2006: 10].

Изучение комбинаций метафоры и метонимии есть в работах Ф. Руиц де Ментоза. По мнению автора, метонимия является вспомогательной частью метафоры, и две основные метонимические схемы: ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ (источник в цели) и ЦЕЛОЕ *вместо* ЧАСТЬ (цель в источнике), дают четыре модели взаимодействия: 1) метонимическое расширение (expansion) метафорического источника, 2) метонимическое расширение метафорической мишени, 3) метонимическая редукция (reduction) метафорического источника и 4) метони-

мическое сокращение метафорической мишени [Ruiz de Mentoza, Galera-Masegosa 2011: 10]. Эти термины постулируют координату воспринимающего, а не говорящего субъекта, поскольку *расширение* наблюдается там, где в метонимии обозначена часть вместо целого, в то время как *редукция* есть обозначение целого вместо части, вследствие чего воспринимающий субъект в первом случае должен *расширить* часть до целого, а во втором – *редуцировать* целое до части, тогда как метонимическое расширение для говорящего заключается в вербализации части целого процесса, а редукция – в обозначении целого.

Графическая иллюстрация примера первой категории *(to beat one's breast – бить себя в грудь),* которая соотносится с первым типом Л. Гуссенса, показывает, что метонимический перенос расположен в области источнике [там же: 11]. Вторая группа иллюстрируется выражением *to knit one's eyebrows – хмуриться,* при этом метонимический перенос наблюдается в области цели, то есть сдвиг бровей – один из аспектов проявлений гневного состояния [там же: 12].

Случаи метонимической редукции метафорического источника представлены примерами *the life and soul of the party (жизнь и душа вечеринки)* и *Humboldt is the Shakespeare of treaveles (Гумбольдт).* Для понимания первого случая воспринимающий субъект должен осуществить метонимическую редукцию в области-источнике ЧЕЛОВЕК, т.е. переосмыслить *жизнь и душу* до *развлечения,* соответственно интерпретация воспринимающего субъекта для второго случая представляет собой редукцию понятия о Шекспире как об идеальном писателе до превосходных навыков написания [там же: 12-13]. Однако первый пример, как представляется, не совсем правомерно рассматривать как метафору с источником ЧЕЛОВЕК и целью ВЕЧЕРИНКА, поскольку, во-первых, человек переосмысляется не как вечеринка, а во-вторых, в исследуемом выражении обозначение *party* получает свою вербализацию и выступает лишь в функции локативного обозначения (ср. *душа и жизнь компании/ класса и т.д.*), при этом, наличие метонимической редукции в данном примере обозначено, на наш взгляд, вполне справедливо.

Наконец, метонимическая редукция в области цели представлена выражением *to win someone's heart*, иллюстрирующим метафорическую проекцию сценария выигрыша некоторого приза на сценарий овладения объектом любви, который метонимически обозначен своей частью, т.е. сердцем, как органом, способным испытывать любовные чувства [там же: 13]. Однако думается, что для восприятия выражения субъектом будет проделана операция не редукции, а расширения, поскольку сердце является *частью* объекта любви, а не наоборот. Дальнейшие рассуждения автора подводят к выводу, что интерпретация вторичных значений может быть многоступенчатым процессом, включающим цепочку метафорических и метонимических сдвигов, например, переосмысление буквального значения глагола *fed up* во вторичное включает три этапа: 1) комбинацию метафор FULL IS UP и BODY IS CONTAINER, 2) метонимию *to be fulled with food → cannot have more food or wil get sick* и 3) метафору *cannot have more food → cannot stand someone else's behavior* [Ruiz de Mendoza 2011: 23].

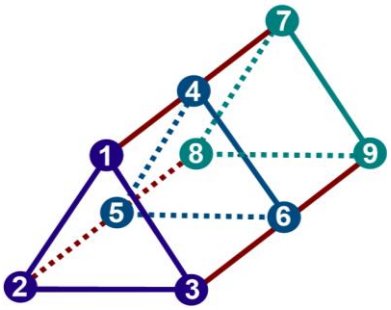
Представленные выше рассуждения подводят нас к тому, что рассмотрение вторичных явлений обязательно предполагает обращение к взаимодействию реальности как экстенсионала некоторого знака с его интенсионалом, т.е. ментальной и языковой стороной, поскольку то или иное обозначение эквивалентных фрагментов реальности может показать проявление различных когнитивных механизмов, благодаря которым становится возможным её вторичная интерпретация. То есть начальной точкой траектории интерпретации является буквальное прочтение *вербализированного* источника, тогда как конечным пунктом является *сигнификативная* сторона, определяющая обозначаемую вторичным знаком ситуацию. Если не учитывать данный факт, то дифференциация случаев метонимических расширения и редукции станет невозможной.

Например, общая концептуальная метафора ЖИЗНЬ *есть* ПУТЕШЕСТВИЕ возможна ввиду сходной структуры взаимодействующих концептов, являющихся гипонимами общего концепта ДВИЖЕНИЕ: основное движение во времени → основное движение в пространстве, знакомые / друзья → попутчики / спутники, рождение → старт (начало пути), безвыходная ситуация → тупик,

изменения ритма жизни → ускорение (с возможным отрицательным знаком), количество прожитых лет → путь (как длина траектории) и т.д.

Все представленные выше аспекты суть части концептов, вербализированных в языке существительными *жизнь* и *путешествие,* и определяемыми фиксированными характеристиками экстенсионала, находящегося с указанными существительными в отношениях десигнации. Но вербализация данной метафоры далеко не всегда представляет собой субъекто-предикатную языковую структуру *жизнь – это путь,* а напротив, представлена богатым спектром выражений, например, *важный поворот в жизни, жизненный тупик, трудности на пути и др.* В первых трёх случаях в словосочетании вербализирована цель и *часть* источника, т.е. они представляют собой метонимическое расширение источника метафоры, в то время как остальные два выражения, наоборот, являют вербализацию источника и *части* цели, т.е. метонимическое расширение цели. Заметим, что выражения *жизненный тупик* и *безвыходная ситуация на пути,* будучи синонимами, т.е. имея сходные выражаемые сигнификаты и обозначая эквивалентные денотаты, в качестве которых выступают *безвыходные жизненные ситуации,* с точки зрения формирования вторичного смысла являют зеркальные процессы именно по причине разноаспектности вербализации.

Наконец, еще одно заслуживающее внимание решение относительно иллюстрации взаимодействия метонимии и метафоры представлено в работах Д. Герартса. На примере композита *schapenkop*, автор показывает двухступенчатый процесс переосмысления: 1) метафора: голова овцы → (человеческая) голова, подобная голове овцы, тупой голове, 2) метонимия: голова *вместо* человек [Geeraerts 2006: 213]. Как уже было сказано, автор предлагает схематичное преставление языкового выражения в виде треугольной призмы, вершинами первого основания которой выступают выражение и его компоненты в буквальном прочтении, а второго – вербализированные соответствующие компоненты переосмысленного выражения. В итоге Д. Герартс предлагает следующее изображение [там же: 214], представленное на Рисунке 2:



1 – голова овцы **метафора**	2 - овца ***метонимия***	3 голова ***идентичность***
4 – голова человека, похожая на голову овцы **метонимия**	*5 - похожий на овцу* ***метонимия***	*6 голова* ***метонимия***
7 – глупый человек	*8 – глупый*	*9 личность*

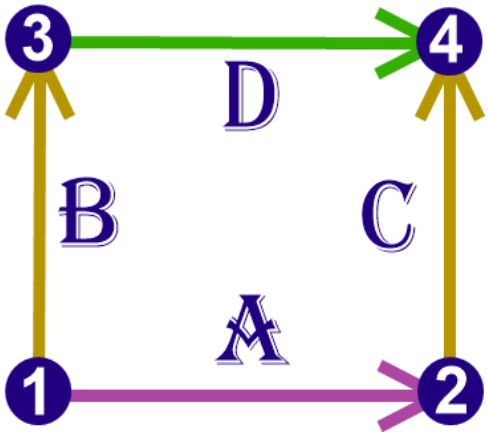
Рисунок 2. Схема значения композита *schapenkop* по Д. Герартсу

Вызывает, однако, некоторое сомнение относительно определения отношения 2-5 как метонимии, поскольку похожий на овцу (sheep-like) едва ли находится в отношении смежности с самой овцой. Данная схема наглядно показывает, что переосмысление *овечья голова* в *глупый человек* необходимо сопровождается восприятием *овцы* как *глупого существа,* а *головы* как целой личности, однако остаются непонятными некоторые условные переходные компоненты и основания функционирования различных механизмов на одном ребре. Причиной неясности является введение в отдельную вершину признака ‘глупый’, который не получает исходной вербализации, а является частью коннотативного аспекта значения зоонима *овца,* вследствие чего он скорее будет не результатом действия какого-либо когнитивного механизма, а мотивирующим фактором переосмысления выражения.

Также вызывает напряжение общность экстенсионалов языковой единицы *голова* с экстенсионалами знаков *голова человека* и *голова овцы,* т.е. расщепление композита *schapenkop* (*овечья голова*) на *овца* и *голова* имеет скорее знаковый и частично семантический характер, но при этом пренебрегает особенностями осмысляемого экстенсионала знаков, вследствие чего призма теряет одно из ребер, т.е. становится возможным переход из 3D в 2D.

Соотношение выражаемых сигнификатов раскрывает двухступенчатый переход, исходным знаком в данном случае является один – *schapenkop,* который дефинирует два сигнификата, ‘голова овцы’ и ‘глупый человек’, и обозна-

чает определяемые ими денотаты. Иными словами, вопрос состоит в том, каким образом становится возможным обозначение знаком помимо головы овцы также глупого человека. Для решения данного вопроса представим собственную графическую иллюстрацию сдвига значения. Далее на Рисунке 3 мы представляем языковыми знаками именно значения исходных знаков:



1 – голова овцы / овечья голова → *ИСТОЧНИК*
2 – голова человека / человечья голова → *ЦЕЛЬ*
3 – овца [с головой] → *ИСТОЧНИК*
4 – человек [с головой] → *ЦЕЛЬ*
A – идентичность
B – метонимия ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ
C – метонимия ЧАСТЬ *вместо* ЦЕЛОЕ
D – метафора ЧЕЛОВЕК - ОВЦА по признаку ‘глупый’

Рисунок 3. Авторская схема значения композита *schapenkop*

Фактически траектория движения от 1 к 4 может проходить через 2 и 3, но первый вариант исключает метафору по признаку ‘глупость’, который и делает возможным данное движение. Использование метонимий обусловлено скорее исходным знаком, т.е. в случае именования глупого человека зоонимом *schapen (овца),* наблюдался бы исключительно метафорический перенос. Если рассматривать итоговый вариант интерпретации, то его можно отнести к группе *«метафора из метонимии»* в терминах Гуссенса и к группе «*метонимическое расширение метафорического источника»*.

Таким образом, применяя мысленную операцию сопоставления двух и более предметов, мы можем выделить в качестве базовых когнитивных механизмов метафору и метонимию. Вторичное переосмысление значений неразрывно связано с процессом вторичной категоризации, осуществляющейся в оценочной системе координат [Болдырев 2014а: 179], при которой оценочные концепты выступают в функции когнитивных ориентиров для организации единиц внутри категории [Панасенко 2014а: 94].

1.5. Теории оценки и оценочных значений

Прежде чем вести речь о теории оценочных значений обратимся к рассмотрению природы самих оценок. И. Кант отмечает, что возможность применения нравственной оценки к предметам обусловлена тем, что последние вызывают ощущения, имеющие некоторую аналогию с душевным состоянием, вызванным моральным суждением. Вкус осуществляет плавный переход от чувственного очарования к моральному интересу [Кант 1994: 197]. Важно, что хорошее и плохое не имеют определения вне сущности характеризуемого объекта [Спиноза 1999: 116], то есть оценка обусловлена природой самого человека, поскольку никакая вещь не может быть ни хорошей, ни дурной, если она не имеет с нами чего-то общего [Спиноза 1957: 544].

Лексическая семантика не соответствует картине мира, поскольку она сдвинута, во-первых, в сторону ненормативных явлений, а во-вторых, смещена к позитивной норме [Арутюнова 1999: 84]. Данный тезис означает то, что с одной стороны, нормой для нас является то, что «хорошо», а с другой стороны, наше сознание фиксирует в первую очередь отклонения от неё. Это может объяснить тот факт, что в исследуемом материале значения большинства единиц имеют отрицательные коннотации. Е.М. Вольф утверждает, что хорошее на шкале естественного языка не всегда прямо противостоит плохому [Вольф 2002: 204], кроме того, нулевую позицию на данной шкале могут занимать *нейтральные* значения, которые следует отделять от *безразличного,* включающего в себя не рассматривающиеся как ценности объекты [там же: 49].

Оценочная функция языка в культурном контексте перерастает в аксиологическую [Гак 1998: 142], при этом оценка конкретного объекта не тождественна оценке контекстного высказывания, в котором функционирует тот или иной образ. Следует рассматривать отдельно оценочные значения лексем и аксиологически маркированные концепты, которые обусловлены во многом социолингвистическими факторами [Коннова 2018: 15].

Отражение в языке знаний оценочного характера выражается в оценочных категориях, которые, по мнению Н.Н. Болдырева, характеризуются, в том числе, внеязыковой направленностью, концептуальной интегративностью содержания и уровневой принадлежностью [Болдырев 2008: 36].

Далее обратимся к типологии оценок и рассмотрим общую и частную систему оценок. Н.Д. Арутюнова предлагает называть основное определение прилагательных *хороший* и *плохой* общеоценочным, поскольку они способны именовать совокупность свойств объекта, относя её к определенной точке на шкале ценностей. Частнооценочные значения содержат некоторый дополнительный компонент, который относится к структуре оценки [Арутюнова 1999: 194]. Следует уточнить, что к общепринятым оценочным категориям относятся именно концепты ‘хорошо’ и ‘плохо’, поскольку они вербализированы в каждом языке своими знаками: в русском языке наречиями *хорошо* и *плохо*, в немецком *gut* и *schlecht* и т.д.

В.Н. Телия к общим оценкам относит слова, которые не содержат дескриптивного ориентированного содержания, т.е. кроме слов *хороший, плохой* она определяет сюда слово *нравиться.* Среди слов частнооценочного значения она выделяет *вкусный, катастрофа, любить,* поскольку они описывают определенный аспект, который служит фокусом оценки [Телия 1986: 54]. Отметим, однако, что разделение *любить* и *нравиться* на частнооценочное и общеоценочное значения, на наш взгляд, свойственно скорее немецкому языку, где глагол *lieben* не применяется для описания отношения к столь широкому спектру фрагментов реальности, как в русском языке.

Как отмечает Е.М. Вольф, общеоценочные слова могут замещать ряд частнооценочных характеристик, входящих в стереотипное представление об описываемом объекте, т.е. под понятием *хороший нож* подразумевается *острый* [Вольф 2002: 64], однако это выявление спектра частнооценочных признаков возможно не во всех случаях, например, понятие *хорошая куртка* может включать семы ‘*удобная*’, ‘*красивая*’, ‘*недорогая*’, ‘*тёплая*’ и т.д. Также обратное сопоставление вышеуказанных характеристик с общеоценочным прилага-

тельным *хорошая* возможно не всегда ввиду того, что в определенных ситуациях эти характеристики не смогут с положительной стороны описать референт, указывая на непригодность для конкретной ситуации (*красивая* куртка для копания огорода, *недорогая* куртка в подарок жене директора банка, *тёплая* куртка для летней прогулки и т.д.).

В отличие от употребления прилагательных в составе языкового выражения в их первичном значении, функционирование прилагательных во вторичном значении часто предполагает замену частнооценочным признаком общеоценочного. Так выражение *alte Kuh* при характеристике женщины указывает не только на её возраст, но также в целом описывает её как отрицательную личность для говорящего субъекта.

Е.А. Калинина указывает, что частная оценка относится к субординатному уровню средств оценочной категоризации, а общая – к базовому [Калинина 2015: 12-14], хотя, на наш взгляд, возможно также отнесение общеоценочных прилагательных к суперординатному уровню, поскольку они обладают высокой степенью абстракции, а частнооценочные значения разделить между базовым и субординатным уровнем в зависимости от степени конкретизации признака. Например, *хорошая музыка → красивая музыка → глубоко проникающая в душу музыка; хорошее сочинение → интересное сочинение → сочинение с нестандартным сюжетом; хорошее объяснение → подробное объяснение → объяснение, с большим количеством примеров.* Но на данных примерах можно также увидеть, что последняя характеристика обладает оценочным значением в определенной ситуации, при этом возможно также её отнесение к противоположному полюсу шкалы оценок: *плохая музыка → музыка, заставляющая нервничать → глубоко проникающая в душу музыка; плохое сочинение → сочинение, не соответствующее требованиям ЕГЭ → сочинение с нестандартным сюжетом; плохое объяснение → объяснение, растянутое на три листа → объяснение, с большим количеством примеров.* Очевидно, что при понижении уровня оценки требуется больше описательных средств.

Отметим, что оценка, заключенная в семантике языковой единицы, может носить, во-первых, ситуативный характер. Это касается в первую очередь системы частных оценок, а также свободных от оценочных слов фраз и словосочетаний. Во-вторых, оценка носит субъективный характер. В.Н. Телия указывает на то, что оценочное значение содержит сведения о ценностном отношении субъекта к какому-либо свойству описываемого объекта [Телия 1986: 54], то есть отношения различных субъектов к объекту могут варьироваться, а одно и то же свойство может быть охарактеризовано с различных сторон. Тем не менее, оценочные значения не могут быть полностью лишены объективности, ввиду того, что они опираются на свойства реальных объектов [Панасенко 2016: 39], т.е. оценочные значения обусловлены и мотивированы фактическими свойствами предмета, которые включают наблюдаемые свойства объекта, закономерности восприятия и т.п. [Арутюнова 1988: 57]. По мнению Е.М. Вольф, субъективный и объективный компоненты оценочного значения в языке представляют собой диалектическое единство с изменяющимися соотношениями в пределах каждого ряда языковых единиц. Субъект выражает оценку и на основе собственных эмоций, и на основе социальных стереотипов [Вольф 2002: 203].

Представляется, что общие оценки могут быть более объективными, поскольку лишены конкретизации и обозначают только место на шкале оценок. Но утверждать о полной идентичности концептов ‘хорошо’ и ‘плохо’ в сознании носителей даже одного языка не представляется возможным. Оценка отвечает мнениям, ощущениям, воле и долгу во внутреннем мире человека, обладая социальной обусловленностью [Арутюнова 1988: 6]. Феномен неоднозначного определения можно объяснить тем, что концепты ‘хороший’ и ‘плохой’ являются следствием структур сознания, при этом они объективно не могут существовать в реальном мире. О субъективности частных оценок было сказано выше, т.е. *острый* нож в руках Аль Капоне ≠ *хороший* нож.

В современной теории интерпретации представлена классификация оценок по их качественной стороне, т.е. чувственной, рациональной или эмоциональной природе. Чувственная оценка есть результат восприятия мира посред-

ством перцепции, рациональная оценка является результатом смысловой интерпретации предметных характеристик, а эмоциональная оценка есть результат реакции конкретного человека на явления окружающего мира [Болдырев 2002: 113]. В качестве примеров данных оценок можно привести *благовонный – дурнопахнущий*, *истинный – ложный* и *Что за бред?* соответственно. Если рассматривать данные оценочные основания применительно к языковым знакам в конкретном контексте, то природа оценки будет достаточно очевидной. Однако одна и та же оценка может иметь разные основания. Так, приведенные Н.Н. Болдыревым примеры *приятный - противный* и *приятный - неприятный,* вероятно, могут иметь разную основу, характеризуя, например, отношение субъекта к пению хора: *Этот номер намного приятнее, чем предыдущий!* Характеристику *приятный* определяют: 1) слуховое восприятие пения; 2а) эстетическое осмысление звучания; 2б) знание о том, что хор удержал тональность и не допускал неточностей интонирования; 3) эмоциональная реакция на звучание.

В этом ключе Ш. Балли указывал, что деятельность рассудка и эмоциональные импульсы совместно детерминируют систему выразительных средств языка [Балли 2001: 186]. Также В.Н. Телия отмечала, что переосмысление значений языковых единиц позволяет создать «гибридные семантические формы», в которых понятия с рациональной оценкой совмещаются с эмоциональным восприятием выделенного в данном понятии признака [Телия 1986: 15]. То есть, например, если мы называем незрячего человека *слепым,* то в данном случае негативная оценка явления *слепоты* формируется рациональным модусом, тогда как в случае номинации данным прилагательным рассеянного человека, который не может найти среди находящейся в шкафу одежды свои джинсы, то активизируется эмоциональный оценочный модус.

Именно эмоция часто становится мотивирующим фактором формирования вторичных значений. Однако далее возникает вопрос о том, насколько возможно существование оценки абсолютно без эмоции. Ведь даже чисто чувственная оценка *вкусный – невкусный* сопровождается некоторыми эмоциями, ибо если человек ест *невкусную* еду, он не получит положительных эмоций от этого

действия. Кроме того, эмоции основаны на восприятии чувств [Шеррингтон 1969: 246]. Итак, рассмотрим далее природу эмоций и их связь с оценкой.

Следует начать с того факта, что само понятие ‘эмоция’ может характеризоваться по-разному. Возможно как включение в данное понятие всего спектра реакций человека на различные феномены окружающего мира, так и выделение двух пар биполярных эмоций: радость (Freude) – отвращение (Unlust), страх (Angst) – агрессивность (Aggressivität) [Rost 2005: 68]. Но ввиду того, что весь спектр эмоций можно свести к различным сочетаниям вышеуказанных компонентов биполярных пар, будем понимать в данной работе под эмоциями субъективные психические и физические состояния человека, которые сопровождаются приятными или неприятными ощущениями [Немов 2007: 489], то есть весь спектр таких состояний. Эмоции являются субъективными реакциями человека на воздействие разных раздражителей [БТСРЯ 2000: 1522].

Эмоции можно назвать импульсом (der Antrieb) жизни, а эмоциональные эпизоды (Emotionale Episoden) связаны с чем-то важным для человека [Ekman 2010: 325]. Мы стремимся максимизировать позитивный эмоциональный опыт и минимизировать негативный [там же: XVIII].

Поскольку сознание, психика, мышление и язык находятся в тесной взаимосвязи, в каждом языке есть эмотивные знаки, посредством которых возможна вербализация эмоциональных отношений человека к миру [Шаховский 2009: 31]. В лингвистике эмоцию часто рассматривают как своего рода базовый опыт, который выражается или основывается на определенных лексемах и конструкциях [Palmer 2007: 1049], при этом многие словесные выражения эмоций регулируются концептуальными сценариями (conceptual scenarios), в которых эмоции вызываются и ведут к последующим действиям и мыслям. Эмоциональное состояние может влиять на разные уровни речевой коммуникации: как на фонетическую реализацию, так и на выбор речевой тактики [Полякова 2010: 261].

По мнению И.А. Стернина, трудность разграничения оценочного и эмоционального компонентов состоит в том, что они тесно связаны в пределах значения, поскольку оценка какого-либо объекта часто связана с эмоциональными

переживаниями человека, которые зависят от его знаний [Стернин 1979: 75]. Ж.Н. Маслова говорит о том, что знание в голове формируется в зависимости от эмоционального впечатления [Маслова 2015: 15], вследствие чего эмоции являются одним из базовых оснований возможной интерпретации.

Далее нельзя не упомянуть понятие *оценочной коннотации,* под которой следует понимать ту часть значения, которая передает дополнительную по отношению к понятию информацию и связана с характеристикой ситуации и участников общения [Стернин 1979: 68-69]. Коннотация выражает стилистически маркированное эмотивно-оценочное отношение субъекта к обозначаемому, вследствие чего высказывание получает экспрессивный эффект [Телия 1986: 5].

Три составляющие коннотации выделяет В.Н. Телия: образно-ассоциативный комплекс, эмотивная модальность и стилистическая маркированность [Телия 1988: 199], тогда как И.В. Арнольд выделяет в коннотации стилистический, оценочный, эмоциональный и экспрессивный компоненты [Арнольд 2002: 153]. Стилистический компонент указывает скорее на чисто речевое употребление языковой единицы (*нейтральное, просторечное, разговорное*), в то время как эмоциональный и оценочный компоненты находятся в более тесной взаимосвязи, а экспрессивный компонент указывает степень выражения той или иной оценки и эмоции.

В.Н. Телия отмечает, что именно экспрессивная окраска в отличие от оценки может выражаться эмотивной маркированностью языковой единицы, что фиксируется стилистическими пометами типа *одобр./ неодобр.* [Телия 1986: 65]. В немецком языке следует выделить следующие стилистические пометы: *высокопарно (geschraubt), высоко (gehoben), нейтрально (neutral), литертурно-разговорно (literarisch-umgangssprachlich), небрежно (salopp), грубо (grob)* [Glušak 1981: 50]. Выше представленные стилистические пометы указывают на нормативно-стилистический компонент значения; экспрессивный стилистический компонент отмечается пометами типа *уничижительно (abwertend), позитивно (positiv), эмоционально (gefühlsbetont)*.

В.Н. Телия четко дифференцирует чисто оценочное значение и экспрессивно окрашенное, утверждая, что последнее сообщает оценку, выражаемую внутренней формой слова и отсылающую к периферийным чертам обозначаемого [Телия 1986: 58]. То есть оценка – это неотъемлемая часть языкового значения определенной языковой единицы, в то время как экспрессия может возникать ситуативно, а также порождать вторичные значения языковых средств.

Однако коннотацию следует рассматривать также как когнитивный феномен в сознании индивида, который лежит в основе ассоциирования и является частью процесса познания [Бурукина 2010: 39]. То есть коннотативный аспект значения можно рассматривать как результат работы интерпретирующей функции языкового сознания посредством установления ассоциативных связей между денотатом и общепринятой шкалой оценок [Панасенко 2016: 36].

К сожалению, в рамках терминологии когнитивной лингвистики не принято использовать рассмотренный термин *коннотация*, однако ввиду отсутствия его адекватного аналога в настоящей работе далее он присутствует.

Далее обратимся к возможности появления вторичных оценочных значений, которые обуславливают интерпретацию [Панасенко 2016: 5]. Так, например, отмечая прекрасный голос соловья (*Nachtigall*), человек, потенциально способный обладать таким же качеством, даёт голосу птицы оценку «хорошо», при этом тот факт, что самка соловья высиживает яйца 13 суток, остаётся без оценки, поскольку не свойственен человеку. Дж. Тейлор объясняет такую выделенность признаков когнитивным механизмом профилирования, называя более выделенную сущность *траектором*, а менее выделенную – *ориентиром* [Taylor 2002: 206]. В связи с этим и субъект оценки является вторичной координатой субъекта познания, поскольку деятельность последнего носит избирательный и целенаправленный характер [Магировская 2007: 122].

Рассмотрим ситуацию, когда оценка пению птицы дается независимо от существования в языке лексемы *Nachtigall*, а лишь на внешнем сходстве референтов. Теория интерпретации говорит, что способность лексемы *Nachtigall*

формировать вторичное значение ‘голосистый человек’ реализуется, в первую очередь, по причине наличия у последнего оценочной коннотации.

Точное определение первичности оценки или внешнего сходства представляется затруднительным. Если представить гипотетическую ситуацию, когда первый раз какой-то голосистый человек *A* был назван лексемой *Nachtigall* человеком *B,* то по определению Спинозы, человек *B* вначале отметил общие черты пения человека *A* и птицы, а затем дал оценку «хорошо». Однако можно предположить, что человек *B* вначале послушал пение соловья, оценив его *хорошо,* затем, услышав пение человека *A* и дав такую же оценку, он посчитал возможным назвать человека *A* лексемой *Nachtigall.* Первый вариант представляется нам более рациональным, поскольку сопоставление двух объектов только на основе оценки имеет меньшую вероятность.

Не может быть точно известно, каким образом именование голосистого человека лексемой *Nachtigall* стало узуальным вторичным значением лексемы. В.И. Карасик отмечает, что важным социолингвистическим фактором является то, что оценочный смысл может появляться, модифицироваться и исчезать не в пределах всего языкового сообщества, а в речи группы людей [Карасик 2002: 29]. Однако закрепляясь в речи и фиксируясь в лексикографических источниках, вторичное оценочное значение становится достоянием более крупного языкового сообщества, и мы понимаем эмоциональную окраску слова благодаря тому, что бессознательно сопоставляем его с другими [Балли 2001: 39].

Таким образом, результатом интерпретации является в большинстве случаев формирование оценочного знания.

1.6. Отражение понятий лингвистической интерпретации в работах современных ученых

Исследования процесса интерпретации представлены в различных работах лингвистов, особенно в исследованиях интерпретации текста в рамках семантической теории (см., например, [Busse 2015], [Schardt 2010], [Залесова

2012], [Кухаренко 1988] и др.). В фокусе внимания лингвистов-когнитологов интерпретация оказалась сравнительно недавно, что было отражено первоначально в работах Н.Н. Болдырева и Л.А. Панасенко, являющихся основателями частной теории лингвистической интерпретации, о которой далее пойдет речь.

Нам представляется справедливым, что понятие *интерпретация* тесно взаимодействует с понятием *репрезентация,* которое в общем смысле можно охарактеризовать как представление познаваемого явления, но в практическом употреблении выступает синонимом понятий *вербализация* и *объективация,* то есть *интерпретация* и *репрезентация* показывают *когнитивную* и *языковую* стороны одного и того же процесса. Репрезентация является процессом представления знания в языке, в то время как интерпретация – получение нового знания оценочного характера. Если рассматривать вторичную репрезентацию как повторное осмысление одного через призму другого через вторичную концептуализацию, то данный процесс можно охарактеризовать как новую интерпретацию существующего знания о мире [Ушкова 2013: 241].

Далее рассмотрим непосредственно понятие *интерпретации*.

Во-первых, существуют широкое и узкое понимание интерпретации. По мнению Н.Н. Болдырева, широкое понимание интерпретации определяет её как любую мыслительную операцию, которая направлена на получение нового знания коллективного или индивидуального характера [Болдырев 2011г: 11, Болдырев 2011б: 11]. Узкое понимание интерпретации может, на наш взгляд, реализовываться по-разному. В настоящей работе речь идет о языковой активности, однако интерпретация может носить творческий характер практически в любом виде искусства. Н.Н. Болдырев в узком смысле понимает под интерпретацией языковую познавательную активность индивида, которая раскрывает в своих результатах субъективное понимание интерпретируемого объекта [Болдырев 2011б: 11, Болдырев 2011в: 11, Болдырев 2011г: 11].

Во-вторых, интерпретацию можно подразделить на первичную и вторичную. Первичная интерпретация есть процесс и результат осмысления внешнего мира, что выражается в лексических категориях. Вторичная интерпретация

предполагает формирование вторичных значений лексических единиц путем соотнесения их с модусными категориями на основе аналогии организации концептуально-тематических областей [Болдырев 2014б: 121]. Для сопоставления можно отметить, что при рассмотрении интерпретации художественных текстов её первичный характер предполагает формулировку содержания произведения и перевод на язык художественных понятий языка художественных образов [Романова 2006: 20], в то время как вторичный характер предполагает творческий перевод произведения на язык других искусств [Есин 2000: 125].

Разграничение первичной и вторичной интерпретации не следует путать с возможностью буквального и косвенного прочтения уже зафиксированного результата вторичной интерпретации [Бирвиш 1988: 96], то есть при восприятии предложения *Господин Вундерманн вставляет палки в колёса*, перед реципиентом открывается возможность понимания выражения как в буквальном смысле (Господин берет колесо и вставляет в него палку), так и в косвенном (Господин мешает). Однако первый случай иллюстрирует буквальное понимание языковой структуры, тогда как первичная интерпретация есть понимание некоторого фрагмента реальности, т.е. если бы говорящий наблюдал за некоторым господином, занимающимся вмонтрированием некоторых вытянутых предметов в соответствующую часть транспортного средства.

В-третьих, поскольку интерпретация объективируется языковыми формами, следует отдельно рассмотреть языковую интерпретацию, под которой Н.Н. Болдырев и Л.А. Панасенко понимают особый вид когнитивной деятельности, который основан на механизмах концептуальной деривации и предполагает развитие содержания исходных концептуальных структур через установление межконцептуальных связей [Болдырев, Панасенко 2013: 6]. Это определение очень сближено с узким пониманием исследуемого понятия, тем не менее, содержит большее раскрытие сущности познавательной деятельности. Следует отдельно обозначить рассматриваемое в монографии З.Д. Поповой и И.А. Стернина понятие *когнитивной интерпретации,* которое представляет собой мысленное обобщение на высоком уровне абстракции описания значений

единиц языка, входящих в номинативное поле концепта [Попова 2007: 141], т.е. она является искусственной деятельностью лингвиста, которая направлена на выявление когнитивных признаков, репрезентируемых различными значениями исследуемой языковой единицы. В настоящей работе рассматривается отличный от последней тип интерпретации, характерный для естественного языка.

Наконец, отметим, что приведенное определение языковой интерпретации соответствует её вторичной форме, в то время как возможна не только языковая интерпретация знаний о мире, но и языковая интерпретация самого мира, поскольку в мозге человека существует речевой центр, занимающийся интерпретацией и созданием речевых форм [Миданер 2003: 90].

В-четвертых, интерпретация может определяться с точки зрения статического и динамического аспектов. Н.Н. Болдырев рассматривает статистический аспект интерпретации как результат категоризации и концептуализации, тогда как сами эти процессы формируют динамический аспект [Болдырев 2011б: 12, Болдырев 2011в: 12]. Е.С. Кубрякова акцентирует внимание на динамическом аспекте интерпретации, определяя её как создание значения или попытку его реконструкции в соответствии с целями интерпретатора [КСКТ 1997: 31]. Фактически термин *интерпретация* раскрывает её динамический аспект, а статический аспект выражается термином *результат интерпретации.*

В-пятых, можно также выделить индивидуальную и разного уровня коллективную интерпретацию. Под индивидуальной интерпретацией можно понимать проекцию мира в индивидуальном сознании человека, которая основана не только на личном опыте взаимодействия с миром, но также на общечеловеческих представлениях [Болдырев 2011г: 11], [Болдырев 2011в: 12]. Большинство результатов коллективной первичной и вторичной интерпретации отражено в лексикографических источниках. В связи с этим Н.Н. Болдырев отмечает, что интерпретация, с одной стороны, опирается на существующие в данном языковом коллективе системы знаний, а с другой стороны, ориентируется на концептуальную систему конкретного человека [Болдырев 2011а: 14], [Болдырев 2011б: 13], [Болдырев 2011г: 12]. Коллективная интерпретация в качестве

результата может иметь знание культурно маркированного формата, предполагающее закрепление за единицей языка оценочного знания, что не распространяется на эквивалентные единицы другого языка [Панасенко 2014а: 92].

Выделение индивидуальной и коллективной интерпретации подводит нас также к вопросу дифференцирования типов индивидуальной вторичной интерпретации, поскольку последняя может как предварять коллективную интерпретацию, так и вытекать из неё. Первый случай иллюстрирует ситуацию, при которой индивидуальная интерпретация какого-либо концепта порождает её массовое употребление, вследствие чего обычно интерпретируемая лексическая единица получает свое вторичное значение. Однако более распространена ситуация, при которой индивид употребляет уже существующее вторичное значение для образной характеристики какого-либо объекта. В данном случае вторичный характер интерпретации получает некоторую завуалированность, ввиду того что интерпретируется только один объект, а обозначающий второй объект языковой знак выражает также готовое вторичное значение.

Важным тезисом следует считать то, что в основе формирования межконцептуальных связей между фрагментами реальности, относящимся к разным категориям, лежит принцип аналогии дифференциальных признаков [Панасенко, Мелихова 2017: 139-140], что способствует возможности переосмысления признаков и интерпретации концептов. Интерпретирующий потенциал лексических категорий заложен в их структуре и когнитивной основе, поскольку они репрезентируют естественные категории [Болдырев, Панасенко 2013: 6].

Следует также согласиться, что в основе образования интерпретирующих значений лежат процессы концептуальной деривации [Панасенко 2016: 53, 64, 70, 79, 87, 90, 96, 298], [Болдырев, Панасенко 2013: 8], которая ввиду многообразия существующих концептов может осуществляться различным образом.

Различают идентифицирующий и характеризующий типы интерпретации. Первый тип предполагает вторичную номинацию с увеличением денотативного потенциала языковой единицы [Болдырев, Панасенко 2013: 7], [Панасенко 2016: 87], в то время как характеризующая интерпретация передает также мне-

ние индивида относительно этого знания [Панасенко 2016: 88], что влечет за собой также раскрытие оценочного потенциала интерпретируемого концепта.

Тип интерпретации во многом определяется характером интерпретируемых признаков, например, признак ‘полосатый’ способствует идентифицирующей интерпретации, а признак ‘грязный’ – характеризующей. Интерпретируемые признаки можно также классифицировать по их степени постоянности на конститутивные и переменные [Панасенко 2014б: 34], т.е. данный признак либо присущ объекту a priori (например, окрас шерсти тигра), либо может появляться в зависимости от ситуации (например, рассерженность тигра).

Рассмотрим далее три функции интерпретации: селективную, классифицирующую и оценивающую [Болдырев 2011а: 13], [Болдырев 2011б: 13]. Селекция предполагает концептуализацию мира с языковым обозначением концептов, что зависит как от личности интерпретатора, так и от внешних факторов. То есть, во-первых, интерпретация выборочна, ибо невозможно интерпретировать всё, во-вторых, она зависит от интерпретирующего субъекта.

Классифицирующая функция иллюстрирует возможность формирования абстрактных имен для элементов классификаций. Отметим, что, во-первых, у многих таких имен не существует денотата, например, понятия *профессии, цвет, явления природы* не могут быть никак представлены без концептов, входящих в представляемые ими категории. Во-вторых, даже обозначения конкретных категорий, например, *птицы, деревья, мебель,* для некоторых носителей языка могут восприниматься слишком абстрактно ввиду широкого денотативного потенциала последних. Так, для ребенка нарисовать птицу не составит труда, поскольку его представления включают прототипы данной категории, в то время как у орнитолога это действие может вызывать закономерную просьбу конкретизировать задачу.

Оценивающая функция интерпретации демонстрирует языковую схематизацию опыта в соответствии с коллективной и индивидуальной системами норм. Эмотивное моделирование передает отношение говорящего к предмету мысли, что выражается эмоциями [Панасенко 2014а: 92]. Оценочное основание

базируется на информации из области восприятия и соотносится с ассоциативными связями объектов [Панасенко 2012: 259].

Интерпретация может осуществляться по различным форматам знания, под которыми Н.Н. Болдырев понимает особую форму представления знаний на мыслительном и языковом уровнях [Болдырев 2006: 5]. Многообразие данных форматов знания можно свести к двум основным модулям: онтологически ориентированному и социально ориентированному. Первый включает в себя форматы перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов и операционального опыта, признаки которых относятся к онтологии объектов естественных категорий, отражая их природу. Второй модуль включает в себя ассоциативный формат знания, осуществляющий интерпретацию на основе индивидуальных или коллективных ассоциаций, сформированных в той или иной лингвокультуре [Панасенко 2016: 98].

Формат перцепции, на наш взгляд, является первичным относительно остальных форматов, поскольку получаемая и осмысливаемая нами информация изначально предполагает восприятие мира посредством органов чувств. Можно выделить 5 каналов восприятия: зрительный, слуховой, обонятельный, осязательный и вкусовой, при этом зрительный канал имеет наибольшее значение.

Если учитывать, что формат наблюдения предполагает рассмотрение поведения (движения, производимые действия) и психики животного, то спорным остается вопрос отнесения слухового канала восприятия к формату перцепции, поскольку восприятие любого звука предполагает наличие временной перспективы. Кроме того, даже наблюдение за поведением животного, траекторией движения предполагает активизацию зрительного канала восприятия информации. Вследствие этого условимся понимать под форматом перцепции статический аспект восприятия (зрение, обоняние, осязание), а под форматом наблюдения – динамический (любые проявления психики и поведение животного).

Формат экспериенциальных эффектов основан на оценке возможных последствий воздействия животного на человека, если они носят деструктивный характер. Если действия, выполняемые животным, осуществляются для реали-

зации потребностей человека, то следует говорить о формате операционального опыта. Также данный формат формирует признаки, формируемые манипуляциями, которые выполняет человек с животным. Последние сближены с признаками, сформированными форматом функции, раскрывающим утилитарное назначение объекта, например, использование меха животного.

Рассмотренным выше форматам следует противопоставить формат ассоциативного знания, поскольку он предполагает реализацию знания, закрепленного в сознании представителей лингвокультуры и имеющего некоторый оценочный смысл. Интерпретируемые через данный формат признаки являются подлинным или модифицированным результатом восприятия объектов посредством рассмотренных выше форматов. Так, называя злого человека *собакой,* мы активизируем ассоциативное знание о собаке как о животном, которое может лаять и кусаться. Однако данное знание является результатом первичной интерпретации посредством форматов наблюдения и экспериенциальных эффектов соответственно. Не вызывает сомнения, что на практике данные форматы могут сочетаться друг с другом при интерпретации какого-либо признака или осуществлять интерпретацию разных признаков интерпретируемого концепта.

Проблемой является модификация исходного знания при формировании оценочного смысла. Например, ослы в сознании многих людей олицетворяют тупость и упрямство, тогда как в реальности они терпеливы и весьма не глупы.

Названия разных форматов формируются различными способами. Так, перцепция и наблюдение базируются на чувственном восприятии и отслеживании поведения самого интерпретирующего субъекта, тогда как операциональный опыт, экспериенциальные эффекты и функция не обязательно связаны непосредственно с ним, а могут быть выявлены посредством *наблюдения* за иными объектами и субъектами реального мира. Т.е. указанное употребление слова *собака* применительно к злому, «кусающемуся» человеку не обязательно влечет за собой то, что при формировании вторичного значения номинирующий субъект испытал лично на себе укус собаки.

Но как показал анализ фактического материала, указанные форматы не исчерпывают все случаи интерпретации значений зоонимов, поэтому рассмотрим на примере некоторых композитов типичные спорные случаи:

1) если зоонимический компонент композита указывает на то, что его денотат выступает средством питания (Schlangenadler), то в этом случае ближе всего подходит формат операционального опыта, с той оговоркой, что животное может служить удовлетворению потребностей не только человека, но и животного, как в данном примере;

2) если зоонимический компонент указывает на животное, которое поедает что-либо (Vogelkirsche), то формат приближается к экспериенциальным эффектам, поскольку птицы в данном случае могут оказывать вред растению с позиции человека, что, тем не менее, едва ли можно постулировать относительно самого растения, поскольку склевывание ягод самому дереву вредить не может;

3) если денотат зоонимического компонента подвергается негативному с его ракурса воздействию, в т.ч. истреблению, при этом польза денотату производного слова не имеется или мала, например, Fliegenpilz (объект истребления), Hundekohl (объект отравления), Lämmergeier (жертва), то ни к одному из рассмотренных форматов процесс интерпретации зоонимов не может быть отнесен. Обозначим условно данный феномен как формат *пассивного опыта*. В эту же категорию можно отнести случаи, когда денотат интерпретируемого зоонимического компонента нейтрально взаимодействует с денотатом всего композита (Schäferpudel)**;**

4) если денотаты зоонима и производной единицы характеризуются общностью обитания (Froschlöffel), то формат интерпретации такого рода можно обозначить как формат *общей локализации*;

5) если денотаты зоонимического компонента и вторичной единицы объединяются в силу формального сходства каких-либо аспектов, не базирующихся на наблюдении или чувственном восприятии, например, молодой возраст для *Fohlen* в значении ‘неопытный игрок’, то такой формат определимся называть как формат *фактического соответствия*.

Определение формата интерпретации не с позиции воспринимающего субъекта, а с ракурса обозначаемого объекта в большинстве случаев детерминирует когнитивную метонимию, поскольку взаимодействие животных с иными объектами и субъектами иллюстрирует отношение разного рода смежности, а не аналогии, которая предполагает взгляд интерпретирующего субъекта, способного постулировать сходство между двумя объектами.

Отметим, что знания, выступающие в качестве результата интерпретации, представлены её модусами: рациональным, эмотивным и аксиологическим. Рациональный модус связан с онтологией содержания интерпретируемого концепта и формируется на основе умозаключений, аксиологический модус направлен на соотношение исследуемого знания с существующей оценочной шкалой, а эмотивный модус соотносится с эмоциональным отношением субъекта к объекту [Болдырев, Панасенко 2013: 7], [Панасенко 2016: 79]. Все три модуса могут функционировать при интерпретации в сочетании друг с другом.

Рассмотрим соотношение рационального, эмотивного и аксиологического модусов интерпретации с рациональным, эмоциональным и чувственным основаниями оценок при формировании вторичных значений. Поскольку аксиологический модус направлен на соотношение исследуемого знания с существующей оценочной шкалой, то общий знак оценки вторичного значения будет соответствовать ему. Параллелизм рационального и эмотивного модусов с рациональным и эмотивным основаниями оценки наблюдается с учетом акцентирования в основах оценочных оснований на более абстрактных характеристиках. Например, в интерпретации значения зоонима в предложении *Ах, ты мой соловушка!* доминирует рациональный модус (красота пения), тогда как в оценке вторичного значения – эмоциональная основа, тогда как значение зоонима в предложении *Этот слон мне всю рогу отдавил!* иллюстрирует преимущество эмотивного модуса интерпретации и чувственной основы оценки.

Таким образом, в рамках теории интерпретации разработаны такие понятия как формат интерпретации, тип интерпретации, её связь с оценочным знанием, что является важным для изучения проблемы.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 1

1. При взаимодействии человека с миром происходит процесс объединения систем мира, человека и языка, при этом слитность данных онтологий часто вуалирует разницу объекта и его проекции в сознании человека. Язык, не являясь естественным объектом бытия, предполагает образование своих единиц через деятельность субъекта, направленную на обозначение фрагмента реальности. Формирование лексических категорий происходит по ассоциативному принципу, в зависимости от того, каким образом именуемые предметы сгруппированы в сознании субъекта познания на основе их связанности в реальности. Взаимодействие человека с окружающим миром становится возможным посредством восприятия, которое часто носит автоморфный характер, что обусловлено стремлением человека воспринимать других по своему подобию, вследствие чего областью-целью интерпретации в большинстве случаев является человек.

2. С одной стороны, естественный язык не обладает бесконечными выразительными возможностями, и мышление по содержанию богаче его, однако с другой стороны, именно язык позволяет создавать сложные ментальные модели, облегчая при этом ментальную обработку информации, а содержание понятий в конечном счете ограничено словами. Кроме того, языковая единица является средством доступа к концептуальному знанию. Язык выступает в качестве средства передачи воспринимаемой информации, что обеспечивается через процесс номинации, для изучения которой выделяются ономасиологический и семасиологический подходы. Ономасиологический подход к исследованию языковых единиц предполагает восстановление процесса поиска и выбора средств номинации, в то время как семасиологический подход направлен на изучение значений уже существующих языковых единиц.

3. Способность человека переосмысливать явления мира делает возможной вторичную номинацию как случай несовпадения закрепленного за объектом названия и имени, данного в определенной ситуации. Этот процесс обу-

словлен также тем, что наличие в структуре значения потенциальных сем предопределяет возможность сдвигов значения и гипотетическое употребление слова в непрямой функции. Сформированный в результате сдвига значения смысл может соотноситься с внеязыковым рядом как автономно, так и косвенно, т.е. с опорой на содержание иного наименования.

4. Вторичность носит индуктивный характер, поскольку формирование вторичного значения не может быть замкнуто только на обозначенном данной единицей денотате, и установление межконцептуальных связей базируется на принципе концептуального согласования, при этом точная детерминация аспектов значений, способных быть переосмысленными, остается завуалированной. Одной из причин вторичных явлений является стремление языка избежать количественного приращения языковых знаков. Фундаментальными механизмами формирования вторичных значений являются метафора и метонимия, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний в ключе универсальной деятельности концептуализатора представляется когнитивная операция сравнения, которая необходима при сопоставлении концептуализируемой сущности либо с её частью, либо с иной сущностью.

5. Метафора обладает формальной ложностью ввиду несовместимости сопоставляемых значений. Однако сравниваемые сущности имеют ту или иную степень схожести своих онтологических свойств. В связи с этим можно выделить метафоры с наличием или отсутствием семантического сдвига признака, мотивирующего перенос, а также метафоры, в которых данный признак имеет противоположный смысл применительно к области-источнику. В отличие от метафоры формальная ложность вербализированного образного сравнения практически невозможна, а интерпретируемый компонент обладает в нем первичным значением. Метонимия выводит ассоциативные признаки, которые способствуют переносу, в единое концептуальное пространство, при этом метонимия не всегда является образным средством и может выступать в функции срединного звена при движении от буквального до метафорического прочтения. В последнее время внимание ученых привлекла также возможность параллель-

ного функционирования в одной языковой единице когнитивных механизмов метафоры и метонимии, что выражено новообразованным термином метафтонимия, которая функционирует в случаях, когда одна сущность замещается другой и одновременно вступает в ассоциативную связь с некоторой третьей сущностью.

6. Развитию интерпретирующего потенциала способствует оценочная категоризация действительности. Часть значения, передающую дополнительную по отношению к понятию информацию и связанную с характеристикой ситуации и участников общения, называют оценочной коннотацией, выделяя в ней стилистический, оценочный, эмоциональный и экспрессивный компоненты. Именно эмоция часто становится мотивирующим фактором формирования вторичных значений.

7. Под интерпретацией следует понимать продукт интерпретационной функции сознания человека, направленной на понимание и освоение окружающей действительности, и формирование системы смыслов, включающей также оценочные смыслы. Интерпретация бывает двух видов: идентифицирующей и характеризующей. Под первым типом понимается процесс вторичной номинации с освоением знания в заданной языковой единицей концептуальной проекции. Характеризующая интерпретация ориентирована на передачу не только фрагмента знания, но и мнения индивида относительно этого знания.

8. Интерпретация может осуществляться по различным форматам как особым формам представления знаний на мыслительном и языковом уровнях. Помимо рассмотренных в трудах современных ученых форматов перцепции, наблюдения, функции, экспериенциальных эффектов, операционального опыта и ассоциативного формата знания, в настоящей работе выделены формат *пассивного опыта*, формат *общей локализации* и формат *фактического соответствия*. Кроме того, некоторые форматы применительно к исследуемому языковому материалу функционируют условно. Определение форматов интерпретации возможно осуществлять как относительно интерпретирующего субъекта,

так и относительно фрагмента реальности, вербализированного целой языковой единицей.

Итак, рассмотрев базовые теоретические вопросы исследования, обратимся к анализу конкретных примеров интерпретации значений зоонимической лексики немецкого языка.

ГЛАВА 2. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЗНАЧЕНИЙ НЕМЕЦКИХ ЗООНИМОВ В СОСТАВЕ РАЗЛИЧНЫХ ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУР

Рассмотрение интерпретации значения зоонима в составе разноструктурных языковых единиц следует производить с учетом функционирования зоонимического компонента в первичном или вторичном значении. Все имеющиеся вторичные значения исследуемых зоонимов и характер их интерпретации представлены в **приложении А**.

Не вызывает сомнений, что то или иное представление о животном может иметь различные языковые формы вербализации. Например, характеристика, заложенная в словосочетании *lahme Ente – ‘schwunglose, schwerfällige, entscheidungsunfähige Person’* [Duden 2013: 449], эквивалентна по значению устойчивому сравнительному обороту *lahm wie eine Ente*. Были обнаружены аналогии между сравнительными оборотами и сложными прилагательными: *rabenschwarz – ‘tiefschwarz’* и *schwarz wie ein Rabe.*

Вторичное значение зоонима *Hecht – ‘männliche Person, von der meist mit einer gewissen Bewunderung, Anerkennung gesprochen wird’* [duden.de] стало основой для формирования словосочетания *ein toller Hecht – ‘ein Mann, der [wegen seines Mutes, seiner Unverfrorenheit, seiner Cleverness o. Ä.] bewundert wird’* [Duden 2013: 334] и эквивалентного по значению сравнения *toll wie ein Hecht.*

Среди номинативных композитов были выявлены также примеры, имеющие иное языковое выражение своей семантики: ср. *Brummbär - ‘brummiger Mensch‘* [dwds.de] и *brummen wie ein Bär.* То же самое можно сказать про атрибутивные композиты и сравнения, например, характеристика зоркого человека прилагательным *luchsäugig* эквивалентна его номинации посредством глагольного словосочетания *Augen wie ein Luchs haben.*

В работе подробно рассмотрены сложные слова, устойчивые атрибутивные словосочетания и сравнительные обороты. Важно отметить, что при формировании значения как композитов, так и атрибутивных словосочетаний очень

важную роль играет наличие у зоонима переносного значения, что определяет его интерпретацию либо в составе исследуемой единицы, либо вне её.

Заметим, что данный тезис нельзя применить к сравнительным оборотам, в которых зооним употребляется в первичном значении. Если охарактеризовать женщину *dumm wie eine Ziege,* то предполагается, что её характеристика *dumm* относится к ней, потому что это определение применимо к животному. То есть толкованием значения является ‘*глупая, как коза*’, что показывает использование зоонима в первичном значении. В противоположность этому номинация того же лица словосочетанием *dumme Ziege,* предполагает возможность функционирования зоонима в имеющемся у него вторичном значении – ‘*глупая (коза → женщина*)’. Безусловно, не отрицается вариант интерпретации значения зоонима с формированием вторичного значения в составе словосочетания, что можно представить как ‘*глупая коза*’ → ‘*глупая женщина*’. Эти варианты можно наблюдать во многих примерах.

Сравнительные обороты фактически являются во многих случаях толкованием значения композита или атрибутивного словосочетания, потому последние представляют собой больший интерес для исследования.

Наконец отметим, что важность контекстуального употребления при изучении интерпретации языковых единиц является бесспорной. По мнению Дж. Лайонза, невозможно даже дать значение слова без «помещения его в контекст»; и словари полезны для определения количества и разнообразия «контекстов», которые они цитируют для слов [Lyons 1968: 410].

На наш взгляд, необходимость подробного изучения контекстного употребления растет в зависимости от степени «окказиональности» языковой единицы и от широты спектра её потенциально возможных денотатов. Так, если речь идет о научном термине, например, *Schlangenkaktus (акрокактус),* то диапазон его экстенсионала замыкается на кактусах определенного биологического вида, вследствие чего изучение контекстных употреблений данного фитонима едва ли сможет способствовать расширению представления об интерпретации значения зоонима *Schlange (змея).* В случае именования данным композитом

объекта, отличного от акрокактуса, речь будет идти уже об интерпретации значения всего фитонима, что не входит в задачи работы.

На основе данных предпосылок в настоящей работе представлены контекстные употребления не у всех языковых структур.

2.1. Характеристика языковых структур, репрезентирующих вторичные знания

Задачей данного параграфа является рассмотрение некоторых лексико-грамматических особенностей исследуемых в работе языковых структур, что позволит далее рассматривать сформированное вторичное значение зоонима в их составе с точки зрения определенного ракурса. О.В. Магировская отмечала, что типичные для языка средства и формы отражают специфику языкового конфигурирования, создавая ракурс языковой картины мира [Магировская 2009: 115]. Минимальной единицей раскрытия смысла в соотнесении с некоторым фрагментом действительности является предложение-высказывание [Магировская 2007: 124], но предикативное употребление вторичной единицы является элементарным способом формирования последнего. Такое предложение может содержать как первичный, так и вторичный персональный дейксис, не влияющий непосредственно на значение вторичной единицы, как например, употребление в предикативной функции зоонима *осёл* в переносном значении в предложении: *Этот Альберт Аскольдович – настоящий осёл!*

В случае включения вторичной единицы в группу подлежащего указательные местоимения являются уже необходимым условием реализации вторичного значения лексемы, т.е. референтом зоонима в составе предложения: «*Осёл опять всё забыл!»* может быть только животное, тогда как высказывания типа: «*Этот осёл опять всё забыл!*» представляют собой высокую потенциальную возможность характеристики человека.

Ввиду принадлежности зоонимической лексики к классу существительных, а также на основе спектра исследуемого материала нам представляется

необходимым изучить особенности существительных и прилагательных как составляющих атрибутивного словосочетания и сравнительных оборотов.

Рассматривая существительные как часть речи, следует указать на то, что ядром данной категории являются объекты предметного мира. Как отмечает Е.С. Кубрякова, сама по себе категория называния референтна относительно предметного мира, и репрезентации об обозначаемых сущностях в голове человека предшествуют языку [Кубрякова 2004: 246]. Лексическое значение имен существительных характеризуется семантической комплексностью, поскольку они могут реализовывать и денотативное, и сигнификативное содержание и допускать референтное и нереферентное употребление. Кроме того, функциональная подвижность имен существительных способствует расширению их коммуникативных и выразительных возможностей [Азнаурова 1977: 91-92].

По мнению Э.С. Азнауровой, существуют два типа понятий, которые формируются на основе образующей их абстракции. Первый тип – понятие о классе, в основе которого лежит абстракция обобщения разных феноменов реального мира по их признаку как общему основанию, выражением которых в языке являются именные лексемы, а вторым типом является понятие о данных признаках как результат изолирующей абстракции, что выражается в адъективных лексемах. Если значения первых обладают абсолютной номинативной ценностью, то значения вторых являются относительными, поскольку номинативная отнесенность имен прилагательных с внеязыковыми объектами опосредована семантикой определяющего слова [Азнаурова 1977: 108-109].

Поэтому думается, что характеризуемое прилагательным существительное неизбежно предполагает некоторые общие черты их денотации. По мнению Р. Бисшопса качества иллюстрируются именно созданием изображения, например, прилагательное *sauer (кислый)* значит мало, а выражение *sauer wie eine Zitrone (кислый, как лимон)* указывает на очень специфическое вкусовое ощущение [Bisschops 1994: 103]. Е.С. Кубрякова справедливо отмечала, что даже остенсивно определяемые признаки невозможно потрогать и дистанцировать с их носителем [Кубрякова 2004: 244].

Большинство случаев употребления прилагательных в практической части данной работы демонстрируют их способность выступать в атрибутивной функции. Атрибут в широком смысле является определением какого-либо иного члена предложения, вследствие чего он не способен к автономному употреблению. По мнению Г. Хельбига и Й. Буши атрибут как второстепенный член предложения характеризуется двумя отличительными чертами. Во-первых, он не является независимым элементом позиции, но всегда только его частью, а во-вторых, он часто является потенциальным предикатом, обычно в номинальной форме, т.е. его можно проследить до предикативной базовой структуры [Helbig, Buscha 1996: 585]. Авторы различают предпозицию (прилагательные, причастия) и постпозицию (существительное, наречие и инфинитив) атрибута [там же: 586-587], которые в языке обладают возможностью взаимозаменяемости, что приводит в некоторых случаях к потере атрибутивной функции, например: *die dumme Lehrerin → die Lehrerin ist dumm; das geprüfte Heft → das Heft ist geprüft; das Problem des frechen Schülers → der freche Schüler hat ein Problem; meine Hoffnung lange zu schlafen → ich hoffe, dass ich lange schlafe.*

Это подводит к мысли о том, что существует некоторое количество видов атрибутивных словосочетаний, например, А.В. Хлопьянов выделяет формы выражения атрибутивных отношений посредством причастий, местоимений, существительных, числительных, наречий и инфинитива [Хлопьянов 2008: 11] и предлагает разделение адъективных сочетаний, генитивных конструкций и комбинаторных атрибутивных словосочетаний [там же: 5]. Однако отметим, что прилагательные являются наиболее значимым инструментом вербализации различных оценочных значений [Вольф 2002: 65].

Ассоциативные эксперименты показывают, что именно словосочетания *прилагательное + существительное* формируют целостное образование в сознании из-за взаимообусловленного отношения между данными частями речи, поскольку существительное часто вызывает реакцию в виде определения, которое выражается прилагательным [Юдина 2006: 17], а определение без имени

является слишком абстрактным. Фактический материал работы предполагает работу преимущественно с адъективным видом атрибутивных словосочетаний.

Обращаясь к композитам, заметим, что словосложение (*Komposition*), являясь одним из трёх важнейших способов словообразования наряду с деривацией и префиксацией, представляет собой последовательность корневых морфем [Brandt 2006: 146]. Как отметает М.Д. Степанова, способ словосложения в немецком языке существует с давнего времени и имеет большое значение [Степанова 1953: 359]. Под понятием *Kompositum* будем понимать языковое выражение, которое состоит минимум из двух свободно встречающихся морфем или морфемных конструкций: *Dorf + Kirche, Haltbarkeits + Datum* [Bußmann 1990: 402]. От свободных комбинаций слов композит отличается следующими синтаксическими и семантическими аспектами: 1) слитным написанием; 2) регулярным ударением на первом члене; 3) строгим порядком членов (*Gesangeskunst vs. Kunst des Gesanges bzw. Gesanges Kunst*); 4) возможностью флексии только у последнего элемента; 5) открытостью семантических отношений между отдельными членами (*Holzweg – 'Weg zum Transport von Holz*' или '*Weg aus Holz*'); 6) тенденцией к идиоматизации (*Holzweg – 'Irrtum'*) [там же: 402-403].

Особую роль данных слов в немецком языке подчеркивает их многочисленность и многообразие составляющих их частей, которые могут принадлежать к различным частям речи [Langemann 2006: 111].

Интерес представляет изучение отношений между составными частями композитов. Значение одного и того же композита может иметь различные трактовки, что определяет большое многообразие семантических отношений между его частями. Так, Х. Херингер рассматривает 7 вариантов толкования значений композита *Fischfrau* (букв. *рыба + женщина*), 'женщина, которая покупает рыбу', 'жена рыбы[4]', 'женщина, которая ест рыбу', 'женщина, которая

[4] Данное толкование возможно ввиду того, что существительное *Fisch* в немецком языке мужского рода.

производит рыбу', 'женщина, которая такая же холодная, как и рыба[5]', 'женщина, которая принесла рыбу' и 'женщина, стоящая у рыбы' [Heringer 1984: 2].

В спорных случаях возможна некоторая модификация композита во избежание двусмысленности. Так, лексема *Kartoffelmann* может значить как *'eine männliche Figur handelt, die aus Kartoffeln gebastelt wurde'*, так и '*ein Mann, der Kartoffeln verkauft*', а форма *Kartoffelmännchen* оставляет однозначный выбор за первым значением [Metzler 2013: 13].

Тем не менее, большинство незнакомых производных слов понимаются субъектом либо по аналогии с другими словами того же строения, либо посредством разложения композита на понятные составные части с установлением между ними логической связи [Кубрякова 1977: 249], например, в русском языке *пароход – то, что ездит на пару, пешеход – тот, кто идёт пешком.* Кроме того, если *пароход* обозначает конкретный объект действительности вне зависимости от временно́й перспективы, то *пешеход* обозначает лицо именно в процессе движения. Е.С. Кубрякова также отмечает, что спецификой производного слова является наличие особого признака принадлежности к той или иной семантической категории [Кубрякова 1977: 246], что представляется не во всех случаях верным, поскольку, руководствуясь этой логикой, видится невозможным объяснение, почему *стекловар* – это человек, а *самовар* – предмет, *снегопад* – явление, а *снегокат* – зимний транспорт.

Как отмечает П. Бранд, вариант интерпретации значения излишен у композитов с управлением (*Rektionskomposita*), поскольку значение детерминировано управлением глагола, например *„x, der das Wetter beobachtet" → „ein Beobachter des Wetters"→ "Wetterbeobachter"* = только *наблюдатель погоды,* т.к. глагол *beobachten* является переходным, а суффикс *–er* указывает на лицо [Brandt 2006: 147]. Однако отметим, что *Wetterbeobachter* гипотетически может обозначать не только субъект, но и какой-либо предмет, который фиксирует со-

[5] Данное толкование основано на атрибутивном словосочетании *kalter Fisch,* имеющее вторичное значение, применимое к «холодному», бесчувственному человеку.

стояние нижнего слоя тропосферы, так же как, например, *Staubsauger* обозначает предмет домашнего обихода, а не личность, которая сосёт пыль.

Хотя вопрос о строгости интерпретации субъектом смысла композита на основе значений его составных частей едва ли возможно решить окончательно, видится справедливым, что отношения между данными частями детерминируют разные виды сложных слов.

Попытки дифференциации сложных слов базируются на их различии по двум аспектам: 1) сочинительный или подчинительный характер связи между составными частями, 2) соответствие или несоответствие значения грамматической главы композита значению всего композита.

Относительно первого аспекта можно выделить сочинительные (*nebengeordnet, kopulativ*) и подчинительные (*untergeordnet, determinativ*) композиты. Иным названием таких языковых единиц является древнеиндийское определение *Двандва (Dvandva),* которое предполагает сочетание слов, принадлежащих к одному лексико-грамматическому разряду [Багликова 2006: 11].

Основную массу и функционально центральный тип образуют определительные композиты (*Determinativkomposita*), в которых первый элемент (*Determinant/ Bestimmungswort*) подчиняется второму элементу (*Determinantum/ Grundwort*) как грамматически, так и в плане определения семантического подкласса существительного [Eichinger 2000: 117], [Fleischer 1969: 77]. Грамматическая «глава» (*der Kopf*) композита передаёт свои грамматические признаки на целое слово (*das Kopfvererbungsprinzip*) и стоит как последняя часть слова (*Rechtsköpfigkeit / der Kopfparameter*) [Stechow, Sternefeld 1988: 43]. Иными словами, первая часть сложного слова отводится для передачи ономасиологического признака, а вторая - для выражения базиса, опорного ядра композита [Кубрякова 1981: 67]. Если процесс выбора базиса предопределяется смысловым заданием акта словообразования, то выбор ономасиологического признака есть выделение некоторой индивидуальной характеристики, которой обладает обозначаемое в отличие от иных предметов данной категории [там же: 101].

Второй аспект разделения сложных слов маркирует наличие или отсутствие у них сдвига значения относительно составляющих частей, в соответствии с чем можно выделить *экзоцентрические* и *эндоцентрические* композиты. В работе ключевую роль играет первая группа, именуемая также *притяжательные композиты* или *бахуврихи,* что является не совсем верным, поскольку последние являются лишь одним из типов экзоцентрических композитов.

Акцент при определении данной группы ставится на то, что второй компонент не является гиперонимом всего композита. Так, *Rotkehlchen (малиновка)* не обозначает *красное (rot) горлышко (Kehlchen)*, а то, что находится *вне* обозначения, то есть птичку с этим горлышком [grammis.ids-mannheim.de]; значение всего слова *Rotkäppchen (Красная Шапочка)* не сохраняется в основном компоненте: *Красная Шапочка* – не *шапочка красного цвета,* а *личность, владеющая шапочкой красного цвета* [Morphologie 2004: 1276], именно это отношение «обладания» рождает название *притяжательных композитов.*

Иногда композиты такого типа *paleface (бледнолиций человек), whitethorn (боярышник),* можно рассматривать как «метонимическое расширение значения». То есть формальный детерминант не может указывать на принадлежность к той же семантической категории: *whitethorn* это не *thorn, redcoat* – не *coat,* а обозначает лишь часть субъекта или объекта [Kastovsky 1981:167].

Выделение данной группы обособленно от сочинительных и подчинительных композитов представляется не совсем корректным, поскольку данные классификации затрагивают различные аспекты. Отношения значений между составными частями одинаковы у эндоцентрических и экзоцентрических композитов [Ortner, Müller-Bollhagen 1991: 115], и ключевую роль играет отношение между композитом как первичным знаком и его обозначаемым.

Л. Ортнер и Э. Мюллер-Больхаген выделяют в отдельную группу композиты с подчинительной связью, а затем разделяют остальные [Orther, Müller-Bollhagen 1991: 115-116]; подробная классификация представлена в более ранней работе, где отдельно рассмотрены образования с метонимическим или синекдохическом употреблением первого компонента [Ortner, Ortner 1984: 410],

что, однако, не подходит под понимание экзоцентрических композитов, как единиц, у которых вторая часть не является гиперонимом всего значения.

Классификация С. Хакмак основана на первичном разделении на сочинительные и подчинительные композиты. Далее автор подразделяет подчинительные композиты на *композиты, формируемые на основе управления (Rektionskomposita)* и *определительные композиты (attributive Komposita).* Затем каждый из этих двух типов, а также сочинительные композиты разделяются на экзо- и эндоцентрические. Эндоцентрическими композитами сочинительного типа являются *композиты с функцией приложения,* а экзоцентрическими - *двандва* [www.fb10.uni-bremen.de]. Отметим, что такое понимание композитов *двандва* несколько у́же относительно приведенного выше, т.к. оно фокусируется исключительно на экзоцентрических сложных словах. Имеющий корни в санскритской грамматике данный тип оказался несвойственным немецкому языку, и соответствующие иноязычным примерам эквиваленты немецкого языка предполагают употребление сочинительного союза *und* между обеими частями. Заметим, что экзоцентрические обозначения сочинительного типа едва ли являются вторичными именованиями и не предполагают вторичность в значении компонентов. Например, наименование цвета *blaugrün* экзоцентрично (ср. эндоцентрический композит *hellgrün*), поскольку данный цвет не является ни зелёным, ни голубым в чистом виде, так же как и *Manteljacke*, которая одновременно является и курткой и пальто.

Соответствие вторичности значений и экзоцентризма подчинительных композитов не является константной. Для наглядности рассмотрим притяжательный композит *Rotkäppchen (das Mädchen, das ein rotes Käpchen hat),* сравнительные композиты *Straßenfeger (Fernsehsendung, die so beliebt ist, dass während der Sendezeit kaum jemand unterwegs ist, die Straßen wie leer gefegt sind), Ulknudel (ulkige Person)* и композиты с переосмыслением его первой части *Hundegeld (ein geringes Geld, in verächtlichem Sinne; ein Spottgeld), Rabeneltern (lieblose, hartherzige Eltern, die ihre Kinder vernachlässigen).*

Первый случай достаточно прозрачный и иллюстрирует переосмысление значения только после образования композита, то есть процесс косвенной номинации, когда существительное *Käppchen* без атрибута *rot* может указывать только на предмет одежды, который принадлежит лицу, именуемому данным композитом. Здесь налицо использование когнитивного механизма метонимии.

Вторая часть второго композита *Straßenfeger* также не имеет вторичного значения в отрыве от первой, именуя предмет уборки, а не ТВ-передачу. Но в отличие от первого примера переосмысление происходит посредством метафоры, поскольку метла не является частью ТВ-передачи, а выполняет ту же функцию «очищения» улиц, только уже не от мусора, а от людей.

Иную трактовку переосмысления обнаруживает композит *Ulknudel = ulkige Nudel* [duden.de], где *Nudel = [weibliche] Person, die der Sprecher [wohlwollend oder spöttisch] in einer bestimmten Verhaltensweise o. Ä. charakterisiert* [там же]. Если смотреть на данный пример по аналогии с предыдущим, получается схема: *шаловливый + лапша = шаловливая лапша - 1 (= ?) → шаловливая лапша – 2 (= девочка)*. Данный вариант неприемлем, поскольку лапша, как сущность неживая, шаловливой может быть едва ли. Однако в таком случае композит НЕ может являться экзоцентрическим, поскольку *Nudel – 2* является гиперонимом относительно *Ulknudel.*

Наконец, существует множество примеров, когда происходит переосмысление первой части композита, как в случае с существительным *Hundegeld = ein geringes Geld, in verächtlichem Sinne; ein Spottgeld* [Campe 1808: 802]. Если подводить композит под утверждение, что *Geld* является гиперонимом относительно *Hundengeld,* то последнее видится справедливым, но в отличие от таких явно эндоцентрических образований как *Taxifahrer, Elternhaus, dunkelgrau* и т.д. композит *Hundegeld* может обозначать собачьи деньги до тех пор, пока денотаты зоонима *собака* не смогут по статье *N* ТК РФ быть трудоспособными лицами. Здесь вновь следует принять во внимание вторичное значение *Hund – gemeiner Mann, Lump, Schurke* [duden.de], однако не следует трактовать значение композита как *деньги, принадлежащие подлому, низкому человеку,* по-

скольку речь об этом не идёт. Логичнее, на наш взгляд, разбить семантику данного вторичного значения на две части: *gemein* применительно к качественной характеристике денег и *Mann* применительно к их притяжательному аспекту. Данный композит будет относиться к эндоцентрическим (*Hundegeld = Geld–1*), однако иметь компонент со вторичным значением. Номинация обеих частей осуществляется автономно, *Geld* употребляется без переосмысления, а *Hund* переосмысляется также и вне сочетания с существительным.

Наконец, следующий пример *Rabeneltern - lieblose, hartherzige Eltern, die ihre Kinder vernachlässigen* иллюстрирует сдвиг значения после образования целого композита, поскольку обозначение данным словом *родителей воронов* вполне возможно, а первый компонент не имеет вторичного значения ‘жестокий человек’. Композит относится к группе эндоцентричных, так как *Eltern* выступает гиперонимом *Rabeneltern* как в первичном, так и во вторичном значениях. Вопрос остается за определением типа номинации при вторичном значении композита. Относительно главного компонента *Eltern* ситуация проста по причине того, что компонент *Raben* во вторичном значении всего композита не меняет экстенсионал данного знака, которым являются *родители,* а в случае первичного значения *родители ворона* определения косвенной и непрямой номинации изначально некорректны. Интересна номинация первой части композита *Raben-,* поскольку переосмысление зоонима с ‘принадлежащий ворону’ на ‘жестокий’ происходит именно за счёт опорного компонента *Eltern,* делающего возможным сдвиг экстенсионала знака с птиц на человека.

Таким образом, определение косвенной номинации зависит не от принадлежности к экзоцентрическим образованиям, а от отсутствия вторичного значения переосмысляемого в композите компонента.

Рассмотрев особенности некоторых языковых структур, обратимся непосредственно к исследованию возможности формирования у них вторичных значений, что тесно связано с наличием у них оценки.

2.2. Интерпретация значений зоонимов в составе сложных существительных

Рассмотренные композиты были разделены на 15 групп в зависимости от характера их обозначаемого, после чего в каждой группе выделялись подгруппы на основе семантических структур, в состав которых обязательно входил зоонимический компонент. Обозначение *иная структура* применялось к композитам, семантическая структура которых не подходила ни под одну из указанных подгрупп. Для более объемного понимания интерпретации зоонимов в т.ч. в составе исследуемых композитов следует обратиться к **приложению Б**, содержащему, в том числе, дефиниции из немецких словарей, тогда как в тексте работы для удобства представлен русский перевод. Далее мы рассмотрим наиболее многочисленные группы.

2.2.1. Фитонимы с компонентом-зоонимом

В структурно-семантической классификации исследуемых фитонимов можно выделить 2 основных группы: *зооним* + *фитоним* и *зооним* + *соматизм*.

Были отмечены случаи взаимодействия разных форматов, что вызвано двумя причинами: наличие двух зоонимов в композите, каждый из которых стал результатом интерпретации по различным форматам, а также разноаспектный характер интерпретации одного зоонима. Это обусловило, например, нередкое сочетание форматов зрительной и осязательной перцепции. Кроме того, были обнаружены зоонимы, мотивацией номинации которых стали дословные переводы с латинского и греческого языков или некоторые легенды и сказания, не имеющие официального научного подтверждения.

Далее рассмотрим примеры структурно-семантической группы *зооним* + *фитоним.*

Среди фитонимов этой группы в числе перцептивных признаков представляется верным отметить цвет и фактуру, т.е. качество оболочки растения,

однако доминирующем перцептивным признаком стала форма. Метафорический перенос на основе общего цвета или окраса осуществляется у растений *Gänseblume (маргаритка)* и *Tigerlilie (тигровая лилия)*. Несмотря на общий родовой перцептивный признак, по которому происходит процесс перенесения наименования из одной когнитивной области в другую, оба растения имеют его разную детализацию данного признака: у *Tigerlilie* данным признаком становится ‘пёстрый цвет’, в то время как у *Gänseblume* – ‘одноцветность’. Иным мотивирующим признаком названия *Gänseblume* стало место произрастания растения на лугах, где пасутся гуси, ввиду чего растение служит их средством питания, таким образом, можно говорить о сочетании форматов экспериенциальных эффектов, общей локализации и зрительной перцепции.

Пестрый окрас учитывается также при номинации фитонима *Affenblume (губастик)*, поскольку пестрота в немецкой языковой картине мира часто имеет связи с образом обезьяны (ср. *geputzt wie ein Affe* - слишком пестро одетый [translate.academic.ru]). В данном примере можно наблюдать метафорическое переосмысление самого признака *‘яркий’,* который применительно к денотату композита обозначает цвет, тогда как у обезьяны показывает ‘вызывающее, заметное поведение’. Если интерпретация значения зоонима осуществляется по формату наблюдения, то возможность зоонима выступать частью названия растения обусловлена зрительным восприятием цветка.

Фактура и частично цвет определяют название *Kätzchenweide (верба)*, поскольку пушистые беленькие почки вербы напоминают маленького котёночка. Также в номинации *Alligatorbirne (авокадо)* наблюдается установление сходной фактуры панциря крокодила и растения.

Название растения *Adlerfarn* (орляк) обусловлено фактом, что сосудистые пучки, расположенные в корневище, на поперечном разрезе представляют подобие государственного орла. В данном случае мы наблюдаем метафтонимию с метонимией ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ГЕРБЕ *вместо* ОРЁЛ, т.е. ИЗОБРАЖЕНИЕ *вместо* ОБЪЕКТА, и с метафорой, имеющей в области цели растение.

Неоднозначно определяется перцептивное восприятие, мотивирующее названия *Aalbaum (жимолость)* и *Schlangenknöterich (горец змеиный)*, поскольку феномен S-образной формы [http://www.natur-lexikon.com] животного, являющегося областью-источником, можно интерпретировать как его форму, а также как особенность конфигурации животного (под S-образной формой понимается пространственная конфигурация, которую животное принимает в отдельные моменты движения и напоминает форму буквы «S»).

Рассмотрим интерпретацию значения зоонима в составе фитонима *Kuckucksblume (кукушкин цвет)*. На стеблях растения личинки насекомых выделяют пену, похожую на слюну, которая стала ассоциироваться со слезами пролетающих над лугом кукушек, то есть интерпретация осуществляется посредством метафтонимии КУКУШКА (СЛЮНА)[6] →[7] КУКУШКИН ЦВЕТ по формату экспериенциальных эффектов.

Примером действия метафтонимии может стать интерпретация значения зоонима в составе фитонима *Straußfarn (страусник обыкновенный)* ввиду наличия спор на обратной стороне листа, напоминающих перья страуса: СТРАУС (ПЕРЬЯ) → ПАПОРОТНИК, метафора в составе которой основана на визуальном сходстве растения со страусиными перьями.

Модифицированный формат экспериенциальных эффектов есть в интерпретации значения зоонимов в составе названий *Bärentraube (толокнянка), Eselsdistel (ослиный чертополох), Hasenklee (клевер пашенный), Vogelkirsche (черешня)*, поскольку их денотаты служат средством питания медведей, ослов, зайцев и птиц соответственно [Каримова 2012: 53], [oblepiha.com], [heilkraeuter.de], [waldwissen.net]. В противоположность названным растениям *Hundekohl (кендырь)* является ядом для собак [deacademic.com], а растение *Katzenminze (мята кошачья)* притягивает кошек своим запахом, то есть интер-

[6] Здесь и далее круглые скобки выступают в качестве логического оператора *вместо,* т.е. указывают на метонимические отношения.

[7] Здесь и далее стрелка выступает в качестве логических операторов *есть* или *суть,* т.е. указывает на метафорические отношения при движении от источника к цели.

претация значений зоонимов осуществляется по формату пассивного опыта и посредством когнитивной метонимии.

На основе метонимии осуществляется интерпретация по формату общей локализации, например, в названии *Froschkraut (лурониум)*, поскольку местом обитания как лягушки, так и лурониума являются стоячие воды Северной Германии и Испании.

Формат функции в данной структуре представлен единственным фитонимом *Kuhbaum (молочное дерево)*, название которого объясняется тем, что растение выделяет молочко, которое пригодно для питья и по вкусу напоминает коровье молоко. Интерпретация значения происходит по когнитивному механизму метафоры с общим признаком ‘способность производить молоко’.

Рассматривая подробнее вторую группу композитов структуры *зооним + соматизм*, следует отметить, что здесь практически единственным перцептивным признаком стала форма, поскольку выделение цвета или фактуры отдельной части тела животного представляется маловероятным. Среди частей тела животного, образующих вторую часть композита, особое внимание заслуживают названия *Fuß, Huf, Pfötchen*. При этом самым частотным становится сравнение с лапой животного листа растения (*Bärenfuß (остролист), Gänsefuß (марь), Hahnenfuß (лютик)*). Сравнение с плодами обнаруживает название растения *Vogelfuß (сераделла)*, форма стручков которого имеют внешнее сходство с птичьими лапками. Растение *Katzenpfötchen (кошачья лапка)* названо из-за нежных бархатистых головок, схожих внешне с кошачьими лапками [Камирова 2012:53], а название *Elefantenfuß (бокарнея отогнутая)* обнаруживает сходство ствола растения со слоновой ногой.

Представляется интересным, что некоторые фитонимы имеют схожие структуры в разных языках. Так, немецкое название *Bockbart* (букв. «козлиная борода») соответствует русскому «козлобородник», при этом научное название рода также происходит от др.-греч. τράγος (tragos) – козёл и πώγων (pogon) – борода: отцветшая корзинка с недозрелыми плодами похожа на козлиную бороду [Животные и растения: 2007: 591]. Очевидное сходство прослеживается в

названиях *Igelkopf* и *ежеголовник*, так как оба названия мотивированы фактом, что плоды собраны в плотные, почти шаровидные головки, напоминающие ежа [Каримова 2012: 52]. При этом в данном случае наблюдается переосмысление признака ввиду того, что иглы ежеголовника являются не ороговевшими эпителиальными придатками, а вытянутыми листоподобными органами голосеменного растения.

Немецкое название *Schweinsohr (белокрыльник)* вновь основано на сопоставлении формы растения с формой уха свиньи, при этом русский эквивалент в качестве мотивационного признака использует цвет. Неоднозначным представляется мотивационный признак номинации растения *Fuchsschwanz (амарат)*, соцветия которого внешне схожи с хвостом животного, однако имеют ярко-малиновую окраску, которая, возможно, стала причиной именования растения именно «лисьим» хвостом.

Итак, формат перцепции имеет большое значение для интерпретации значений лексем данной структуры, поскольку включение в наименование соматизма предполагает использование внешнего образа вербализированной им части тела, т.е., например, отдельно взятая лапа животного едва ли может нести информацию о его особенностях поведения, среде обитания и т.п. Единственным когнитивным механизмом интерпретации в данной группе выступала метафтонимия общей структуры (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ) РАСТЕНИЕ, т.к. обозначенная часть тела животного проецировалась на часть растения, которая не была вербализирована.

В процессе работы над языковым материалом были выявлены также фитонимы, не соответствующие ни одной из данных структур, например *зооним + обозначение артефакта*. В названиях растений с такой структурой обнаруживается разная связь между её составными частями, например, композит *Eselhuf (мать-и-мачеха)* в своем первичном значении определяет конкретный предмет, форма которого становится мотивирующим признаком номинации растения, а в композите *Froschlöffel (частуха)* интерпретацию значений компонентов следует рассматривать отдельно, поскольку листы растения напоминают по форме

ложки, а ареалом обитания растения стало место у речной воды, где обитают лягушки [http://www.botanikus.de]. Когнитивным механизмом интерпретации в первом примере является метафтонимия (ПОДКОВА ОСЛА → ЛИСТ) МАТЬ-И-МАЧЕХА, так как подобие с подковой осла наблюдается только у листьев мать-и-мачехи, тогда как нулевой экстенсионал второго композита определяет интерпретацию значения зоонима вне композита по формату общей локализации посредством метонимии.

В числе отличных от названных структур интересен фитоним *Schwalbenwurz (цинанхум)*, иллюстрирующий переосмысление путем метафтонимии, состоящей из метафоры ЛАСТОЧКА → СЕМЯ ЦИНАНХУМА, поскольку летающие семена с пушком напоминают полет ласточки, и метонимии СЕМЯ *вместо* РАСТЕНИЕ. Пушок на семенах выступает в качестве перцептивного признака интерпретации, а сходство в траектории, скорости полёта ласточки и семян растения затрагивает уже формат наблюдения.

В случае с растением *Mäusedorn (иглица колючая)* наблюдается расширение концептуального содержания, поскольку растение используется для борьбы с разными грызунами, а не только с мышами [heilkraeuter.de]. В данном случае можно говорить о формате пассивного опыта и когнитивном механизме метонимии, поскольку мышь выступает в качестве объекта, на который направлено действие растения.

Рассматривая зоонимические композиты, референтом которых являются грибы, можно выделить в них три семантические структуры: *зооним+фитоним, зооним+соматизм и зооним+обозначение артефакта*. Среди немногочисленных примеров наиболее доминирует иллюстрация метафтонимий, имеющих, тем не менее, разную структуру. Например, интерпретация значения зоонима в композите *Hirschschwamm (клавария)* иллюстрирует метафтонимию ЖИВОТНОЕ (ЧАСТЬ ТЕЛА) → ГРИБ, на основе общей формы, тогда как композиты структуры *зооним+соматизм* показывают уже рассмотренную метафтонимию (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ РАСТЕНИЯ) ГРИБ.

Таким образом, интерпретация значений зоонимов в составе фитонимов носит идентифицирующий характер и осуществляется преимущественно по формату зрительной перцепции. Спектр когнитивных механизмов представлен метафорой, метонимией и метафтонимией, определение которых обусловлено семантической структурой композита, например, в случае наличия соматизма в структуре номинация всего растения на основе внешнего сходства с денотатом композита как первичного знака неизбежно влечет работу метафтонимии.

2.2.2. Зоонимы с компонентом-зоонимом

Данная группа иллюстрирует внутренний вектор интерпретации. Абсолютное большинство языковых единиц данной группы имеют структуру *зооним + зооним,* при этом в большинстве случаев интерпретацию получает значение первого компонента, тогда как второй указывает на принадлежность к определенному виду, отряду и т.д. Отметим, что трехкомпонентные композиты можно рассматривать также как представителей данной структуры, поскольку, например, вторая часть зоонима *Elefantenschildkröte (слоновая черепаха)* воспринимается цельно, а не как отдельные компоненты *Schild* и *Kröte.*

В указанном **приложении Б** интерпретируемый компонент подчеркнут, а в исключительных случаях интерпретации обоих компонентов или последнего выделен желтым цветом. Отметим, что в случае переосмысления второй части такие композиты относятся к экзоцентрическим образованиям.

Таким исключением является, например, зооним *Biberratte (нутрия),* денотат которого не относится к крысам, а лишь имеет хвост сходной формы. Интерпретация значения первого компонента осуществляется посредством метафоры на основе внешнего сходства бобра и нутрии, тогда как интерпретация значения второго зоонима показывает работу метафтонимии КРЫСА (ХВОСТ) → НУТРИЯ. Исключением стал также зооним *Pferdebock (лошадиная антилопа),* интерпретация значений частей которого достигается путем сочетания двух метафтонимий: ЛОШАДЬ (ГРИВА) + КОЗЁЛ (РОГА) → ЛОШАДИНАЯ АН-

ТИЛОПА, поскольку у животного есть грива, как у лошади, и рога, как у козла. Форма тела также приближается к лошадиной, поэтому интерпретация осуществляется по признакам ‘форма тела’, ‘наличие гривы’ и ‘наличие рогов’. Во всех случаях форматом интерпретации выступает зрительная перцепция.

Сочетание форматов операционального опыта и наблюдения можно встретить, например, при интерпретации значения зоонима *Ameisenbär (муравьед)*, поскольку животное питается муравьями, и, как медведь, защищается задними лапами в случае опасности [https://www.dortmund.de]. По форматам перцепции и операционального опыта происходит интерпретация значения зоонима *Ameisenigel (ехидна)*, денотаты которого внешне сильно напоминают ёжика, а питаются муравьями [www.in-australien.com].

Примерами, демонстрирующими интерпретацию по трём форматам, стали *Ameisenlöwe* и *Bienenwolf*, поскольку наряду с фактом, что муравьи и пчелы являются средством питания муравьеда и пчелиного волка (операциональный опыт), первый случай демонстрирует аналогию между волосяным покровом и поведением льва и муравьеда (зрительная перцепция, наблюдение), а второй – внешнее сходство с пчелой (зрительная перцепция) и аналогию хищного поведения, как у волка (наблюдение). Доминирующим когнитивным механизмом в описанных примерах является метафора, за исключением случаев действия формата операционального опыта, показывающего смежность отношений.

Следующие примеры данной группы рассматривают интерпретацию значения первой части зоонима. Доминирующим форматом интерпретации стала зрительная перцепция. Например, зоонимы *Elefantenrobbe (морской слон)* и *Elefantenspitzmaus (прыгунчик хоботковый)* стали результатом интерпретации значения зоонима *Elefant* с помощью когнитивного механизма метафтонимий СЛОН (ХОБОТ) → ТЮЛЕНЬ/ ПРЫГУНЧИК. Такая же схема интерпретации формирует значение композита *Gänsegeier* (сип белоголовый): ГУСЬ (ШЕЯ) → СИП БЕЛОГОЛОВЫЙ, но в данном случае наряду с признаком ‘форма шеи’ интерпретация осуществляется по признаку ‘фактура’: у коршуна слабо оперенная и вытянутая шея, как у гуся [www.kindernetz.de].

Однако представленные в этом параграфе метафтонимии вызывают неоднозначность метонимических отношений, ввиду того, что в отличие от описанных примеров *Hirschshcwamm, Schweinohr* и др., где отношения смежности наблюдались либо в области-источнике, либо в области-цели, настоящие примеры содержат их в обеих областях, поскольку, во-первых, часть тела не получила вербализацию в композите (ср.**Elefantennase = Robbe*), а во-вторых, часть тела не проецируется на весь обозначаемый объект. Вследствие этого такие случаи также правомерно рассматривать как метафоры, функционирующие по таким признакам как ‘наличие тонкого хвоста’ (у *Biberratte*), ‘вытянутая форма носа’ (у *Elefantenrobbe*) и т.д., что, тем не менее, также не следует считать полностью корректным, поскольку в отличие от метафор с признаками переноса типа ‘большой размер’, ‘яркий цвет’ и т.д., в указанных случаях отношения смежности присутствуют.

Примером аналогичных спорных метафтонимий могут быть также когнитивные механизмы интерпретации значений первого зоонимического компонента в названиях *Hasenmaus (вискаша), Igelfisch (рыба-ёж), Hirschkäfer (жук-олень), Nashornkäfer (жук-носорог)* и *Nashornvögel (птицы-носороги)*, при этом внешняя схожесть сравниваемых объектов наблюдается ярче, чем в случае с носами прыгунчиков и морских слонов.

«Чистая» метафтонимия действует в процессе интерпретации значения зоонима *Schlange* в композите *Schlangenstern (морская звезда)*: (ЗМЕЯ → ЛУЧ) МОРСКАЯ ЗВЕЗДА, поскольку отношение смежности имеется только в области-цели, тогда как вербализированный источник (Schlange) полностью проецируется на части тела морской звезды. Обратим внимание на то, что метафорическое осмысление лучей звезды, как змей, возможно по двум признакам: во-первых, по очевидному внешнему сходству, во-вторых, по причине аналогичного со змеёй способа передвижения.

Интересно наименование *Ameisenwespe (немка)* как результат интерпретации по признаку ‘форма тела’. Животное имеет иное название – *Bienenwespe*, в котором метафорический перенос в наименовании первой части осуществлял-

ся по признаку ‘фактура’, поскольку у насекомого на теле есть волосяной покров. Ассоциация на основе признака ‘цвет’ позволила осуществить интерпретацию значения первой части композита *Krähenscharbe (баклан хохлатый)*, потому что птица имеет чёрную окраску, как и ворона. А зооним *Tigerpferd (зебра)* стал результатом интерпретации значений его первого компонента по признаку ‘характер окраски’, потому что зебра, как и тигр, полосатая, но цветовая гамма у них отлична друг от друга. По признакам ‘размер’ и ‘неуклюжесть’ была осуществлена интерпретация значения у первой части зоонима *Kuhantilopen (бубалы)*, поскольку животное имеет нехарактерную для антилопы длину тела в 2 метра. Эти случаи показывают действие когнитивной метафоры.

Посредством слуховой перцепции была осуществлена интерпретация значений первых частей композитов *Kuhkrähre (выпь большая)* и *Ferkelmaus (морская свинка).* В первом случае установление ассоциативного сходства происходило на основе факта, что во время спаривания самцы птиц издают звуки, напоминающие мычание коров, а во втором в основу метафоры легла общность издаваемых звуков морской свинки и домашней свиньи.

Зооним *Lämmergeier (бородач, ягнятник)* стал результатом ошибочного поверия, что коршун питается ягнятами, вследствие чего обозначить формат интерпретации можно как слияние ассоциации и операционального опыта.

Действие формата пассивного опыта через когнитивную метонимию представлено в композитах *Dachshund (такса)* и *Schafpudel (пудель),* в первом случае барсук является объектом охоты таксы, во втором – пудель присматривает за овцами. Очевидно, что собаки, выступающие в качестве денотатов композитов, не получают пользы, тогда как обозначаемые первыми частями композитов животные в первом случае испытывают негативное воздействие, во втором – нет. Если бы охота за барсуком проводилась таксой для удовлетворения собственной пищевой потребности, а не с целью добычи барсучьего жира для людей, форматом интерпретации выступал бы операциональный опыт.

Определение формата интерпретации значения первого зоонимического компонента *Maulwurfsratte (кротовая крыса)* необходимо предполагает отсчет

относительно интерпретирующего субъекта, поскольку наносимый крысой вред направлен не на денотат первого компонента, а на человека. Таким образом, в качестве форматов интерпретации можно установить наблюдение и экспериенциальные эффекты, а в качестве механизма выступает метафора.

Интерпретация по форматам зрительной перцепции, наблюдения и ассоциации представлена зоонимом *Katzenbär (малая панда)*, на основе их внешнего сходства, а также по причине того, что поведение медвежонка схоже с поведением кошки по признакам ‘вылизывание шерсти языком’ и ‘умение лазать по деревьям’. Иной мотивацией названия может быть милый внешний вид обоих животных, что показывает ассоциативный формат знания.

Сочетание разных форматов интерпретации есть также у зоонима *Maulwurfsgrille (медведка обыкновенная)*. Здесь очевидна интерпретация по формату наблюдения посредством когнитивной метафоры ввиду того, что медведки живут под землёй, как кроты. С другой стороны, внешнее сходство голов животных показывает номинацию через когнитивный механизм метафтонимии: КРОТ (ГОЛОВА) → МЕДВЕДКА посредством зрительной перцепции. Т.е. пример является иллюстрацией параллельного действия двух метафор: обособленной (по сходству поведения) и в составе матафтонимии (по внешнему сходству).

Интерпретация зоонимов структуры *зооним + соматизм* представляет особый интерес с точки зрения описания когнитивных механизмов. Как было отмечено ранее, структура композита предполагает, что первое слово является определением второго, поэтому в данной группе зооним имеет значение притяжательного прилагательного. Сравним зоонимы *Elefantenspitzmaus (прыгунчик хоботковый)* и *Schwalbenschwanz (махаон)*. Лексема *Elefant* неявно указывает на общую форму части тела, то есть для правильного восприятия наименования необходим фон знаний (факт, что нос слона имеет вытянутую форму).

Второй случай содержит прямое указание на ту часть тела животного, по характерным чертам которой осуществляется перенос. Если бы махаон назывался **Schwalbenschmetterling (ласточка + бабочка)*, то для верной интерпре-

тации были бы необходимы очень глубокие знания в области энтомологии о том, что на обратной стороне крылышек бабочки есть короткие черные хвостики, внешне схожие с хвостом ласточки [Bellmann 2003: 120].

Механизм метафтонимии в обоих случаях имеет разную структуру. В первом случае метафтонимия выглядит СЛОН (ХОБОТ) → ПРЫГУНЧИК, во втором – (ХВОСТ ЛАСТОЧКИ → ХВОСТ МАХАОНА) МАХАОН. В качестве признака переноса выступают ‘форма’ и ‘цвет’.

Два варианта интерпретации значения зоонимического компонента существительного *Pfauenauge (павлиний глаз)* обусловлены различными сходствами внешности бабочки и птицы. Формирование значения можно рассматривать через метафтонимию (ГЛАЗ ПАВЛИНА → РИСУНОК НА КРЫЛЬЯХ) ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ, что не является достаточно убедительным по причине того, что более вероятно сходство с рисунком на хвосте павлина, а не с его глазом. Вследствие этого видится необходимым рассматривать переосмысление частей композита отдельно друг от друга. Так, интерпретация значения зоонима *Pfaue* будет происходить посредством метафтонимии ПАВЛИН (РИСУНОК НА ХВОСТЕ) → ПАВЛИНОГЛАЗКА, которую допустимо также идентифицировать как метафору с источником ПТИЦА и целью БАБОЧКА, основанную на общности рисунка на хвосте павлина и крыльях павлиньего глаза, при этом в отличие от рассмотренного ранее параллельного действия метафоры и метафтонимии данный случай связан с понятийным осмыслением сущности когнитивных механизмов. Второй компонент *-auge* указывает на интерпретацию значения соматизма на основе внешнего сходства узора с глазом живого существа.

В ходе исследования были обнаружены композиты, семантическая структура которых отличается от указанных выше. Особый интерес, на наш взгляд, представляет зооним *Buttervogel (бабочка)*. Известно, что русской лексеме *бабочка* в немецком языке соответствует лексема *Schmetterling* [lingvo-online.ru], при этом многие ассоциируют данное слово с существительным *Schmetten,* обозначающим на восточно-средненемецком диалекте *Sahne (сливки)*, т.е. оба названия обнаруживают некоторую связь с молочными продуктами. По народно-

му суеверию, ведьмы принимали облик бабочек и разоряли запасы масла и молока, однако далее в словаре есть указание на то, что возможной мотивацией названия стал перцептивный признак ‘желтоватый цвет’ [WBN]. Таким образом, интерпретация значений компонентов данного зоонима происходила либо по формату наблюдения, либо по формату перцепции посредством действия когнитивной метафоры.

Зооним *Ziegenmelker (козодой)* имеют структуру: *обозначение объекта, на которое направлено действие + обозначение исполнителя действия*, хотя название было дано птице ошибочно, т.к. козодой, по античной легенде, якобы высасывал молоко из козьего вымени [tierpark.lauftext.de], хотя в реальности птица охотится на насекомых, летающих вокруг ног пасущихся коз.

Наконец, единственным примером интерпретации значения второго компонента без первого стал зооним *Seelöwe (тюлень)*. Интерпретация осуществлялась по форматам зрительной и слуховой перцепции (‘наличие усов’ и ‘способность издавать звуки, похожие на рычание’) с помощью когнитивного механизма метафоры.

Таким образом, внутренний вектор интерпретации значений зоонимов представлен широким спектром форматов и когнитивных механизмов, по которым она происходит. Кроме того, при определении последних следует различать координаты интерпретирующего субъекта и денотата целого композита.

2.2.3. Антропонимы[8] с компонентом-зоонимом

Исследуя когнитивную область «человек и его характеристики», отметим, что, во-первых, в отличие от вышеописанных когнитивных областей, в которых концепты были вербализированы научными терминами или народными названиями конкретных объектов живой природы, почти исключающими характеризующую интерпретацию, обозначения человеческих черт посредством зоони-

[8] Термин *антропоним* обозначает в данном случае неопределенного индивида, а не является именем собственным последнего

мической лексики базируется именно на этом типе интерпретации. Это говорит о возможном формировании оценочных значений композитов, при этом если они имеют нейтральный компонент в качестве главного слова, то оценочная семантика итогового композита обусловлена коннотациями зоонима. Во-вторых, у зоонима, входящего в состав композита, уже возможно наличие вторичного значения, характеризующего человека. В таком случае это значение может быть перенесено на образованный композит, то есть процесс интерпретации осуществляется уже при формировании значения исходного зоонима, а не при образовании композита. В-третьих, ведущую роль в интерпретации играл формат наблюдения, а не перцепции, что обусловлено часто отсутствием близкого внешнего сходства человека и животного.

Среди структурно-семантических групп были выявлены *зооним + антропоним, зооним + зооним, зооним + соматизм, обозначение абстрактного понятия + зооним* и прочие. Обратимся далее к первой группе.

Заслуживает внимания композит *Schlangenmensch (гуттаперчевый человек, акробат).* Если обратиться к описанному ранее фитониму *Schlangenknöterich (горец змеиный),* то источником интерпретации значения зоонима стала S-образная форма, обозначающая определенную конфигурацию животного в отдельные моменты движения. При этом данный признак у растения рассматривается как постоянный, то есть интерпретация осуществилась по перцептивному формату. В случае с композитом *Schlangenmensch* его денотат не имеет S-образную форму в качестве постоянного признака, а может занимать её в процессе движения, при этом это отличает его от движений иных людей, поэтому в качестве формата данной интерпретации, осуществляемой посредством когнитивной метафоры, выступает наблюдение.

Интерпретация значения зоонимической части композита *Froschmann* осуществляется посредством метафоры по признаку ‘ластообразная форма конечностей’. Для области-источника данный признак является постоянным, тогда как для человека он является временным, обусловленным наличием специ-

альной экипировки. Данный пример показывает сочетание форматов зрительной перцепции, а также общей локализации в водной среде.

Композит *Hundesohn (подлый человек)* является иллюстрацией действия когнитивной метафоры с переосмыслением общего признака ‘способность *укусить*’, поскольку применительно к области-источнику данное действие описывает физический процесс, тогда как для человека склонность *кусаться* проявляется в едких словах и грубом поведении.

Группа композитов *Rabeneltern (жестокие родители), Rabenvater (жестокий отец)* и *Rabenmutter (жестокая мать)* показывают интерпретацию значения зоонима *Rabe* посредством метафоры с общим признаком ‘жестокое, грубое, разорительное отношение к себе подобным’, однако если поведение воронов направлено на иных птиц для защиты собственных птенцов, то жестокость родителей применима именно к родным детям.

Ход интерпретации отличен у разных значений композита *Wolfskind,* обозначающего детей-маугли, а также осиротевших после Второй Мировой Войны детей. Первый случай показывает идентифицирующую интерпретацию на основе представлений о волке как типичном представителе дикой природы, тогда как интерпретацию значения зоонимического компонента во втором случае можно рассмотреть как переосмысление полного композита, что указывает на косвенную номинацию, так как лексикографическое определение не содержит указание на воспитателей таких детей. Оба случая показывают действие когнитивной метафоры.

Единицы группы *зооним+зооним* необходимо предполагают переосмысление обоих компонентов, так как в отличие от аналогичной группы предыдущего параграфа последний зооним не может идентифицировать биологическую принадлежность денотата композита.

Интерпретация значения первой части зоонима *Elefantenküken (толстая неуклюжая девочка)* осуществляется с помощью формата наблюдения посредством метафоры на основе общего признака ‘неуклюжие движения’. Второй

компонент имеет вторичное значение ‘молодая неопытная девочка’, поэтому общее значение складывается из признаков ‘неуклюжий’ + ‘молодой’.

Зооним *Schweinigel (похабник)* становится результатом слияния двух лексем, имеющих вторичные значения: *Schwein* – a) ‘*jemand, den man wegen seiner Handlungs- oder Denkweise als verachtenswert betrachtet*’ b) ‘*jemand, der sich oder etwas beschmutzt hat*’ [duden.de], a *Igel* – ‘*unfreundlicher, kratzbürstiger Mensch*’ [dwds.de]. Интерпретация значения последнего зоонима вне композита осуществляется по формату перцепции посредством метафоры: ёж ‘колючий’ и ‘защищается иголками’, этими же качествами обладает недружелюбный человек, о котором говорят его характеристики ‘колючий’ и ‘дающий колкие ответы’. Свойство иголок колоть и причинять боль или неприятные ощущения переносится в иную сферу, когда неприятные ощущения становятся результатом не физического, а морального воздействия.

В группе *зооним + обозначение исполнителя действия* можно выделить композит *Bullenbeißer,* обозначающий недружелюбного, буйного человека. Однако рассмотрение первой части как объекта действия представляется менее рациональным, чем вариант переосмысления всего композита посредством когнитивной метафоры с переосмысленным признаком ‘способность укусить’ зубами применительно к собаке и делом или словом – к человеку.

Композит *Grillenfänger (мрачный человек)* с большой вероятностью содержит уже переосмысленный зооним *Grille* как мрачные мысли (происхождение которого подробно представлено в **приложении А** к работе), интерпретация значения которого осуществляется посредством когнитивной метафоры по общему признаку ‘мрачность’, который, однако, переосмысляется от обозначения внешнего вида насекомого до обозначения мрачности сознания характеризуемого композитом человека.

Рассмотрим далее некоторые примеры, имеющие обозначение какого-либо действия. Интерпретация значения зоонима в композите *Brummbär (ворчун)* осуществляется через формат наблюдения и когнитивный механизм метафоры по признаку ‘издающий невнятные звуки’. Структура композита, в кото-

ром определяемым словом становится сам зооним, указывает на высокую степень сходства сопоставляемых объектов. Формат интерпретации можно определить как слуховую перцепцию, поскольку издаваемые звуки воспринимаются посредством слухового канала восприятия.

Обе части композита *Leseratte (книголюб)* не имеют семантическую взаимообусловленность. Первая часть указывает на действие, вокруг которого формируется общий смысл значения, а вторая часть добавляет в значение композита оценочную сему неодобрения из-за жадности книголюбов читать всё подряд [Trübners Deutsches Wörterbuch 1943: 447]. Заметим, что интерпретация зоонимического компонента посредством когнитивной метафоры осуществляется скорее по ассоциативному формату на основе негативных представлений о животном, поскольку последние никак не связаны с чтением.

Интерпретация значений композитов, вошедших в группу *зооним + соматизм*, осуществляется по формату наблюдения, поскольку семантика производных композитов представляет собой обозначения различных моральных качеств людей. Многие композиты данной группы не имеют частей с вторичными значениями, поэтому перенос осуществлялся на основе общих черт характера. Например, композит *Fuchsgesicht (хитрец)* демонстрирует интерпретацию в домене «характер» по признаку ‘хитрый’. Так же можно объяснить значение композита *Hasenfuß (трус)*, поскольку заяц в представлениях народа ассоциировался с трусостью, хотя, на самом деле, зайчик скорее осторожный, чем трусливый. Оба случая показывают действие метафтонимии: (ЧАСТЬ ТЕЛА ЖИВОТНОГО → ЧАСТЬ ТЕЛА ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК.

Сложную интерпретацию значения зоонима иллюстрирует композит *Fuchsbart (хитрый человек [с рыжей бородой])*. Рассмотрение интерпретации относительно целого композита невозможно, поскольку прямое прочтение определяет пустой экстенсионал, так как у лисы нет бороды, то есть необходимо отдельное рассмотрение переосмыслений компонентов. Сложность заключается в том, что, с одной стороны, компонент *Bart* получает переосмысление как *Mann* посредством метонимии, а компонент *Fuchs* посредством метафоры через

признак ‘хитрость’, с другой стороны, указание цвета бороды определяет наличие еще одного признака *человека – ‘наличие рыжей бороды’*. Итого, можно показать три аспекта формирования значения:

Первый компонент: 1) метафтонимия (ЛИСА → БОРОДА) ЧЕЛОВЕК, где первое действие метафоры осуществляется по общему признаку ‘цвет’, а второе действие метонимии по смежности как ЧАСТЬ – ЦЕЛОЕ; 2) метафора ЛИСА → ЧЕЛОВЕК по признаку ‘хитрый’. Второй компонент: 3) метонимия БОРОДА *вместо* ЧЕЛОВЕК по смежности.

В противоречие вступают второе действие первого аспекта и третий аспект, т.к. повторение одного и того же действия при формировании значения является бессмысленным. Если предположить, что тот же смысл вкладывался в существительное *Fuchs,* тогда было бы возможным исключение третьего действия, но этом случае лексическая единица испытывала бы семантический перегруз, указывая одновременно на рыжий цвет, хитрость, человека и бороду. Но если хитрость от человека неотделима, а рыжий цвет может быть присущ не только бороде, но также волосам на голове, то именно компонент *Bart* является маркером для переноса признака ‘рыжий цвет’ из источника *Fuchs.*

Рассмотрим композит *Papiertiger* – ‘*nur dem Schein nach starke, gefährliche Person, Sache oder Macht’* [dwds.de] группы *обозначение артефакта + зооним,* в котором важную роль для формирования общего значения играет первый компонент. Метафорический перенос из источника ЖИВОТНОЕ в цель ЧЕЛОВЕК осуществляется по признакам ‘сильный’, ‘опасный’, но первый компонент заставляет переосмыслить общее значение в строго противоположном смысле, т.е. в реальности данный человек ни сильным, ни опасным не является, вследствие чего можно сделать вывод о нейтрализации когнитивного механизма за счет первого компонента целой языковой единицы.

Заслуживает внимания композит *Klammeraffe (зависящий от других человек),* интерпретация значения зоонимического компонента которого осуществляется посредством метафтонимии ОБЕЗЬЯНА (ХВОСТ) → НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК, при этом в метафоре наблюдается переосмысление при-

знака переноса: ‘наличие чего-то, способного *зацепиться*’, так как в первом случае действие обозначает хватку хвостом некоторого предмета, во втором – использование возможностей других людей.

Следующий пример показывает переосмысление оценок действия, выполняемого животным и человеком, например, сложное существительное *Mauerspecht –scherz. ‘jmd., der ein kleines Stück vom Mauerwerk besonders der Mauer zur Erinnerung herausbricht oder herausgebrochen hat’* [dwds.de] основано на метафорическом переносе по признаку *‘способный деформировать твердую вертикальную поверхность*’, и соответствующую деятельность дятла можно оценивать как положительную, поскольку птица выклевывает из больных деревьев вредные для них личинки, тогда как деятельность человека может оцениваться скорее отрицательным знаком. Но, если в случае с переосмыслением всего зоонима, становится возможной оценка денотата, связанного со вторичным значением, то в случае отсутствия вторичного значения у зоонимического компонента композита видится несколько неправомерным присвоение ему оценки в отрыве от первой части, т.е. возможна либо оценка зоонима в его первичном значении (оценка деятельности дятла как положительная), либо оценка всего слова (деятельность человека как отрицательная). В **приложении Б** в таких случаях оценка указана через дробь.

Относительно именно этого примера можно заметить, однако, что при большей точности идентификации признака переноса, становится понятным, что деформацию коры дерева тоже сложно охарактеризовать с положительной стороны, так же как и личная цель оставить на память кусочек монумента для субъекта не видится отрицательной. Фактически первая ситуация, в отличие от второй, демонстрирует оправдание средств перед целью.

Из группы *зооним + обозначение артефакта* рассмотрим известный в немецком культурном пространстве композит *Eulenspiegel (шутник, проказник, весельчак)*, части которого отдельно имеют значения ‘сова’ и ‘зеркало’. Несколько вариантов интерпретации значения зоонима *Eule* обусловлены разными версиями толкования:

1) непосредственный перевод нижненемецких понятий *ulen* со значением ‘*fegen*’ *(мести, чистить)* и *spegel*, обозначающим в охотничьем жаргоне белый мех вокруг задней части тела животного; тогда предположительно такая грубая кличка могла означать «почисть заднее место» [duden.de];
2) метафорические значения лексемы *Spiegel* как ‘способного открывать глупцам их истинное обличие’ и лексемы *Eule* как символа мудрости, которые можно интерпретировать как мудрую, но злорадную насмешку над человеческой глупостью;
3) именование по внешнему сходству с мордой совы [www.uni-due.de]
4) сова как представитель мрачных ночных образов, а зеркало как инструмент мошенников и шарлатанов [Wunderlich 1984: 57].

Каждая гипотеза предполагает определенные форматы и когнитивные механизмы интерпретации. Опуская первую гипотезу, поскольку она не содержит зоонима, отметим, что вторая и четвертая показывают интерпретацию посредством метафоры, благодаря чему у лексемы *Eule* возникают вторичные значения и богатый ассоциативный фон, а именно как символа мудрости и, с другой стороны, как ночного мрачного жителя. В данном случае интерпретация осуществляется по формату наблюдения как за спокойной, внимательной птицей ночного образа жизни, и путём когнитивной метафоры осуществляется перенос из области «животный мир» в сферу абстрактных понятий. Третья гипотеза основана на метафорическом переносе по внешнему сходству, то есть интерпретация значения происходит по формату зрительной перцепции.

Рассматривая группу *обозначение абстрактного понятия + зооним,* в некоторых случаях можно наблюдать взаимообусловленность обеих частей. Композит *Angsthase (трус)* показывает интерпретацию посредством формата наблюдения по признаку ‘трусливый характер’ с помощью механизма когнитивной метафоры. Зооним является определяемым словом, поэтому в данном случае можно говорить о возможном наличии вторичного значения у зоонима в составе композита. Детерминант *Angst* способствует усилению признака, поэтому

семантическая схема может выглядеть в двух вариантах, что показано в Таблице 7:

	значение части *Angst*	значение части *Hase*	значение композита
1	трусость животного	животное с этим же качеством	*трусливый заяц* \ человек
2	трусость человека	человек с этим же качеством	трусливый человек

Таблица 7. Способы интерпретации значений компонентов зоонима *Angsthase*

Если переосмысление значения зоонима *Hase* не происходит совсем, то композит имеет первичное значение ‘трусливый заяц’. Если композит имеет вторичное значение, то он осмысляется как ‘трусливый человек’ (1), а если переосмысление происходит отдельно у зоонима *Hase*, то композит получает значение ‘трусливый человек’ (2). Значения (1) и (2) идентичны, однако имеют разную схему образования. Значение лексемы *Angst* зависит от значения второй части сложного слова. Более вероятным видится второй вариант формирования значения, поскольку наличие у зоонима вторичного значения предполагает обращение к нему в контекстном употреблении композита.

Композит *Nachteule (сова как человек, встающий поздно)* иллюстрирует интерпретацию по когнитивной метафоре с общим признаком ‘ведущий ночной образ жизни’. Среди значений лексемы *Eule* нет вторичного значения ‘сова’ как человек вечернего типа, поэтому в данном случае наблюдается косвенная вторичная номинация, где определение *Nacht* также подчеркивает общее значение композита.

Происхождение композита *Sündenbock (козёл отпущения)* связано с событиями Ветхого Завета, описывающих возложение грехов народа на козла, что описано в книге Левит [Lev. 16, 21]. Поскольку прямое значение уже не имеет реального денотата, лексема функционирует во вторичном значении ‘человек, на которого сваливают вину’. Но данное значение появляется ввиду интерпретации не зоонима *Bock*, а всего композита посредством когнитивной метафоры, по формату наблюдения. Вторичное значение зоонима *Bock* в данном словосо-

четании не играет никакой роли. В число признаков переноса входят ‘страдающий за других’, ‘несправедливо наказанный’, ‘презираемый’, ‘отстраненный’.

Однако зоонимический компонент может вообще не содержать тот же признак, который присущ характеризуемому композитом референту, и служить для подчеркивания отрицательной коннотации значения всего слова. Например, референту зоонима *Hammel* как части композита *Neidhammel (завистливый человек)* зависть едва ли присуща, однако внешняя форма *Neidhammel* имеет более яркую семантику, чем гипотетическое **Neidmensch.*

Также были обнаружены примеры отличных от названных структур. Первые части сложных слов *Affenstall (банда)* и *Bordsteinschwalbe (девушка, торгующая своим телом)* содержат указание места, которое не связано напрямую с денотатами зоонимического компонента, поэтому в первом случае значение композита складывается из зоонима *Affe* с переносным значением ‘человек, поступающий глупо или похотливо’ и лексемы *Stall* как места, где обитает скот, который также особыми интеллектуальными способностями не отличается. Выбранное место позволяет также появлению собирательного значения у производного композита, характеризующего не одного человека, а группу людей. Интерпретация осуществляется посредством метафоры с признаком переноса ‘низкое присущее поведение’. Отметим, что в формировании негативной оценки участвуют оба компонента.

Отсутствие связи частей представлено и у композита *Bordschteinschwalbe*, при этом зооним не имеет вторичного значения и ассоциативная связь ласточки и девушки легкого поведения может быть установлена на основе семы ‘порхающая быстро и проворно’ в первичном значении птицы. Лексема *Bordstein* указывает на то, что девушка творит эти беззакония прямо на улице. Итак, перенос осуществляется с помощью формата наблюдения в домене «поведение».

Композит *Pickelhering (шут)* происходит от английского *pickleherring*, имеющее в современном языке то же значение. Однако первичное значение ‘солёная селёдка’ подверглось метафоризации в результате того, что этой рыбой питался лишь простой народ, и так в комедии «солёной селедкой» стал обо-

значаться слуга в противоположность другим персонажам театра, толстым Гансвурстам (нем. *Hanswurst*, от *Wurst* – колбаса) [Götzinger 1885]. В данном случае очевиден механизм метонимии, при котором человек обозначается названием еды, которой он питается.

Итак, композиты концептуальной области «человек и его характеристики» обладают очень широким спектром признаков переноса, и интерпретация составляющих их зоонимов осуществляется преимущественно по формату наблюдения с помощью когнитивных механизмов метафоры, метонимии и метафтонимии. Важно заметить, что интерпретация значения зоонима в их составе чаще всего относится к характеризующему типу с отрицательной оценкой.

2.2.4. Соматизмы с компонентом-зоонимом

Особенностью данной группы является то, что некоторые соматизмы обозначают именно часть тела, имеющую либо внешнее сходство, либо свойства аналогичного органа животного, в то время как определенная группа латентно нацелена на характеристику всего человека, поскольку признак, обеспечивающий метафорическое переосмысление a priori не может быть присущ части тела. Примером идентификации части тела на основе внешнего сходства является *Igelkopf (прическа «ёжик»)*, т.е. перпендикулярное коже направление её ороговевших тонких придатков наблюдается и у ежа, и у человека. Но если взять во внимание факт, что иголки ежа расположены не только на голове, то интерпретация иллюстрирует проблему, аналогичную осмыслению *Fuchsbart,* когда переосмысление соматизма в структуре осуществляется отдельно от зоонима: *Kopf* в данном случае указывает на голову человека, *Igel* идентифицирует внешний вид растущих на ней волос, но учитывая, что, во-первых, на голове ежа иглы также присутствуют, а во-вторых, вид ежа спереди формирует представление о присутствии иголок ежика именно на его голове, то вполне допустимым становится вариант переосмысления *голова ежа → голова человека.*

В данной группе имеются композиты с денотативной принадлежностью к части тела, но с оценкой, распространяющейся едва ли только на неё. Для сравнения рассмотрим композиты *Schweinauge (маленькие, блестящие глаза, как у свиньи)* и *Rehauge (большой карий глаз)*, где в обеих дефинициях отсутствуют, во-первых, характеристики, потенциально присущие человеку, во-вторых, оценка. Но семантика зоонимов, формируемая ассоциативными представлениями, связанными с её денотатами, позволяет моделирование оценочных векторов значения, отрицательного и положительного, кроме того, эстетическое восприятие больших глаз обычно вызывает положительные эмоции, тем не менее, характеристики в лексикографическом описании *‘klein’, ‘blitzend’, ‘groß’, ‘braun’* неприменимы для характеристики человека.

В отличие от указанных признаков переноса признак ‘кривизна’, лежащий в основе метафорического переноса значения зоонимического компонента композита *Katzenbuckel (изогнутая спина)* не является постоянным ни для кошки, ни для человека, тогда как номинация *Gänsehaut* как результат когнитивной метафоры с общим признаком ‘наличие маленьких бугорков на коже’ показывает постоянство данного признака применительно к области-источнику и переменных характер в отношении области-цели.

Не только внешний вид, но функция части тела может лежать в основе переосмысления значения композита. Так примером характеризующей интерпретации с положительной оценкой можно считать композит *Adlerauge (зоркий глаз),* а с вариативностью оценки композиты *Falkenauge* и *Luchsauge* с одинаковым значением ‘зоркий, бдительный глаз’, что обусловлено их лексикографическими определениями, представленными также в **приложении Б.**

На ступень сложнее стоит интерпретация значений зоонимических частей композитов, в которых происходит переосмысление признака переноса, например, *Fischauge (вылупленный глаз с холодным взглядом)*. Если признак ‘вылупленность’ детерминирован морфологическим строением органов зрения животного, то признак ‘холодный’ выражает скорее температуру тела самой рыбы, при этом в проекции на характеристику взгляда человека только первый при-

знак остается без значительной модификации, и соответственно признак ‘холодный’ показывает не низкую температуру тела, а бесчувственность (= застывшие, *замёрзшие* чувства). Ввиду отсутствия как в десигнаторе, так и в десигнате указаний на целый организм рыбы или человека, становится возможным метафорический (а не метафтонимический) перенос ГЛАЗ РЫБЫ → ГЛАЗ ЧЕЛОВЕКА по признаку ‘холодный’, при этом в первом случае имеется в виду физический параметр тела, во втором – черта характера.

Иначе следует рассматривать обозначения соматизмов, у которых экстенсиональная принадлежность обозначенных ими признаков соответствует фактически не части тела, а человеку, примером чему служит композит *Fuchsgesicht (хитрая мина)*[9] в котором обозначенное качество ‘хитрость’ самому лицу свойственно быть не может, т.е. лицо является лишь внешним выражением данного качества, которое при этом по-разному характеризует лису и человека. Рассмотрение интерпретации значения по пути метафтонимии (МОРДА ЛИСЫ → ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК является неправомерным, поскольку в сигнификате композита отсутствуют те или иные указания на всего человека, поэтому единственным вариантом интерпретации выступает метафора, по признаку *‘выражение хитрости’*. Однако в случае окказионального именования данным композитом целого человека, например, ***Fuchsgesicht*** *weiß es genau: «Ich hab schon Poker gespielt, aber nicht um Geld»* [dwds.de], именно представленная выше метафтонимия определяет интерпретацию значения зоонимического композита.

Не менее интересен композит *Froschblut (кровь лягушки = хладнокровность [человека])*. В узуальном употреблении в сочетании с глаголом *haben* интерпретация значения осуществляется посредством метафоры с переосмыслением признака ‘холодный’ (1) von niedriger Temperatur → 2) ohne jedes Mitgefühl), однако в результате окказионального именования данным компози-

[9] Данное значение отлично от вышеописанного в параграфе 2.2.3, формальным денотатом которого выступал человек, а не его лицо.

том всего человека схема интерпретации является более сложной, что иллюстрирует Таблица 8:

Денотат:	FROSCH:	MENSCH:
Значение ‘kalt’:	с низкой t^o	равнодушный
Blut = часть:	**холодная кровь лягушки**	*кровь равнодушного человека*
Körper = целое:	~~*лягушка с холодной кровью*~~	**равнодушный человек**

Таблица 8. Интерпретация значения композита *Froschblut*

В данной таблице вертикальное движение показывает действие когнитивной метонимии, горизонтальное – метафоры, при этом отсутствие именования лягушки (*Frosch*) лягушачьей кровью (*Froschblut*) обусловлено, во-первых, отсутствием образности и оценки у признака переноса, а также первым компонентом, денотатом которого является само земноводное (ср. называние умного человека *голова,* но не *человеческая голова*). Таблица наглядно показывает, что структурой метафтонимии в таком случае является не КРОВЬ (ЛЯГУШКА → ЧЕЛОВЕК), а (КРОВЬ ЛЯГУШКИ → КРОВЬ ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК.

Несмотря на принадлежность абсолютного большинства композитов к структуре *зооним + соматизм,* были обнаружены примеры иных структур, денотатами которых выступали различные прически. Название *Hahnenkamm (челка)* является примером косвенной номинации, поскольку именно обозначение – *kamm* указывает на общность внешнего вида, тогда как зооним выступает в качестве указания на принадлежность. Примером непрямой номинации можно считать композит *Haarschnecke (закрученные пучки из кос)*, интерпретация значения зоонимического компонента которого осуществляется посредством когнитивной метафоры с общим признаком ‘спиралевидная форма’. Ввиду аналогии на основе только внешнего вида подобные примеры не имеют оценочного значения, формируемого исходя из оценки поведения животного.

Таким образом, по причине частого переосмысления значения на основе внешнего сходства доминантным стал формат зрительной перцепции, а отсут-

ствие указания в сигнификате композита на всего человека обусловило функционирование когнитивной метафоры, а не метафтонимии.

2.2.5. Обозначение иных когнитивных областей с зоонимическим компонентом

Диапазон тематики данных примеров весьма широк, что показывают материалы **приложения Б**. Отметим, что некоторые примеры являются калькированным переводом с других языков, например, *Flohmarkt (блошиный рынок)* происходит от французского *Marché aux Puces,* этимология которого представлена в указанном приложении. Рассмотрим далее некоторые композиты.

Результатом идентифицирующей интерпретации по формату функции стало формирование значение композита *Hundewache (вторая ночная вахта),* основанное на представлении, что собака в это время охраняет дом, тогда как интерпретация значения того же зоонима в составе композита *Hundearbeit* является характеризующей, поскольку образ жизни собаки видится в сопровождении с многочисленными сложностями и неприятностями, что и отражается в значение сформированного композита.

Также посредством характеризующей интерпретации по формату наблюдения формируется значение сложного слова *Hamsterkauf (закупка товаров, превышающая реальные потребности),* при этом общий признак ‘стремление производить объемные запасы, позволяющие предотвратить неблагоприятные последствия во время опасности’ применительно к хомяку негативную окраску не содержит, тогда как поведению человека дается отрицательная оценка.

Отрицательная коннотация присутствует также у значения композита *Katzenmusik (дисгармоничная, плохо звучащая музыка),* хотя негативная реакция, вызванная мяуканьем кошки, связана не с нарушением гармонического строя, а с неприятными ощущениями от издаваемых звуков. Интерпретация осуществляется по формату слуховой перцепции посредством метафоры.

Заслуживает внимания композит *Eselsbrücke,* обозначающий средства, в основном целые предложения, которые позволяют лучше запоминать факты [karrierebibel.de]. Формирование понятия стало возможным потому, что ослы боятся воды и избегают её с упрямством, поэтому перевод осла через ручей требовал мост, способный решить проблему. Соответственно, осел соотносится во вторичном значении с самой трудностью, тогда как мост – с её решением.

Несколько толкований значения имеет композит *Krähenfüße (кривой почерк).* Если проводить внешнюю аналогию между формой лап вороны и начертаниями на бумаги, то интерпретация осуществляется по формату зрительной перцепции через когнитивный механизм метафоры. Однако если в основу значения положить неспособность птицы [ровно] писать, можно проследить метонимические отношения РЕЗУЛЬТАТ *вместо* ИНСТРУМЕНТ.

Если в последнем примере соматизм как глава сложного слова характеризует обозначаемое целиком, то следующий пример *Schafskopf* (название карточной игры) раскрывает метафтонимические отношения, поскольку изображение головы овцы является фигурой из штрихов выигрышей и убытков в ходе игры, а затем данная фигура выступает в качестве названия всей игры.

Действие разных когнитивных механизмов показывают значения композита *Schwalbenschwanz.* Значение ‘фалда’ является результатом когнитивной метафоры по общим признакам ‘черный цвет’, ‘раздвоенная форма’, тогда как значение ‘фрак’ является результатом интерпретации посредством метафтонимии (ХВОСТ ЛАСТОЧКИ → ФАЛДА) ФРАК. В обоих случаях интерпретация осуществляется по формату зрительной перцепции.

Обратимся к формированию значения композита *Klammeraffe,* обозначаемым которого является знак @. В немецком языке название было мотивировано внешним сходством с извивающимся хвостом животного. Причиной, по которой обладательницей такого хвоста стала именно обезьяна, а не, например, маламут, у которого хвост еще более изогнутый, стал, возможно, факт, что одной из особенностей поведения обезьяны является неусидчивость. Для обозначения когнитивного механизма следует определить, сопоставляется ли хвост со

всем знаком или с его частью, поскольку первый случай иллюстрирует метафтонимию, а второй метафору с общим признаком ‘наличие вытянутого хвоста’. Заметим, что если знак был бы назван *Affenschwanz* (ср. нидерландский *apenstaartje*), то ввиду обозначения части тела произошла бы взаимная замена данных механизмов, что показано в Таблице 9:

	если *хвост* = весь символ	если *хвост* = часть символа
Klammeraffe	метафтонимия: ОБЕЗЬЯНА (ХВОСТ) → ЗНАК	метафора: ОБЕЗЬЯНА (~~ХВОСТ~~) → ЗНАК (~~ХВОСТ~~)
Affenschwanz	метафора: ХВОСТ ОБЕЗЬЯНЫ → ЗНАК	метафтонимия: (ХВОСТ ОБЕЗЬЯНЫ→ХВОСТ ЗНАКА) ЗНАК

Таблица 9. Реальная и потенциальная интерпретация значения композита *Klammeraffe*

Наконец, заслуживают внимания примеры наименования болезней, которые являются также обозначением части тела животного (что указывает на отсутствие нулевого экстенсионала первичных значений композитов), например *Hasenscharte (хейлосхизис, заячья губа)* ввиду возможности номинации данным термином как болезни, так и поврежденного органа, что не всегда можно выявить даже по контекстному употребления лексемы, например: *Es reicht, wie sich kürzlich zeigte, wenn Eltern ein Kind* ***mit Hasenscharte*** *nicht wollen, obgleich das Problem medizinisch zu beheben ist* [dwds.de] (= ? орган/ болезнь). Данное разделение для понимания смысла высказываний не играет никакой роли, однако относительно вопроса определения когнитивного механизма можно отметить, что именование поврежденного органа иллюстрирует действие метафоры ГУБА ЗАЙЦА → ГУБА ЧЕЛОВЕКА по признаку ‘разделенная форма’, тогда как название болезни добавляет в области цели метонимические отношения ПОВРЕЖДЕННЫЙ ОРГАН *вместо* БОЛЕЗНЬ, в результате чего общая метафтонимия будет выглядеть как (ГУБА ЗАЙЦА → ГУБА ЧЕЛОВЕКА) ХЕЙЛОСХИЗИС.

Таким образом, интерпретация значений зоонимов в составе сложных существительных осуществляется по различным форматам и в большинстве случаев посредством метафоры, что зависит как от структуры композита, так и от различной связанности онтологии его денотата и обозначаемого зоонимом представителя животного мира. Тип интерпретации во многом обусловлен спецификой наименования, поскольку научные и народные названия растений и животных не содержат оценочных коннотаций, тогда как специфическое обозначение людей посредством зоонимической лексики в большинстве случаев основано на их оценочной характеристике.

2.3. Интерпретация значений зоонимов в составе сложных прилагательных

Отличительной особенностью сложных прилагательных с компонентом-зоонимом является то, что цель интерпретации значения зоонима во многих случаях нельзя определить без обращения к контекстному употреблению прилагательного, поскольку прилагательное обозначает не объект, а его качество. В данных прилагательных зооним является определением признака и является первой частью сложного прилагательного (в противном случае производный композит являлся бы существительным), то есть все прилагательные имеют структуру *зооним + прилагательное*. Обе части полученных прилагательных имеют различный характер отношений друг с другом, что определялось, во-первых, когнитивной областью, к которой относится интерпретируемый признак, а во-вторых, употреблением зоонима в первичном или вторичном значении, т.е. применением косвенной и непрямой номинации соответственно.

Значения некоторых сложных прилагательных реализуются в языке иначе посредством функционирования в составе иных языковых единиц: *bocksteif – ‘деревянный, неловкий, чопорный’* и *steifer Bock – ‘нескладный человек, чурбан’; kuhdumm – ‘очень глупая’ (о женщине)* и *dumme Kuh – ‘дура’, ‘очень глупая*

женщина'. При этом вторичное значение зоонима *Kuh –'weibliche Person, über die sich jemand ärgert'* [duden.de] определяет женский пол характеризуемого прилагательным денотата.

В ходе исследования были обнаружены следующие семантические структуры сложных прилагательных, отражающие характер отношений между их частями (первичные или вторичные значения прилагательных обозначены надстрочными 1 и 2): *зооним + (признак обозначенного зоонимом животного)[1]; зооним + (признак обозначенного зоонимом животного)[2]; зооним + (производное от соматизма прилагательное)[1]; зооним + (производное от соматизма прилагательное)[2]; зооним + качество, усиливаемое зоонимом*. Подробнее обо всех примерах каждой группы можно прочитать в **приложении В.**

Ввиду семанических особенностей прилагательных, служащих для характеристик фрагментов действительности, а также в связи с функционированием модального оператора *как* при сопоставлении денотатов зоонимического компонента прилагательного и характеризуемого прилагательным объекта, когнитивным механизмом в примерах данного параграфа является метафора.

Сущность значений зоонимических прилагательных первой группы можно представить как *'постоянный/ непостоянный признак как у животного'.* Но то, что прилагательное не имеет вторичного значения, не значит, что в производном прилагательном данный признак передается без искажений. Среди признаков интерпретации данных зоонимов были обнаружены признаки, относящиеся к когнитивным доменам «окраска», «характер», «фактура» и «физиология». Самым многочисленным признаком переосмысления является 'цвет', при этом общая цветовая гамма представляет достаточно широкий спектр.

Рассмотрим, например, прилагательное *hechtblau (серо-голубой).* Его контекстная реализация продемонстрировала широкий спектр областей цели, которыми были как объекты живой природы, так и артефакты. Например, данный цвет был использован для характеристики окраски ягод можжевельника обыкновенного: *Die Beere ist anfangs grün, reif aber blauschwarz,* ***hechtblau*** *bereift* [dwds.de], и для цветовой характеристики одежды: *Merkwürdig erschien die*

Tracht der Generale, die durch ***hechtblaue*** *Röcke und rote Hosen das Unscheinbare und Auffallende sonderbar vereinigten* [dwds.de].

Заметим, что реальный цвет рыбы имеет скорее теплый оттенок, поэтому объяснение причины выбора прилагательного *blau* вызывает затруднение. В языке существует иное прилагательное с эквивалентным значением – *hechtgrau – 'blaugrau'* [duden.de]. В абсолютном большинстве случаев контекстная реализация данного прилагательного представляла собой характеристику цвета предметов: … *über dem betreßten Kragen seiner* ***hechtgrauen*** *Generalsuniform ließ ihn trotz seiner Jahre höchst attraktiv erscheinen* [dwds.de].

Самым широким интерпретирующим потенциалом по признаку 'цвет' среди всех классов животных обладают птицы, при этом цвет, ставший признаком переноса, не всегда характеризует её оперение, например, прилагательное *puterrot (красный в лице от злости/ стыда)* показывает интерпретацию признака в сегменте 'цвет кожи'. Изменение окраски кожи индюка обусловлено разветвленностью на его шее и голове сети кровеносных сосудов, ввиду чего признак не является постоянным качеством птицы. Поэтому тот факт, что красный цвет свойственен птице только во время раздраженного состояния, обеспечивает интерпретацию значения зоонима в двух доменах: «физические характеристики» и «поведение», по, соответственно, двум форматам интерпретации: перцепции и наблюдения. Формат наблюдения играет большую роль, поскольку перцептивное восприятие локального красного цвета и красного цвета кожи, являющегося следствием возбуждённого состояния субъекта, обнаруживают очевидную разницу. Тот факт, что данный цветовой признак является непостоянным для животного, обеспечивает его контекстную реализацию как характеристику поведенческих особенностей описываемого референта: *Der Chef wird erst kreidebleich, dann* ***puterrot*** *vor Zorn* [dwds.de].

Характеристика цвета оперения легла в основу значений лексем *kanariengelb (светло-жёлтый), papageiengrün (зелёный, как попугай), taubengrau (сизый)* и *rabenschwarz (глубокий чёрный)*.

Контекстная реализация последнего прилагательного обнаружила его употребление как в прямом, так и (значительно чаще) в переносном значении. В случае номинации данным прилагательным *rabenschwarz* лошади или коня наблюдается внутренний вектор интерпретации по формату перцепции в домене «физические характеристики» без формирования переносного значения производного прилагательного. Однако практическая речевая реализация данного прилагательного показывает частотность его употребления в переносном значении как чего-то мрачного, тёмного и несчастливого, что наглядно представлено в атрибутивном словосочетании *rabenschwarzer Tag – 'ein Unglückstag; ein Tag voller Misserfolge'* [www.redensarten-index.de]. В данном случае слово *Tag* рассматривается не как светлое время суток, а как промежуток времени, поэтому семантика прилагательного не вступает в противоречивые отношения со значением существительного. Здесь наблюдается интерпретация с отрицательной характеристикой, что часто подчеркивается в контексте: *«Wir haben einen* ***rabenschwarzen*** *Tag erwischt», ärgerte sich Doll* [dwds.de].

Сочетание с существительным *Nacht* показывает интерпретацию без формирования вторичного значения: *Einmal, bei* ***rabenschwarzer*** *Nacht in der Wüste, steuerte er das Auto mit seiner Frau und sechs Kindern um ein Haar in einen Abgrund* [dwds.de]. Очевидна отрицательная оценка данного качества, поскольку оно могло негативно отразиться на жизни водителя и его семьи.

Но если в случае характеристики цвета лошади референтом характеризуемого прилагательным зоонима выступал конкретный объект живой природы, окраска которого обнаруживала общие характеристики с окраской ворона, то характеристика «цвета» ночи не может быть полностью эквивалентна определению цвета птицы. Ночь, являясь абстрактным понятием, не может характеризоваться перцептивными характеристиками. Чёрные или темные цвета присущи в данный период окружающим нас чувственно.

Иным доменом интерпретации признаков зоонима стал «характер». Данные признаки являются в большинстве случаев постоянными характеристиками животных, при этом некоторые характеристики являются реальными отличи-

тельными признаками для любых представителей вербализированного зоонимом биологического рода, вида или подвида, а некоторые свойственны далеко не всем представителям или вовсе являются вымышленными.

Значение прилагательного *spinnenfeind (непереносящие друг друга)* формируется на основе агрессивного поведения самок пауков относительно самцов и детей. Интерпретация значения была обнаружена при характеристике враждебных отношений между приверженцами музыкальных направлений: *Sie waren sich einmal* ***spinnefeind****, die Rock- und elektronische Musik* [dwds.de]. Данным прилагательным были охарактеризованы отношения между государствами: *Staaten, die sich* ***spinnefeind*** *sind, müssen vom Nutzen ökonomischer Zusammenarbeit überzeugt werden* [dwds.de].

Интерпретация значения зоонима *Hund* в составе прилагательного *hundswütig (бешеный)* основана на непостоянном свойстве зверя, потому что, во-первых, не все представители псовых имеют злобный характер, а во-вторых, в отдельных ситуациях речь идёт о единичном случае проявления агрессии. В одном из контекстов прилагательное характеризует абстрактное понятие: *Das Vergeuden der Jugendzeit durch entmarkenden Zeitvertreib, brünstige Lüste und* ***hundswütige*** *Ausschweifungen wird aufhören* [Jahn 1816: 304].

Некоторые из описанных прилагательных стоят на границе с последней группой, в которой зооним выступает в качестве усилителя признака. Отнесение их к данной группе обусловлено отсутствием прямого указания на усиление в дефинициях, данных немецкими лексикографическими источниками.

Вторая группа представлена только тремя прилагательными *aalglatt (скользкий, изворотливый [о человеке]), stuttenbissig (агрессивный) и vogelfrei (беззащитный, бесправный),* в которых признак, свойственный денотатам зоонимов, получает переосмысление при характеристике иных феноменов реальности, тогда как денотат зоонима в составе производного прилагательного обладает первичным признаком. Так, в первом прилагательном характеристика ‘glatt’ в отношении к рыбе осмысляется как ‘гладкий’, в то время как при характеристике человека оно получает значение ‘с изворотливым поведением’.

Таким образом, значение формируется на основе аналогии сложности удержать скользкую рыбу в руках и трудности положиться на скользкого человека.

Характеристика прилагательным *aalglatt* в одном из контекстов относилась к адвокату: *In dem Kinofilm „Der Dummschwätzer“ verkörpert Jim Carrey einen erfolgreichen, **aalglatten** Anwalt, einen Lügner aus Gewohnheit, der auf Grund eines Fluchs 24 Stunden lang nur noch die Wahrheit sagen kann* [dwds.de], где в развернутом приложении отсутствуют указания на определения физических характеристик. В данном случае невозможно установить эквивалентность признака ‘скользкий[1]’ по отношению к рыбе, обнаруживающему себя посредством тактильного восприятия объекта и признака ‘скользкий[2]’ по отношению к человеку, не связанного с тактильными характеристиками.

Значение зоонима *Stute – ‘weibliches Pferd’* определяет область цель интерпретации признака как «лицо женского пола»: 1) *Linda ist **stutenbissig**, andere Polizistinnen mag sie gar nicht*; 2) *Alles "**stutenbissige**, neidische Weiber", donnerte das Superweib* [dwds.de].

Конкретизацию значения характеризуемого прилагательного в составе композита можно наблюдать у лексемы *vogelfrei (вне закона; отверженный)*. Обладание свободой является одной из характерных черт представителей биологического класса птиц, поскольку они способны к перемещению в воздушном пространстве без посторонней помощи, что невозможно для человека. То есть для птицы обладание свободой является внешним качеством, и оценивается положительно, в то время как свобода от правообладания воспринимается скорее негативно, например, *Auch eine Marian hat dieser Robin Hood: Ausgerechnet die Tochter des Scharfensteiners Ortsrichters, Christiane Wolf, verliebt sich in den **vogelfreien** "Raubschützen"* [dwds.de].

Третья группа показывает перенос в иную когнитивную область признака не животного, а его части тела. В отличие от описанных выше лексем, вторая часть которых представляла собой полноценное прилагательное, данные сложные прилагательные в качестве второй части имеют производный от соматизма корень, который не может существовать без зоонима. Все прилагательные ус-

ловно можно разделить на обозначающие внешнее сходство с органом денотата зоонима и обозначающие соответствие с функцией последнего. Интерпретация значения зоонима осуществляется после образования прилагательного.

Например, прилагательное *luchsäugig (с глазами, как у рыси)* является характеристикой зоркого человека. Структуру его значения в сочетании с нейтральным субъектом *Mensch* можно рассмотреть как ‘*человек, имеющий глаза, которые видят как глаза рыси’ = ‘зоркий человек’*. Если рассмотреть вариант номинации человека зоонимом *Luchs* для характеристики зоркости его глаз, то можно говорить об интерпретации, включающей также метонимические отношения как взаимодействия характеристик части и целого. Однако в структуру прилагательного включена производная от соматизма морфема, и зооним характеризует обозначенную им часть тела. Соответственно производное сложное прилагательное будет характеризовать субъект целиком, а не отдельный орган. В противном случае словосочетание *luchsäugige Augen* имело бы бессмысленное значение ‘*глаза, имеющие глаза, которые видят, как глаза рыси*’.

Контекстная реализация значения прилагательного показала употребление в сочетании с названием профессии референта: *... und die* ***luchsäugigen*** *Jäger, Jim und ich <...> würden unsere tödlichen Schneebälle gerade ins Grüne ihrer Augen schleudern*; *<...> streiften sie durch die Straßen, freundlich eingekreist von* ***luchsäugigen*** *Volkspolizisten* [dwds.de].

Характеристика субъекта прилагательными четвертой группы осуществляется также посредством первичной характеристики части тела, но переносное значение побуждает рассмотреть возможность его формирования на разных этапах образования конечного значения производного прилагательного.

Рассмотрим прилагательное *löwenherzig,* используемое для характеристики отважного человека. Данная характеристика в реальности не свойственна денотату зоонима, но не будем принимать данный факт во внимание, поскольку в сознании большинства людей он не является ложным. Итак, структуру значения прилагательного можно представить как ‘*имеющий сердце, являющееся таким же храбрым, как сердце льва*’. Данное прилагательное существует в языке

наряду с *löwenkühn (такой же храбрый, как лев).* В прилагательном *зооним + производный от соматизма суффикс* можно наблюдать скорее интерпретацию значения соматизма *Herz*, а не зоонима. Но значение прилагательного, характеризующего субъект целиком, допускает сопоставление с человеком представителя животного мира, а не его отдельно взятого органа. В таком случае можно говорить об интерпретации по формату наблюдения.

Представляется вероятным, что выбор в речи прилагательного с производным от соматизма *Herz* суффиксом можно объяснить тем, что ассоциативные характеристики, связанные сердцем, включают также семы ‘благородство’ ‘честность’, что показывает отрывок из романа С. Надолни «Die Entdeckung der Langsamkeit»: *Selim muss für einige Jahre in den Knast, weil er als* ***löwenherziger*** *Befreier einer heroinabhängigen jungen Hamburgerin aus den Klauen einer Zuhältergang den Bordellmafioso getötet hat* [dwds.de].

Иная схема формирования значения имеется у прилагательного четвертой группы *stierköpfig (упрямый),* структуру значения которого нельзя представить как ‘*имеющий голову, являющуюся такой же упрямой, как и голова быка*’. Следует рассмотреть голову быка не как часть тела, включающую ассоциативную характеристику об упрямстве животного, а как часть тела, которая согласно особенностям поведения животного способна продемонстрировать упрямый характер зверя, который в случае несовпадения его интересов с интересами взаимодействующего с ним субъекта начинает бодаться рогами, расположенными на его голове. В данном случае следует говорить об интерпретации по формату наблюдения в домене «поведение». На основе проведенного анализа тип интерпретации устанавливается как характеризующий. Контекстное употребление содержит синонимические характеристики, позволяющие получить более точное представление о значении прилагательного: *Plump, unbelehrbar*, ***stierköpfig*** *wie die meisten schweizer Reactionäre, blieb er in seinem evangelischen Amte und schrieb zugleich an seinem Werke weiter, das mit jedem neuen Bande fanatischer wurde* [Treitschke 1889: 489].

Особого внимания заслуживает последняя группа прилагательных ввиду сложности определения признака переноса той или иной характеристики. Кроме того, многие примеры с высокой связью денотатов прилагательного и зоонима можно отнести к первой группе.

Например, значение прилагательного первой группы *bärenstark* можно представить ‘по-медвежьи сильный’, значением прилагательного пятой группы *saukalt* становится аналогичное ‘по-свински холодно’, но в первом случае характеризуемый зоонимом признак свойственен животному, являющемуся денотатом зоонима, а второй случай показывает отдельную интерпретацию зоонима вне состава композита с формированием его общего восприятия как чего-то негативного. При этом сам зооним не имеет зафиксированного вторичного значения, являющегося абстрактным понятием. То есть если в первом случае можно сказать «сильный, как медведь», то во втором — фраза «холодный, как свинья» будет бессмысленна, так как свиньи не являются хладнокровными животными. Это говорит о разной степени связи между денотатами, характеризуемыми сложными прилагательными, и денотатами их зоонимических компонентов. Ввиду того, что денотат зоонима не обладает обозначенным признаком, этот признак в структуре прилагательного не приобретает вторичное значение.

Интерпретацию в домене «физические характеристики» по формату наблюдения можно наблюдать у значений зоонимов по признакам, характеризующим особенности их физического развития. Значение прилагательного *bärenstark (очень сильный)* подробнее раскрывается в его контекстном употреблении: *Der **bärenstarke** Mandrill hatte seinen Angreifer abgeschüttelt, kniete auf ihm, presste die Gurgel und schlug den Kopf des Überwundenen krachend auf den zementenen Fußboden* [dwds.de]. Изначально интерпретация значения зоонима в составе сложного прилагательного не маркирует вектор оценки, поскольку обладание большой силой имеет как положительное, так и отрицательное применение. Однако контекст раскрывает данную черту поведения как проявление крайней жестокости к жертве, то есть с отрицательной точки зрения.

В следующем прилагательном *mäuschenstill (очень тихий)* характеристика денотата включенного в прилагательное зоонима является не постоянной, а основана либо на характеристике поведения животного во время укрытия от хищников, либо как ассоциативная характеристика, связанная с маленьким размером мыши. Практическое употребление лексемы показало, что в качестве описываемого данным прилагательным референта выступает человек: *Klenk sitzt still, es hat ihm den Atem verschlagen, er sitzt, der riesige Mann,* ***mäuschenstill*** [Feuchtwanger 1993: 477]. В данном случае интересно употребление стоящей рядом характеристики *'riesig',* которая служит контекстуальным антонимом прилагательному *still.* Это противопоставление является следствием из ассоциативного отождествления маленького объекта с тихим звуком (маленькой громкостью), а большого объекта – с громким, что обусловлено физическим законом, согласно которому громкость любого звука прямо пропорциональна амплитуде колебания источника звука, то есть маленький зверёк, соответственно, с маленьким размером голосовых связок не способен издавать громкие звуки.

Некоторые прилагательные имеют завуалированную связь денотатов потенциально характеризуемых ими существительных с денотатами зоонимической части. Интерпретация по формату наблюдения была обнаружена у прилагательного *hundeelend (очень жалкий)*. Контекстная реализация значения сложного прилагательного в когнитивной области «человек» показала интерпретацию признака в домене «внутреннее состояние»: *…er [hatte] nach dem Länderspiel zwischen Frankreich und Deutschland (2 - 0) noch im Stadion verharren müssen, und seither fühle ich mich* ***hundeelend*** [dwds.de].

Значение прилагательного *hundekalt* – '*sehr, unangenehm kalt*' указывает, во-первых, на высокую степень проявления качества, а во-вторых, на его негативное восприятие. Если бы характеристика *kalt* была бы применима к собаке, тогда можно было бы рассматривать интерпретацию значения зоонима по формату перцепции в домене «физические характеристики». Интерпретация значения зоонима *Hund* в составе прилагательного основана на ассоциативной характеристике её референта с холодной температурой. Речь идёт не о температуре

объекта, а о температуре окружающей среды. Отсутствие очевидной связи значений этих лексем позволяют рассмотреть несколько вариантов интерпретации.

Первый вариант интерпретации значения отталкивается от вторичного значения лексемы *Hund* как ругательного слова. В таком случае низкая температура, негативно воспринимаемая говорящим, характеризуется зоонимом для добавления в значение прилагательного отрицательной семы. Здесь можно наблюдать функционирование вторичного значения зоонима в прилагательном и перенос характеристики из когнитивной области «человек» в когнитивную область «абстрактные понятия». Такая интерпретация происходит по формату наблюдения за собакой, как за возможно агрессивным и нечистым животным.

Иная версия формирования значения связана с интерпретацией значения зоонима по формату функции. Раньше, когда в избах не было градусников, крестьяне наблюдали в морозы за поведением собак. Если морозы в ближайшее время не собирались отступать, собаки просили пустить их в дом, то есть на улице стоял такой холод, что даже собака не могла его вытерпеть [www.aif.ru]. В данном случае интерпретация осуществляется не по формату наблюдения, поскольку наблюдение за поведением собаки становится лишь опосредованной формой использования собаки в функции определителя температуры.

Низкая связь денотатов прилагательного и зоонима говорит о том, что животное в реальности данной характеристикой не обладает, например, в прилагательных *saublöd (очень плохой)* и *saukalt (очень холодный)* зооним *Sau* функционирует как отрицательная характеристика качества, при этом видимой связи с характеризуемыми признаками он не имеет: *Im Frühling und Herbst kühl und windig, im Winter* ***saukalt*** *und bisweilen stürmisch* [dwds.de].

Обратимся также к прилагательным, структура которых отличается от описанных выше групп. Рассмотрим пример, когда в одном случае характеризуемое прилагательное употребляется в прямом значении, а в другом – в переносном: *katzenfreundlich (притворно дружелюбный)* и *katzenfalsch (лживый, как кошка)*, т.е. обе лексемы имеют синонимическое значение. Интерпретация значения зоонима *Katze* обеспечивается посредством активизации признака ‘при-

творность’, ‘хитрость’, а прилагательные *freundlich* и *falsch* являются частичными антонимами, по крайней мере, взаимоисключаемыми при характеристике единого объекта. С одной стороны, данный факт можно рассмотреть как функционирование прилагательного *freundlich* в переносном смысле, с другой стороны, умение кошки подлизаться в нужной ситуации позволяет рассмотреть прилагательное *freundlich* в первичном значении, но как внешнюю характеристику поведения животного. В таком случае вторичное значение сложного прилагательного формируется после его образования из не обладающих вторичными значениями частей. В обоих случаях интерпретация значения зоонима осуществляется по формату наблюдения в домене «поведение».

Итак, интерпретация значений зоонимов в составе сложных прилагательных осуществляется по большому числу признаков и форматов и может быть как идентифицирующей, так и характеризующей. Важную роль играет установление степени связи денотатов зоонимических компонентов с объектами, характеризуемыми целыми прилагательными.

2.4. Интерпретация значений зоонимов в составе атрибутивных словосочетаний

В группе словосочетаний структуры ***прилагательное + зооним*** большинство единиц характеризует человека, однако остальные рассматриваемые области также связаны с бытом и деятельностью последнего (список всех словосочетаний представлен в **приложении Г)**. Как и в предыдущем параграфе в качестве когнитивного механизма выступает когнитивная метафора ввиду семантической специфики прилагательных в составе словосочетаний.

В ходе исследования были рассмотрены контексты из немецкой публицистики, содержащие данные выражения, некоторая часть из которых представлена в настоящей работе. Каждый контекст рассматривался с точки зрения 5 параметров: классово-групповая принадлежность животного, область-цель интерпретации, домен, интерпретационный формат и её вид.

В контексте первого параметра были выделены классы млекопитающих, птиц, амфибий, насекомых и группа рыб. Самой многочисленной группой стал класс млекопитающих, потому что последние находятся в наиболее тесном взаимодействии с человеком. Также в работе можно обнаружить примеры, где в качестве определяемого слова выступали не названия видов или родов животных, принадлежащих к определенному классу, а общие наименования класса *«der Vogel»*, парафилетической группы *«der Fisch»* и царства *«das Tier»*.

Если домен интерпретации во многом зависит от области её цели, её формат определяется преимущественно областью источником, то есть животным, наименование которого послужило обозначением иного субъекта или объекта, или, более точно, характеристиками данного животного. Факт, что в большинстве примеров интерпретация осуществляется по формату наблюдения и перцепции говорит о том, что для осуществления интерпретации посредством форматов экспериенциальных эффектов, операционального опыта и функции необходим опыт непосредственного контакта с животным, а формат ассоциаций – наличие знаний о данном животном в литературе и культуре. Но для точности определения интерпретации по форматам перцепции и наблюдения необходимы также знания о внешнем виде и особенностях поведения животного.

Последним параметром исследования данных примеров стало определение вида интерпретации – идентифицирующей или характеризующей. Оценка интерпретируемого объекта может происходить по разным критериям, и для установления характеризующей интерпретации необходимо обязательное наличие в значении языковой единицы семы, указывающей на положение объекта на шкале «хороший - плохой». Интерпретацию всех исследуемых атрибутивных словосочетаний можно разделить на идентифицирующую, характеризующую со знаком «+» и характеризующую со знаком «-», при этом последняя группа самая многочисленная. Данный факт подчеркивает то, что животные в сознании человека в большей степени сопоставляются с более низкими чертами, нежели сам человек, в силу более низкого биологического развития.

Определение характера интерпретации у одного и того же словосочетания может меняться в зависимости от контекста, хотя в большинстве случаев она совпадает. Контекст позволяет также сформировать общее представление о концепте, вербализированном атрибутивным словосочетанием, то есть показать особенности его практической реализации в немецкой языковой картине мира.

Было установлено, что семантическая структура словосочетаний с точки зрения оценки позволяет их разделить на следующие группы: *1) дескриптивное прилагательное + зооним без вторичного значения; 2) оценочное прилагательное + зооним без вторичного значения; 3) дескриптивное прилагательное + дескриптивный зооним с вторичным значением; 4) дескриптивное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением; 5) оценочное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением.*

Среди исследуемых словосочетаний нет ни одного с семантической структурой *оценочное прилагательное + дескриптивный зооним с вторичным значением*, а третья группа представлена единственным словосочетанием, потому что мотивацией номинации объекта каким-либо зоонимом выступает признак, который именуется посредством характеристик животного, а не своим исходным названием.

Интерпретация не может происходить на одинаковых этапах при образовании словосочетаний, имеющих в своей структуре зооним с вторичным значением, и словосочетаний, содержащих зооним без вторичного значения. В случае если зооним вторичного значения не имеет, или его вторичные значения не связаны с семантикой атрибутивного словосочетания, интерпретация значения зоонима происходит после прибавления к нему определенного прилагательного, которое не всегда имеет оценочную характеристику (косвенная вторичная номинация). Так словосочетание получает два значения: первое указывает на животное, обладающее признаком, заложенным в семантике прилагательного, а второе на характеризуемый объект или субъект, при этом прилагательное свое первичное значение сохраняет не во всех случаях.

Если зооним вне словосочетания уже обладает вторичным значением (непрямая вторичная номинация), а прилагательное выполняет функцию подчеркивания признака, осуществляющего переосмысление значения, процесс интерпретации значения зоонима происходит еще до образования словосочетания (все вторичные значения зоонимов представлены в **приложении А**).

Идентифицирующая интерпретация возможна лишь в случаях, когда ни зооним, ни прилагательное не имеют оценочной характеристики, иначе один из компонентов словосочетания обеспечивает оценочную характеристику интерпретируемого объекта, что определяет характеризующий тип интерпретации. Обратное явление, когда в результате взаимодействия единиц без оценки образуется словосочетание с оценочным характером достаточно частотно.

Знаки «+» и «-» у словосочетания определяются знаками составляющих его частей: при этом общий знак определяется знаками его составляющих. В структурах №2 и №4 таковым является один компонент, а в структуре №5 – оба. В большинстве случаев у последней группы оба слова имеют одинаковый знак оценки, но были обнаружены примеры с разными знаками компонентов.

Рассмотрим далее некоторые примеры первой группы.

Атрибутивное словосочетание *alter Hase (опытный, признанный человек)* часто употребляется в немецкой прессе. Прилагательное *alt* вторичного оценочного значения не имеет, а переносное значение зоонима *‘милая девушка’* к идиоме не относится. Возможно, выбор зоонима мотивирован уязвимостью зайца со стороны хищников. То есть заяц, достигший старости, непременно имеет богатый жизненный опыт самосохранения. Мотивация выбора прилагательного для характеристики опытного человека очевидна.

Все рассмотренные контекстные употребления показывают интерпретацию значения зоонима в домене социализации по формату наблюдения. Тип интерпретации ввиду отсутствия оценочных сем у компонентов идиомы определяется как идентифицирующий, но один из контекстов показал положительную оценку наличия опыта у человека, что опредо характеризующую интерпретацию со знаком «+». Словосочетанием *alter Hase* были названы, например,

строитель, знающий, насколько опасна стройка по ночам [Neutsch 1964: 259], прекрасно владеющие техническим оборудованием автомобилей инженеры [Dillenburger 1957: 79], имеющий стаж более 20 лет работник компании Microsoft, с восьмилетнего возраста снявшаяся в 30 фильмах девушка [dwds.de] и другие. В некоторых контекстах подчеркивается наличие богатого опыта: ***ein alter Hase*** *mit reifer Lebenserfahrung* [dwds.de], в других контекстах оценка вторичного значения подчёркивается посредством иных лексем: *«Ich kann das noch gar nicht richtig glauben», jubelte Schlussläuferin Laura Dahlmeier. Mit ihren 2 1 Jahren trumpfte sie im Flutlicht wie* ***ein alter Hase*** *auf* [dwds.de].

Атрибутивное словосочетание *graue Maus,* обозначающее неприглядного человека, иллюстрирует интерпретацию значения зоонима *Maus* по формату перцепции. Однако вторичное значение данного словосочетания показывает, что прилагательное *grau* уже не выполняет ту же номинативную функцию, которой оно обладало в словосочетании с первичным значением *серая мышь.* Номинация субъекта данным словосочетанием может осуществляться уже не по перцептивным признакам, а по признакам формата наблюдения. Таким образом, перцептивный признак животного не переносится на субъект, а позволяет сформировать вторичное значение зоонима, посредством которого зооним становится способным к номинации субъекта. Поскольку пассивное поведение в обществе, невзрачность с виду показывают положение человека в социуме, интерпретация происходит в домене социализации.

Данной идиомой была названа шотландская певица Сьюзан Бойл до начала своей певческой карьеры, через которую она превратилась в международную звезду: *Boyle war <…> quasi über Nacht von* ***der grauen Maus*** *zum internationalen Superstar aufgestiegen* [dwds.de]. Вне контекста определение субъекта словосочетанием *graue Maus* будет иметь скорее отрицательный характер, но ввиду отсутствия какой-либо оценки социальным статусам певицы можно определить вид интерпретации как характеризующий.

Следующий контекст является примером вторичного переноса признака из когнитивной области «человек» в когнитивную область «общественные ор-

ганизации», а именно, речь идёт о футбольном клубе: *Es hat mich furchtbar geärgert, dass der HSV* ***zur grauen Maus*** *<…> geworden ist. Es fehlte eindeutig eine Leitfigur* [www.zeit.de]. В данной статье меценат и фанат Гамбургского ФК говорит о некачественной работе спортивных организаторов, из-за которой ФК теряет свои позиции в Бундеслиге. Общий домен «социальный статус» у когнитивных областей «человек» и «организации» делает возможной номинацию ФК с помощью словосочетания с компонентом-зоонимом. Обратное «превращение» ФК можно увидеть в ином примере: *Hannover 96 erlebt in der Fußball-Bundesliga eine zauberhafte Metamorphose:* ***Die graue Maus*** *verwandelt sich in einen stolzen Schwan. Nach dem 1:0 beim FC St. Pauli <…>* [dwds.de]. Если в предыдущем примере основой формирования вторичного значения являлся перцептивный признак в сегменте «цвет», то в данном контексте противопоставление словосочетаний ‘серая мышь’ и ‘гордый лебедь’ обеспечивается посредством интерпретации значений обоих зоонимов по формату наблюдения.

Данным словосочетанием был также назван целый город: *… Hannover, dem, wenn es denn überhaupt zu den deutschen Metropolen gerechnet werden kann, eher die Rolle* ***der grauen Maus*** *zufällt* [dwds.de]. Представляется вероятным, что интерпретация в данном контексте осуществляется по формату функции, что подчеркивает слово *die Rolle.* Если предыдущие примеры иллюстрировали изменение социального статуса с точки зрения престижа, то в данном случае речь идёт об экономической роли города, которая сравнивается с практическим отсутствием положительной роли мыши для человека.

Нечастое сочетание форматов экспериенциальных эффектов и наблюдения обнаруживает интерпретация значения зоонима *Hummel* в составе словосочетания *wilde Hummel,* обозначающего непоседливую, шаловливую девочку. В исследованных контекстах интерпретация осуществляется в домене «поведение», при этом характеризующий её тип был обнаружен с обоими знаками. В одном контексте противопоставление посредством союза *aber* словосочетанию *gutes Mädchen* указывает на отрицательный знак характеризующей интерпретации: *Ja die Predigerstöchter stürzten mit Euch nach der Schenke, das sind gute*

Mädchen, aber ***wilde Hummeln*** [dwds.de]. Однако тот же образ в другом тексте становится результатом характеризующей интерпретации со знаком «+»: *Die Tante scherze nur. Sie selbst wäre auch manchmal eine* ***wilde Hummel*** *… und die Tante ihnen erlaube, mit ihr spazieren zu gehen. Dabei könnten sie plaudern, singen, Blumen pflücken, und Kränze winden* [dwds.de].

Контексты со словосочетанием *junger Dachs,* обозначающим молодого неопытного человека, показывают как на негативную, так и на позитивную характеристику референта: 1) ***Ein junger Dachs*** *war als Vertreter des abwesenden Physikus unlängst in Heydekrug erschienen, doch nur wenige hielten zu ihm*; 2) *Das sind doch alles* ***junge Dachse****, die nicht in der Lage sind, den Kopf oben zu behalten, wenn's nicht läuft* [dwds.de]. В обоих случаях интерпретация осуществляется по формату наблюдения, в первом случае в домене «социализация», во втором – в домене «поведение».

Одинаковое значение ‘важная персона’ имеют словосочетания *hohes Tier* и *dicker Fisch,* при этом последняя идиома имеет также значение ‘выслеживаемый преступник’. Точно определить мотивацию выбора разных определений, указывающих на большой размер животного и рыбы по вертикальному и горизонтальному направлениям, представляется невозможным, определению типа интерпретации в данном случае способствуют контекстные реализации значений. Тип интерпретации можно также определить как идентифицирующий ввиду отсутствия конкретных оценочных характеристик в данных контекстах.

Ввиду того, что в большинстве контекстов с идиомой *dicker Fisch* имеется лексема *Netz,* которая в переносном значении воспринимается как средство овладения важной персоной, можно предположить, что определение *dick* больше подходит для характеристики объекта, который внешние факторы воздействия пытаются поместить в сети. Исследованные контексты с данной идиомой показали, что в них преимущественно реализуется значение ‘разыскиваемый преступник’, например, участник *Rauschgifthandel* [dwds.de]. Во всех примерах интерпретация осуществляется по перцептивному формату, а его перенос на человека предполагает формат наблюдения в домене социализации.

Языковая единица *hohes Tier* имеет те же особенности интерпретации значения. Среди референтов данного выражения были обнаружены, например, политик либерального движения: *Er ist **ein hohes Tier** bei den Liberalen, wahrscheinlich mehr aus Familientradition als aus irgendeinem anderen Grund. Er ist ein großartiger Opportunist..., ein typischer taktierender Politiker* [dwds.de] или потенциальный член объединения «Гитлерюгенд»: *Heini glaubte nicht recht gehört zu haben. Unter dem Bannführer hatte er sich irgendein **hohes Tier** vorgestellt, mit goldbestickter Uniform, am wenigsten aber hatte er einen Mann ohne Rock und Kragen erwartet* [Schenzinger 1932: 167]. В последнем примере интерпретация осуществляется по формату перцепции, на что указывают детали гардероба.

Пару словосочетаний с похожим значением образуют словосочетания *schwarzes Schaf* и *weißer Rabe*, обозначающие личности, поведение которых отлично от поведения других лиц общества. Интерпретация значений зоонимов осуществляется на основе физических характеристик животного в цветовом соотношении с представителями того же биологического рода или вида.

Интерпретацию значения зоонима *Schaf* можно определить с двух точек зрения. С одной стороны, черные овцы становятся причиной снижения качества шерсти всего стада, поэтому заинтересованные в производстве шерсти стараются их отсортировать, вследствие чего они имеют малую продолжительность жизни. В качестве области-цели выступает человек, который не только не похож на других членов своего общества, но и постоянно испытывает давление с его стороны. Интерпретация осуществляется по перцептивному формату. С другой стороны, выражение *schwares Schaf* можно встретить в книге Бытия в словах Иакова к Лавану [Gen. 30, 32]. Намерением Иакова было специальное выведение сильных темных овец, чтобы забрать их у тестя, при этом используя внешние воздействующие факторы для осуществления желаемого [Gen. 30, 41] или воспользовавшись тем, что белые овцы преимущественно гетерозиготны [Муравник 2014: 92], Иаков добивается результата. Если рассматривать интерпретацию зоонима с точки зрения Книги Бытия, то очевидно указание на то, что такие «черные овцы» появляются среди белых овец, а не живут изолиро-

ванно. Компонент значения «притесняемость» реализуется с данной точки зрения неполно, поскольку, будучи презираемыми Лаваном, они стали желаемой добычей Иакова. Интерпретация происходит по ассоциативному формату.

Публицистические контексты иллюстрируют характеризующую интерпретацию со знаком «-», например, мешающий соседям шумный турецкий мальчик: *Das Problem sind die wenigen* ***schwarzen Schafe****. In unserer Stadt gab es einen türkischen Jungen, der immer so laut war, dass sich alle Nachbarn beschwert haben* [dwds.de]. Доменом интерпретации является «поведение».

В отличие от словосочетания *schwarzes Schaf* идиома *weißer Rabe* не имеет отрицательной оценки в своем определении. Исследованные контексты показали, что употребление данной языковой единицы сопровождается также и положительной характеристикой: 1) ***Die weißen Raben*** <*…*> *sind naive Provinzler, die als halbe Kinder freiwillig in den Krieg zogen und von dort als Krüppel und vergewaltigende Monster zurückkehrten* 2) *Jener 70-jährige, sieben Sprachen sprechend und noch in einer Patentabteilung tätig, sei auch bei ihnen längst „****ein weißer Rabe****“* [dwds.de]. Интересен иной контекст, в котором согласно описанному отношению к человеку, не желающему обманывать и воровать, он воспринимается в отрицательном свете, поскольку его выгоняют с работы и определяют как не способного к деятельности: *Die Beamten des Ministeriums sollen ganz systematisch wie in Verbrecherschulen zu Diebereien angehalten worden sei. Wer nicht mit stehlen wollte, wurde als* ***weißer Rabe*** *sofort aus dem Dienst gejagt und erhielt das Zeugnis eines unfähigen Beamten, der nirgendwo wieder angestellt wurde* [dwds.de]. Однако ирония автора, выраженная в первом предложении в сравнении со школой для преступников, показывает положительное отношение к тем чиновникам, кто в противоположность описанному ничего не ворует.

Затемненной остается интерпретация значения зоонима *Fisch* в составе атрибутивного словосочетания *kleine Fische (мелочи)*. Выбор прилагательного очевиден, тогда как мотивирующий признак переосмысления значения зоонимического компонента остается неизвестным. Отметим, что зооним *Fisch* употребляется также в составе идиомы *faule Fische (отговорки)*, что показывает

вновь перенос в сферу абстрактных понятий, при этом среди выделенных в лексикографических источниках вторичных значениях зоонима не было обнаружено тех, которые соотносились бы со сферами обстоятельств и языковых актов. Одним из интерпретируемых признаков зоонима стал ‘маленький размер’.

Несмотря на отсутствие очевидной связи между животным и определенными актами бытия зооним *Fisch,* употребляясь в сочетании с прилагательным *klein* не должен противоречить его значению, которое формирует общий смысл идиомы. Если представить гипотетическое словосочетание *kleine Elefanten,* то значение ‘*Kleinigkeiten*’ уже не сможет совмещаться с ним по смыслу ввиду того, что денотат зоонима обладает относительно иных представителей животного мира значительным размером. Это показывает, что одним из интерпретируемых признаков денотатов зоонима *Fisch* стал ‘маленький размер’. Не менее важным признаком, стимулирующим интерпретацию, стал ‘отсутствие важности’, поскольку среди всех типов позвоночных рыбы занимают низшую позицию. Итак, интерпретируемыми признаками зоонима *Fisch* стали ‘маленький размер’, ‘отсутствие важности/ значимости’. Реализация данного выражения часто происходит в единственном числе, при этом денотаты, характеризуемые им, в некоторых случаях имеют множественное число: *Die Standortpolitik der Kommunen und Distrikte spielte kaum eine Rolle. «Wir sind ein* ***kleiner Fisch****», sagt Politiker Bob Wheeler <…>. Alles läuft via London* [dwds.de]. В данном случае областью-целью выступает не одна личность, а группа людей, связанных с политикой размещения производства. Характеризующая интерпретация зоонима имеет отрицательную оценку. Иной пример иллюстрирует сравнение наименованного данным словосочетанием объекта с реалиями более крупного масштаба, позволяющими осуществить данную номинацию: *Typhus und Lungenentzündungen, der Hunger und der Dreck schafften, was Kugeln und Brand nicht geschafft hatten, und die Krätze, die auch im Lager umging, war ein* ***kleiner Fisch*** [Kant 1965: 15]. То есть вне сравнения с вышеизложенными обстоятельствами массовое заражение чесоткой вряд ли было бы возможно назвать мелочью, но сопоставление с тифом, пневмонией, голодом, грязью, пулями, пожарами делает возмож-

ным данную номинацию. Поэтому, представляется верным, что в данном контексте характеризующая интерпретация имеет знак «+».

Интерпретация значения зоонима в словосочетании *melkende Kuh (дойная корова)* осуществляется по формату операционального опыта, который заключается в знании, что корова даёт молоко, и необходимости совершения определённых манипуляций с животным. В одном из примеров «дойной коровой» названа Германия, где автор подчеркивает с одной стороны, свою благорасположенность к родной стране, а с другой стороны, свое негативное отношение к ситуации: <…> *die besondere moralische Schuld Deutschlands erfordert eine besondere Wiedergutmachung, das ist eine Sache, aber zur* ***melkenden Kuh*** *für Polen zu werden, das ist eine zweite Sache* [dwds.de]. В данном случае характеризующая интерпретация имеет отрицательный знак. Следующий пример показывает сопоставление с «дойной коровой» предприятие коммунально-бытового обслуживания, и характеризующая интерпретация также имеет знак «-»: <…> *es droht die Gefahr, dass die Versorgungsunternehmen die* ***«melkende Kuh»*** *der Gemeinden werden und ihre investitorischen Bedürfnisse dabei zu kurz kommen* [dwds.de].

Интерпретация по ассоциативному формату наблюдается у значения зоонима словосочетания *Trojanisches Pferd,* происхождение которого связано с событиями Троянской войны. Интерпретация предполагает связанную с областью-целью иллюстрацию каких-либо событий, так как идиома соприкасается с концептом-сценарием «Троянская война». Обращаясь к практическому употреблению выражения, выделим пример, в котором словосочетанием были названы намерения СССР относительно развития атомной промышленности:<…> *dass die Sowjetunion* ***das trojanische Pferd*** *der Koexistenz nur zu dem Zweck bereit stelle, um genügend Zeit zu gewinnen, bis ein Patt auf dem Gebiete der Atomenergie erreicht ist* [dwds.de], а в ином примере с событиями Троянский войны связывается предложение СССР относительно объединения, и самим «троянским конём» становится сам Советский Союз: *Sie kennen die Geschichte* ***des Trojanischen Pferdes****; es wäre wirklich ein Trojanisches Pferd, wenn die Sowjets einen Vor-*

schlag zur Wiedervereinigung mit der Forderung verbinden würden, nach den Wahlen auch sowjetische Truppen in der Bundesrepublik zu stationieren [dwds.de].

Среди примеров второй группы были обнаружены словосочетания с завуалированной мотивацией интерпретации. Например, зооним *Hund* в атрибутивном словосочетании *dicker Hund (чудовищность, грубая ошибка)* не имеет очевидного сходства с обозначаемыми абстрактными понятиями. Происхождение значения можно объяснить образным восприятием «толстой собаки» как чего-то, в негативном смысле не соответствующего норме. Интерпретация осуществляется по перцептивному признаку ‘большой размер’, который переносится в сферу абстрактных понятий. Обращаясь к контекстуальному употреблению идиомы, заметим, что в качестве области-цели интерпретации зоонима в составе словосочетания выступали наряду с абстрактными понятиями объекты иных концептуальных областей. Так, данным словосочетанием был назван «Дневник Гитлера», который был фальсификацией. Значение работы издателя подчеркивает значимость характеризуемого словосочетанием объекта, что определяет интенсивность признака переноса из области-источника «размер животного» в область-цель «масштаб ошибки»: *Ein* ***„dicker Hund“*** *war übrigens auch die Hitler-Tagebuch – Geschichte … Da verflog aller Schalk und Charme aus seinem Gesicht, und er wurde sehr ernst. Seine Ehre als Verleger muss tief getroffen worden sein* [dwds.de]. Типом интерпретации становится характеризующий со знаком «-». Данным словосочетанием именуются многие явления политической и экономической сфер, например, ошибка модераторов, установивших на бумагах организацию нового порядка немецкого сталеплавильного производства или комментарий к иудейским законам в Нюрнберге [dwds.de].

К этой же семантической группе относится вышеупомянутое словосочетание *faule Fische (отговорки)*. Здесь характеристика ‘faul’ не имеет видимой связи с денотатом зоонима *Fisch.* Выбор зоонима, возможно, обусловлен восприятием рыбы как чего-то мелочного и незначительного. Прилагательное *faul,* несущее на себе негативную характеристику, усиливает интенсивность семы ‘мелочность’ и на основе умения рыбы плавать и изворачиваться от опасности

в водной стихии, возможно, добавляет в значение сему ‘ложность, изворотливость’, из-за чего значением словосочетания становится негативное ‘враньё’, ‘пустые отговорки’. Форматом интерпретации является наблюдение, а типом – отрицательная характеристика. В качестве контекста рассмотрим пример, описывающий восприятие замены оплаты пожилой женщине работой по дому как пустые отговорки ввиду её плохого материального положения: *Mathilde erzählte <…> wie sie ihr die Kosten ihres Aufenthalts durch häusliche Arbeit und Hülfleistung beim Waschen ersetzen wolle. «Das sind* ***faule Fische!»*** *<…> «Die Alte hat selbst nichts zu leben und die Wäscherei ist nur so ein fauler Vorwand*» [gutenberg.spiegel.de]. Здесь наблюдается употребление идиомы в экономическо-правовой сфере человеческих отношений на бытовом уровне, и доменом интерпретации становится «торг».

Интерпретация значения зоонима в составе атрибутивного словосочетания *diebische Elster (человек, склонный к воровству мелких вещей)* основана на представлении о вороватом характере птицы. Хотя в современной науке данный факт подлежит сомнениям, традиционно считается, что сороки воруют блестящие предметы для украшения своего гнезда. Итак, интерпретация осуществляется по формату наблюдения в домене «поведение» и имеет отрицательную оценку. Прилагательное *diebisch* подчеркивает это качество птицы, ставшее основой формирования вторичного значения зоонима.

Практическое употребление данной идиомы иллюстрирует широкую сферу выбора области-цели интерпретации, однако приоритетной является характеристика человека, например, *Damals erwiesen sich die Wachleute eines Parkhauses als* ***diebische Elstern*** [dwds.de].

Интерпретация значения зоонима была обнаружена в когнитивной области «живая природа», при этом интерпретация имеет внутренний вектор, так как областью-целью стал иной вид птицы – кукушка: *Besondere Bedeutung kommt dabei der Suche der Kuckucksweibchen nach den Nestern der Singvögel zu; <…> sie dies primär taten, um die Eier zu fressen. <…> war der Kuckuck* ***eine diebische Elster!*** [dwds.de]. Форматом интерпретации становится наблюдение, а в качестве

домена можно рассматривать как «поведение», поскольку описывается действие птицы, так и «характер», поскольку описанный акт действия наблюдается у кукушки регулярно и присущ не конкретной особи, а всем представителям биологического вида. Поведение кукушки негативно влияет на других птиц, что определяет отрицательный вектор характеризующего типа интерпретации.

Интерпретация значения зоонима *Fisch* в словосочетании *kalter Fisch (бесчувственный человек)* становится возможна присоединением качественного прилагательного, имеющего здесь переносное значение ‘*abweisend; ohne jedes Mitgefühl*’. Поскольку зооним *Fisch* не имеет вторичного значения, то характеристика ‘недружелюбный, без сочувствия’ не может быть применима к рыбе. Хотя прилагательное *kalt* является перцептивной характеристикой животного, данное словосочетание не следовало бы относить к предыдущей группе примеров, поскольку даже первичное значение прилагательного *kalt ‘wenig oder keine Wärme enthaltend, ausstrahlend’* имеет отрицательную коннотацию, что нельзя сказать о прилагательных *hoch, grau, weiß* или *jung*. Данный пример показывает когнитивную метафору с переосмысленным признаком ‘kalt’.

Обращаясь к контекстам, содержащим идиому *kalter Fisch,* можно отметить, что интерпретация осуществляется в домене «поведение» посредством сочетания форматов перцепции и наблюдения. Характеризующий тип интерпретации со знаком «-» обусловлен описанным выше причинами. Один из примеров, *Für Amerikaner ist normal, was du für übertrieben hältst. Benimmst du dich deutsch, hält er dich für* ***einen kalten Fisch*** *und einen verkappten Nazi, der ihn verunsichern möchte* [Schwanitz 1999: 450], показывает восприятие американцами «немецкого» поведения. Перцептивная характеристика животного ‘холодный’ переносится на поведение немца, сравниваемого с тайным нацистом, пытающимся ввести собеседника в заблуждение, что иллюстрирует сочетание интерпретационных форматов перцепции и наблюдения. Иной пример, «*Man muss doch auch mal Emotionen zeigen», sagte er. «Wir sind ja keine* ***kalten Fische****, und manche Journalisten glauben, wir Politiker seien so zum Watschenmann da»*

[dwds.de], путем отрицания приписываемой референтам характеристики противопоставляет бесчувственного политика тем, кто показывает свои эмоции.

Интерпретация значения зоонима в составе идиомы *lahme Ente* происходит по иной модели, ввиду того, что прилагательное *lahm – 'wie gelähmt; stark ermüdet und daher kraftlos, schwer beweglich'* не имеет переносного значения, но содержит отрицательную сему. Таким образом, характеристика 'вялый, несостоятельный' может относиться как к утке, так и к человеку, характеризуя их поведение. Это определяет домен интерпретации, а также формат наблюдения. Неочевиден выбор зоонима *Ente,* поскольку скорость полёта утки достигает 97 - 115км/ч., то есть зооним *Ente* нивелирует свое метафорическое значение.

Объяснение такого несоответствия скрывается в истории выражения, т.к. оно является калькированным переводом с американского выражения *lame duck,* характеризующего политического лидера, полномочия которого завершаются в ближайшей будущем [dictionary.cambridge.org]. Именно этим объясняется тот факт, что контекстное употребление выражения фокусируется преимущественно на политической тематике, (хотя и не ограничивается ей), и «хромой уткой» стали Барак Обама: *Wie nahezu alle seine Vorgänger ist Obama in den letzten Monaten seiner Präsidentschaft* ***eine "lahme Ente",*** *viel wird er nicht mehr bewegen,* Папа Франциск: *Der bald 80-jährige Franziskus als* ***lahme Ente****, als handlungsunfähiger Reformer*, Ангела Меркель: *Angela Merkel zöge* ***als lahme Ente*** *ins Kanzleramt.,* Джордж Буш: *Was aber hat der Welthandel mit der* ***"lahmen Ente"*** *Bush zu tun?,* Жак Ширак: *Frankreichs Präsident Jacques Chirac ist seit seiner Niederlage im französischen EU-Verfassungsreferendum* ***eine lahme Ente***, Герхард Шрёдер: *Schröder sei als* ***"lahme Ente"*** *nicht mehr handlungsfähig und müsse den Weg für Neuwahlen frei machen, sagte Glos*, даже упомянутый выше Билл Клинтон: *Erschwert wird der Gipfel auch durch Bill Clinton, den viele am Ende seiner Amtszeit nur noch als* ***"lahme Ente"*** *sehen*, а также весь Европейский союз: *Europa sieht sich damit weltweit als Vorreiter, für Umweltschützer ist die EU dagegen zur "lahmen Ente" im Klimaschutz geworden* [dwds.de]. В отличие от указанных выше лиц В.В. Путину удалось избежать данной характеристики: *Putin*

wird erst spät verkünden, wen er bevorzugt, um möglichst lange dem Status einer russischen ***lahmen Ente*** *zu entgehen* [dwds.de].

Третью группу представляет лишь единственное словосочетание *krasser Fuchs*, обозначающее новичка, желторотика. В данном случае вторичным значением зоонима, создающим базу для его интерпретации является ‘*noch nicht voll berechtigtes Mitglied einer Studentenverbindung im ersten und zweiten Semester*’ [duden.de]. В сочетании с прилагательным зооним приобретает более широкое значение, распространяясь за пределами сферы студенческой жизни. Примечательной является история выбора зоонима и его характеристики в выражении первичного значения словосочетания, то есть для обозначения студента-первокурсника. Согласно средневековым традициям студенческой жизни, поступившим студентам давали клички животных, а изданная на латыни в 1780 году разработка о нормах поведения студентов обозначает лексемой *vulpes (аналог немецкому Fuchs)* студента, который ведет себя боязливо и слишком осторожно, ввиду чего вызывает насмешки со стороны своих товарищей. В 1813 году в книге поступивших в Гёттинский университет студентов обнаруживается описание того, что обозначение *Fuchs* распространяется на студентов первого года обучения, при этом отмечается, что данная характеристика не является негативной, поскольку боязливое и неуверенное поведение первокурсника вполне ожидаемо и оправдано [de.wikipedia.org]. Прилагательное *krass*, имеющее значение ‘*in seiner Art besonders extrem*’ [duden.de], происходит от латинского *crassus*, и употреблялось часто в студенческих кругах как излюбленное суперлативное крепкое словцо [dwds.de], а зооним, содержащий изначально отрицательную характеристику, приобрёл нейтральное значение. Вследствие этого общее значение выражения приобретало положительный характер.

Можно выделить 3 значения словосочетания: *1) ‘яркая лиса’ 2) ‘студент-первокурсник’ 3) ‘неопытный человек’*. Первое значение является прямым и не имеет широкого практического применения ввиду очевидного несовпадения характеристики с качеством денотата зоонима. Второе переносное значение является основой для формирования третьего переносного, однако расширение

значения не связано с интерпретацией значения исследуемого зоонима, следовательно, его интерпретирующий потенциал раскрывается при формировании второго значения. Мотивация выбора зоонима *Fuchs* определяется особенностью поведения лисы как осмотрительного, хитрого зверя, всегда готового начать атаку с врагом до тех пор, пока она не будет приручена. Итак, интерпретации осуществляется в домене «поведение» по формату наблюдения. Обращаясь к публицистическим контекстам, отметим, что интерпретация в них имеет скорее характеризующий характер, например, *Du bist seit 14 Tagen in Berlin und in der weitern Welt, Du* ***krasser Fuchs****?* [dwds.de].

Ввиду того, что зоонимы в словосочетаниях четвертой группы имеют вторичное значение с оценкой, то в большинстве случаев они определяют характеризующий тип интерпретации, а их интерпретирующий потенциал реализуется ещё до образования словосочетания. Некоторые словосочетания этой группы являются окказиональными употреблениями комбинации существительного и прилагательного, не имеющими лексикографического толкования, однако употребляющимися в немецкой прессе и художественной литературе (в приложении такие выражения выделены розовым фоном).

Среди исследованных атрибутивных словосочетаний, имеющих в своем составе прилагательное *alt,* было обнаружено шесть: *alte Eule, alte Kuh, alte Ziege, alter Bock, alter Hirsch* и *alter Kauz,* которые используются в качестве ругательных обращений. Следует отметить, что прилагательное *alt,* лишенное оценочной характеристики, в некоторой степени добавляет отрицательную сему в значения идиом, ввиду того, что старость в сознании представителей немецкой культуры ассоциируется преимущественно с отрицательными понятиями. Так, среди 63 существительных, ассоциативно связанных со словом *Alter* были отмечены *Herzinfarkt, Einzelperson, Lungenentzündung, Diabetes, Suizid, Autounfall* и т.д., в то время как среди положительных характеристик присутствовало единственное слово *Weisheit* [wordassociations.net].

Вторичные значения зоонимов *Kuh - ‘weibliche Person, über die sich jemand ärgert’* и *Ziege - ‘zickige weibliche Person’* демонстрируют их интерпрета-

цию в доменах «поведение» и «характер», то есть в первом случае подчеркивается отношение к женщине в конкретное время, а во втором – её постоянные черты характера. Мотивационным признаком, вероятно, становится наличие рогов у парнокопытных животных и их умение бодаться.

Однако исследованные контексты показали, что интерпретация может осуществляться также в домене «физические характеристики». Например, в следующем отрывке: *Die 22-jährige aus Hessen <…> Für eine **alte Kuh** sieht Frieda noch blendend aus* [dwds.de], «старой карге» противопоставляется «блестящий» внешний вид девушки. Интерпретация по формату перцепции посредством обонятельного канала восприятия в домене «физические характеристики» обнаруживается в контексте: *…ja sogar der König stank, wie ein Raubtier stank er, und die Königin wie **eine alte Ziege**…* [Süskind 1985: 6]. В обоих случаях представлена характеризующая интерпретация со знаком «-».

В примерах: *Alfred nannte seine Frau Else voller Haß nur „**eine alte Kuh**“, und sie schimpfte ihn voller Verachtung das „Scheusal“* [dwds.de], и *dann kommt an einer Haltestelle - wo ich vielleicht 1 oder 2 Minuten zu spät bin - **eine alte Ziege**, die sagt: «Um viertel nach hätten Sie aber hier sein sollen* [dwds.de], интерпретация значений зоонимов осуществляется по формату наблюдения. Однако в первом случае доменом интерпретации становится «характер» (номинация мужем своей жены, регулярно совершающей определенные акты поведения), а во втором – «поведение» (номинация посторонней женщины, совершившей конкретное действие). При этом интерпретация вне контекстов осуществлялась в противоположных доменах: у зоонима *Kuh* – в домене «поведение», а у зоонима *Ziege* – в домене «характер». Учитывая, что прилагательное *alt* в обоих случаях несет постоянный признак, представляется верным предположить, что в немецкой картине мира принципиального различия в значении обоих атрибутивных словосочетаний нет. То есть, подбирая ругательное выражение к женщине, говорящий вряд ли будет думать, какую из характеристик «*старая корова*» или «*старая коза*» в данной ситуации уместнее употребить.

Словосочетания *alter Bock* и *alter Kauz* в отличие от вышеописанных показывают негативные характеристики представителей мужского пола. В формировании их значения большую роль играют их вторичные значения, и типом интерпретации является характеристика со знаком «-». Вторичное значение зоонима *Bock - (abwertend) 'Mann'* [duden.de] не может определять домен и формат интерпретации, но точно устанавливает её тип как характеризующий с отрицательным знаком. В контекстах: <…> ***dem alten Bock*** *ist Gerechtigkeit widerfahren* [Walser 1960: 309], и <...> ***der alte Bock*** <...> *das unschuldige Häschen in den Dachboden gelockt habe, dann aber habe er das Kind plötzlich auf die dort gelagerten Luftmatratzen geworfen* [там же: 496], интерпретация осуществляется по формату наблюдения в доменах «характер» и «поведение».

Вторичное значение зоонима *Kauz – 'auf liebenswerte Weise sonderbarer, eigenbrötlerischer Mann'* показывает результат интерпретации по формату наблюдения в домене «поведение», поскольку, являясь ночной птицей, сыч отличается этим от других птиц и действует в одиночку. Прилагательное *liebenswert* в значении зоонима показывает его характеризующую интерпретацию со знаком «+». Это иллюстрирует, например, следующий контекст: *ein höflicher Herr mit zuvorkommenden Manieren, ein wenig* ***ein alter Kauz****, den die Weltgeschichte vergessen hat, der auch seine Marotten mit Eleganz zu pflegen wusste und stets mit neugierigen Augen in die Welt blickte* [dwds.de], в котором положительная оценка поведению господина подчеркивается лексемами *höflich, zuvorkommend, Eleganz,* а уникальность его поведения определяется словами *den hat die Weltgeschichte vergessen.* Интерпретация осуществляется в домене «характер». Однако были обнаружены также примеры употребления данного словосочетания, в котором последнее имеет отрицательное значение: *...niemand [in seiner Familie] einsehen wollte, warum er,* ***der alte Kauz*** *mit seinen knapp 50, so einen Unfug mit sich anstellt. Gedankenverloren und ergeben rutscht er über die Große Wiese, durchs verschneite Moor zu* [dwds.de]. Доменом данной интерпретации становится «поведение», а форматом – наблюдение.

В числе контекстов с данным словосочетанием было также найдено описание противоречивой характеристики референта. Так, испанский футбольный тренер, имеющий различную репутацию в своём государстве и за рубежом, был охарактеризован следующим образом: *Im Ausland haftete Aragones der Ruf eines Rabauken an, die Spanier schätzten ihn dagegen als* ***einen alten Kauz****, dem das Gespür dafür fehlte, wie sein Verhalten in der Öffentlichkeit ankam* [dwds.de]. За пределами процитированного отрывка имеется описание достижений тренера, которые подчеркивают его положительные характеристики, что подтверждает характеризующий тип интерпретации со знаком «+». Если не учитывать общее впечатление от характеристики референта, то можно отметить, что определение *der Ruf eines Rabauken* ставится в противопоставление с характеристикой *der alte Kauz* с помощью предлога *gegen.*

Вторичное значение зоонима *Hirsch – (oft scherzhaft) Schimpfwort für eine männliche Person* [duden.de] в составе словосочетания *alter Hirsch* полноценно реализуется не во всех контекстах, например, ассоциативное именование генерала «старым служакой» подчеркивает опытность и мудрость последнего посредством прилагательного *alt: Oberfeld und die ganze Leier hinauf bis zum General, der ein* ***alter Hirsch*** *ist und der einen einschnauft wie Luft* [Fleisser 1992: 53]. Здесь видится сложным определить особенности и мотивирующий признак интерпретации ввиду отсутствия явных общих с человеком внешних признаков.

Интерпретация значения зоонима *Hirsch* может также осуществляться не в составе целого словосочетания, а посредством функционирования вторичного значения зоонима, как ругательного слова для представителя мужского пола: *Da ist er endlich, <…> hager und fahl <…> von 52 Jahren. Sitzt, raucht, trinkt,* ***alter Hirsch*** [dwds.de], при этом домен и формат интерпретации остаются неявными, а её типом является характеризующий со знаком «-».

Переосмысление значения зоонима *Vogel* осуществляется в составе двух словосочетаний: *lustiger Vogel - ‘komischer Mann’* и *seltener Vogel - ‘ein seltsamer, eigentümlicher Mensch’* [Duden 2013: 686]. В данном случае в качестве зоонима выступает название класса животных, а не конкретного вида или рода.

Вторичное значение зоонима *Vogel – ‘durch seine Art auffallender Mensch’* [duden.de] практически полностью совпадает со значением выражения *seltener Vogel,* что указывает, во-первых, на интерпретацию значения зоонима вне словосочетания, а во-вторых, на функцию прилагательного как усилителя признака. Определение идиомы прилагательными *seltsam, eigentümlich* вносит в некоторой степени негативную оценку референту, ввиду того, что странные, не похожие на других люди изначально воспринимаются в большинстве случаев недоброжелательно. Однако анализ контекстов с данным выражением показал, что интерпретация значения зоонима *Vogel* в составе словосочетания часто относится к характеризующему типу со знаком «+». Был обнаружен пример, который представляет ярко выраженную положительную характеристику объектов, являющихся результатом творчества референта, что позволяет выявить положительную характеризующую интерпретацию значения: *Anita Albus, **der seltene Vogel** unter den deutschen Intellektuellen, jedes ihrer Bücher eine Preziose, gemalt mit feinstem Pinsel, Bildgedankenwelten* [dwds.de]. Можно также встретить примеры с отрицательной характеристикой референта: *Er ist ein wahrhaft **seltener Vogel**: ein Konservativer, der sich nicht davon abbringen lässt, dass man für politische Handlungen auch verstandesmäßige Gründe anzugeben habe* [dwds.de]. Определение домена и формата интерпретации значения зоонима вызывают затруднение, поскольку ассоциирование человека, обладающего какими-либо редкими, необычными характеристиками, с редкой птицей не имеет очевидных внешних мотивационных признаков. Объяснением этому служит то, что данное выражение, применимое к редким существам вообще (лат. *rara avis*) обнаруживается в сатирических произведениях римских поэтов.

Хотя выражение *seltener Vogel* предполагает в качестве области-цели интерпретации человека, однако некоторые примеры показывают распространение значения идиомы на сферу абстрактных понятий: *<…> zeigt die Ausstellung «Ivan Kožarić – Freiheit ist **ein seltener Vogel»**. <…> Vielleicht russische Avantgarde, sozialistischer Realismus, antifaschistische Monumente?* [www.zeit.de]. Интерпретация значения зоонима осуществляется по формату наблюдения, при

этом, несмотря на присутствие оценочной характеристики во вторичном значении зоонима, контекстная реализация идиомы не имеет оценочного характера зоонима с признаком ‘чудной’, ‘странный’. В данном случае речь идет о названии выставки, которая не имеет очевидного политико-пропагандистского настроения: *Zwar ist Kožarićs Werk nicht explizit politisch* [там же].

Качественную характеристику в выражении *lustiger Vogel* несет только прилагательное, при этом с оценочной точки зрения оно не определяется как положительная или отрицательная характеристика. Исследованные контексты показывают, что такие характеристики референтов как ‘*großer Kommunikator*‘, ‘*hat Was Witziges eingeflochten, unterhaltender Das lahme Spiel zu machen*‘, ‘*ein Taschenspieler, Sprachakrobat, ein genialer Alchimist*’ [dwds.de] демонстрируют положительные характеристики референтов, что позволяет говорить о положительной характеризующей интерпретации.

Словосочетание *schräger Vogel (слегка сумасшедшая, странная личность)* иллюстрирует интерпретацию в различных доменах по форматам перцепции и наблюдения. В одном из примеров доменом интерпретации становится «поведение», её форматом наблюдение, а типом – характеристика со знаком «-»: *Es sind* ***schräge Vögel****, die* *in Kabul zusammengekommen sind*, *sie* *schießen, dealen, saufen und lassen den Rock ’n’ Roll nicht sterben* [dwds.de].

Иной контекст иллюстрирует интерпретацию значения зоонима в домене «физические характеристики» посредством сочетания форматов перцепции (описание внешности) и наблюдения (описание потенциальной встречи): ***Ein schräger Vogel*** *mit wildem Haarschopf und intensivem Blick. Wer ihm* *damals begegnet ist*, *muss sich gewundert haben* [dwds.de]. В данном случае контекстуальное употребление атрибутивного сочетания практически не определяет тип интерпретации зоонима ввиду отсутствия в описании лексем оценочного характера, однако отрицательная оценка, заложенная в самом словосочетании, находит свое подтверждение в словах *wildem Haarschopf* или *gewundert haben.*

Характеризующая интерпретация со знаком «+» наблюдается у значения зоонима *Vogel* в составе атрибутивного словосочетания *komischer Vogel*, значе-

ние которого определяется преимущественно значением прилагательного. Оценочная характеристика, изначально заложенная в нём, имеет скорее отрицательный знак: ‘*sonderbar, seltsam; mit jemandes Vorstellungen, Erwartungen nicht in Einklang zu bringen*’, но реализация значения данной языковой единицы в некоторых контекстах иллюстрирует положительный знак характеризующей интерпретации: *Er ist extrem witzig, sehr klug, sehr amüsant*. ***Ein komischer Vogel***, <…>. *Er singt wie Bob Marley* [dwds.de].

Рассмотрим далее атрибутивное словосочетание *steifer Bock (неспортивный человек)*. В составе идиомы возможна интерпретация значения как зоонима, так и апеллятива *Bock*, но в первом случае наблюдается неочевидность интерпретируемого признака животного, а во втором – неестественность формирования вторичного значения, поэтому, вероятнее всего, все варианты интерпретации имели своё влияние. При этом утверждать, что в данном случае функционирует вторичное значение лексемы ‘человек’, не представляется верным, и происхождение данной идиомы с дословным переводом «негнущийся козёл» имеет интересную историю формирования. В нововерхненемецком языке в 15-16 века лексема *Bock* приобретает несколько вторичных значений: *Sägebock (козлы для пилки), Kutschbock (козлы у экипажа), Bock*[2] *(гимнастический козёл),* учитывая «*die Steifbeinigkeit eines störrischen Bockes*» (досл.: *несгибаемость ног упрямого козла*) [dwds.de]. Если рассматривать первичные значения компонентов исследуемого словосочетания, мы можем наблюдать сочетание физической характеристики и характера поведения в одном определении, что делает его бессмысленным, поскольку особенности физиологии не являются прямым следствием поведения животного. Поэтому представляется вероятным, что лексема *Steifbeinigkeit* по значению является аналогом лексеме *Bockbeinigkeit,* то есть существительного, передающего наличие признака *bockbeinig – ‘steifbeinig wie ein Bock’* [там же]. Данное прилагательное имеет только переносное значение ‘*widerspenstig, störrisch*’ и было взято из литературы 18 века, в собственном смысле как ‘*sich mit gespreizten Beinen sträubend wie ein Bock*’. То

есть тот факт, что козлы встают на дыбы на негнущихся ногах, способствует образованию лексем *Bockbeinigkeit* и *Steifbeinigkeit.*

Возвращаясь к исходному выражению *steifer Bock,* можно выделить 3 варианта значения слова *Bock:* 1) ‘животное’ 2) ‘отрицательно характеризуемый человек’ 3) ‘артефакт’. Если предположить, что в данной идиоме функционирует первичное значение зоонима, то выражение принимает первичное значение ‘*жёсткий, несгибаемый рогатый самец жвачного млекопитающего*’. Формирование такого значения возможно в случае знания особенностей вставания животного на задние ноги, потому что изначально ноги козла способны сгибаться. В таком случае образование вторичного значения словосочетания ‘нескладный человек, чурбан’ осуществляется посредством интерпретации зоонима *Bock* в составе словосочетания в домене «физические характеристики» по формату наблюдения как результат метафорического переноса из когнитивной области «фауна» в когнитивную область «человек». Спорным вопросом является сохранение отрицательной семы в зооним*е*, поскольку только благодаря сильным ногам животное может встать на дыбы. Вероятнее всего, словосочетание получает отрицательную коннотацию за счёт прилагательного *steif.*

Формирование идиомы на основе употребления лексемы *Bock* как грубого наименования представителя мужского пола представляется маловероятным. В таком случае значение идиомы будет ‘*жёсткий, несгибаемый, дурной, (похотливый) мужчина*’. Если это было бы возможно, то интерпретация значения зоонима осуществлялась бы вне состава словосочетания, а после его формирования прилагательное *steif* добавило бы дополнительное значение. В отличие от остальных вариантов, в данном случае работал бы внутренний вектор интерпретации, а также сохранялась бы негативная сема интерпретирующего и интерпретируемого концептов. Однако вышеназванные характеристики принадлежат к разным сферам характеристики субъекта, что вновь указывает на невозможность их сочетания. Тем не менее, полностью отказаться от влияния этого вторичного значения зоонима *Bock* на формирование значения словосоче-

тания представляется неверным, т.к. ассоциативное представление о козле как о животном с негативными чертами накладывает отпечаток на идиому.

Третий вариант значения слова *Bock* как обозначение какого-либо артефакта с таким же названием проиллюстрировал бы первичное значение данного словосочетания как ‘*жёсткий, несгибаемый спортивный снаряд*’. В таком случае значение идиомы формировалось на первом этапе путем образования вторичного значение слова *Bock* как артефакта по признаку ‘несгибаемость’ по формату наблюдения в домене «физические характеристики», а на втором – посредством подчеркивания признака прилагательным *steif* и метафорического переноса из когнитивной области «артефакты» в когнитивную область «человек» по тому же признаку, формату и в том же домене.

Однако удовлетвориться данной трактовкой интерпретации значения зоонима представляется неверным по вышеописанной причине формирования вторичного значения в когнитивной области «артефакты», «*die Steifbeinigkeit eines störrischen Bockes*», которое ввиду наличия вторичного значения существительного *Steifbeinigkeit* можно перевести как «строптивость упрямого козла» на основе упрямого характера обозначаемого им денотата. В таком случае интерпретация зоонима до формирования словосочетания осуществляется по формату наблюдения, при этом домен интерпретации будет отличный у сопоставляемых объектов: из сферы «поведение» признак ‘*несгибаемый*’ переносится в сферу «физические характеристики», теряя свое вторичное значение, что в процессе формирования вторичных значений можно наблюдать крайне редко. В данном случае терялась бы негативная оценка денотата, поскольку несгибаемость спортивного снаряда нельзя рассматривать как отрицательный факт.

Атрибутивное словосочетание *steifer Bock* не имеет переносного значения ‘*упрямый козёл*’ (о человеке), которое показало бы очевидную интерпретацию значения зоонима по формату наблюдения в домене «поведение». Особенности интерпретации в примерах контекстуального употребления не отличаются от вышеописанных: *…mein Orthopäde hat recht: «Im Alter werden wir zu* ***steifen Böcken****», hasse ich meinen Sport*» [dwds.de].

Интерпретация значения зоонима *Lamm* представляет собой перенос из когнитивной области «животный мир» в когнитивную область «человек» по признакам ‘кротость’ ‘невиновность’ ‘терпеливость’, что способствует формированию вторичного значения ‘*sanfter, geduldiger Mensch [voller Unschuld]’* [duden.de]. Однако происхождение данного значения имеет библейские корни, поскольку в Евангелии Агнцем (*Lamm*) именуется Спаситель [Joh. 1, 29].

Таким образом, в словосочетании *wahres Lamm* прилагательное *wahr* подчеркивает интенсивность признака, не добавляя в значение идиомы дополнительный смысл. Лексикографическое значение словосочетания в качестве референта вновь определяет конкретного индивидуума, то есть формат интерпретации будет отличаться в случаях, когда областью-целью является человек, и когда речь идёт о Спасителе. Первая интерпретация связана с библейскими событиями, предполагает перенос качества животного на черту характера Иисуса Христа и осуществляется по формату наблюдения в домене «характер».

Номинация данным словосочетанием рядовой личности предполагает обращение к Библии, поэтому интерпретация будет осуществляться по ассоциативному формату, а домен интерпретации будет зависеть от конкретного контекста: в случае описания акта действия – «поведение», а в случае описания постоянных особенностей личности – «характер». Тип интерпретации - характеристика со знаком «+».

Словосочетания пятой группы состоят из компонентов, каждый из которых имеет оценочную характеристику со знаками «+» или «-», при этом есть случаи несовпадения этих знаков у компонентов одного словосочетания. У словосочетаний предыдущей группы прилагательное также имело оценочную характеристику, но это было обусловлено интерпретацией значения зоонима или контекстуальным употреблением. В этой группе речь идет о прилагательных, оценка которых закладывается вне состава идиомы. Большинство словосочетаний данной группы имеет отрицательную характеристику, о чем свидетельствуют оценочные прилагательные *dumm, blöd, falsch, faul* и др. в их составе.

Вторичное значение лексемы *Gans – (abwertend) ‘unerfahrene, junge weibliche Person’* [duden.de] имеет отрицательную коннотацию, которая ярко подчёркивается прилагательным *dumm.* В данном случае интерпретация значения зоонима осуществляется в домене «интеллект» по формату наблюдения и относится к характеризующему типу со знаком «-». Идиому можно рассматривать и как иллюстрацию непрямой, и как пример косвенной номинации. В первом случае словосочетание сразу приобретает значение ‘*глупая, неопытная девушка*’, а во втором — оно получает свое первичное значение ‘*глупая гусыня*’, в составе которого значение зоонима подвергается интерпретации.

Среди многих контекстов нет точного разъяснения причины такой номинации референта, а у некоторых был подчеркнут признак ‘неопытность’: *die **dumme Gans**, <…> erst höchstens 17 oder 18* [dwds.de]. В данном случае интерпретация осуществляется в домене «физические характеристики». Нередко данное выражение встречается при характеристике второго лица, т.е. прямого обращения: *Lass bloß die Tür zu, du **dumme Gans**!* [dwds.de].

Вторичное значение зоонима *Kuh – ‘weibliche Person, über die sich jemand ärgert’* [duden.de] определяет домен интерпретации «поведение» и формат наблюдения. Контекстное употребление показало, что прилагательное *dumm* служит усилителем ругательства, а не индикатором интеллектуального уровня референта. Так, выражению *dumme Kuh* противопоставляется жена некоего господина *Krause,* которая есть «*ein resches Weib mit Chuzpe, heizt Krause zusätzlich ein*» [dwds.de]. Мотивационным признаком номинации стало также легкое поведение девушки: *… schwenkt sie ihren Hintern vor mir und läßt den Rock einmal extra wippen, **die dumme Kuh** <…> ein affiges Prinzessinnenmodell mit mehreren Lagen* [dwds.de].

Формат и домен интерпретации сохраняются в выражении *blöde Kuh: Als sie vor 4 Jahren die Goldmedaille gewonnen hatte, machte sie ein Gesicht, als hätte sie unterwegs einen Ski verloren. «Nun lach doch, **du blöde Kuh!**» rief ihr ein enttäuschter Photograph …»* [dwds.de]. Общая отрицательная оценка подчеркивается прилагательным *blöd*, при этом в контексте очевидна экспрессия говорящего.

Контексты с выражениями *blöder Hammel* и *blödes Schaf* показали интерпретацию значений зоонимов в домене «интеллект»: вторичное значение зоонима *Hammel – (derb abwertend) ‘dummer, einfältiger, grober Mensch’* [duden.de] и вторичное значение зоонима *Schaf – ‘gutmütig-einfältiger Mensch’* [duden.de] содержат семы, указывающие на уровень интеллекта. Многие примеры показывают интеллектуальный уровень в определенной сфере знаний: ***Blöder Hammel!*** *Ein schwarzer Mercedes rammte mich am rechten Hinterrad, ich stehe quer zur Piste und bin manövrierunfähig* [dwds.de].

Интерпретация значения зоонима *Schaf* имеет более сложную структуру ввиду того, что зооним *Schaf* упоминается в Евангелии в словах Иисуса Христа [Joh. 10, 11]. В Библии неоднократно можно увидеть, что отличительной особенностью образа является его кротость, покорность и обреченность быть жертвой, вспомним, например, события Ветхого Завета, когда агнцы приносились в жертву [Ex. 12, 5-6]. Рассматривая зооним с такой точки зрения, определяя его значение как ‘покорный представитель народа’, можно заметить, что интерпретация его исходного значения происходит по формату ассоциативного сходства, что показывает также контекстная реализация значения: *Meine Landsleute werden <…> einer Massengehirnwäsche unterzogen. Kräfte sind aktiv, <…> die die Leute zu* ***blöden Schafen*** *machen möchten* [dwds.de].

Рассмотрим далее интерпретацию значения зоонима *Sau,* развивающего вторичные значения в двух направлениях: 1) ‘*(abwertend) jmd., der schmutzig, ungepflegt ist, dessen Verhalten man als anstößig empfindet*’ и 2) ‘*(abwertend) jmd., dessen Verhalten als gemein empfinden wird, über den man wütend ist, den man hasst*’ [duden.de]. В отличие от вышеописанных зоонимов, функционирующих во вторичных значениях как обозначение представителя конкретного биологического пола, совпадающего с полом референта их первичного значения, гендерная принадлежность денотатов вторичного значения *Sau* не определена.

Словосочетание *arme Sau* возникает на основе второго переносного значения, однако соединение прилагательного *arm,* выражающего сочувственное отношение к лицу, не представляется возможным с существительным, значение

которого обозначается как ‘*über den man wütend ist, den man hasst*‘. Поэтому очевидно, что в составе данного словосочетания значение зоонима *Sau* не передает отношение говорящего к его референту, а констатирует факт отношения к нему со стороны: Der *Polizei hätte man ihn melden müssen, schon lange. Wenn er nicht so* ***eine arme Sau*** *gewesen wäre, hätte man ihn gemeldet* [Walser 1998: 154].

Можно, однако, рассмотреть траекторию интерпретации с иной точки зрения. Поскольку свиньи, как и многие другие представители сельскохозяйственных животных, являются сырьем для производства мясных продуктов, что не делает завидной их участь, а прилагательное *arm* подчеркивает сочувственное отношение, то такая интерпретация происходит по формату функции в домене «социализация». По такому же образцу будет происходить интерпретация, если взять во внимание признак ‘пренебрегаемый’.

В примерах можно встретить автономинацию, когда автор сравнивает себя с предыдущим выступающим: *Roth bekommt für ihre feurige, authentische Rede lautstarken Jubelapplaus, ganz anders als die müden Spitzenkandidaten <…>. … ich* ***arme Sau*** *muss nach ihr sprechen* [dwds.de]. Во всех исследованных контекстах типом интерпретации становится характеристика со знаком «-».

Богатым интерпретирующим потенциалом обладает зооним *Hund*, который реализуется на примере следующих атрибутивных словосочетаний *scharfer Hund (неприятный, агрессивный человек), falscher Hund (коварный, подлый мужчена)* и *krummer Hund (хитрый человек, обманщик)*.

Вторичное значение зоонима *Hund – (salopp) Mensch, Mann* [duden.de] определяет отрицательный знак характеризующей интерпретации, что можно увидеть в словосочетании *scharfer Hund*, в котором прилагательное *scharf – ‘überaus streng und unnachsichtig’* вносит дополнительный негативный смысл.

Значение ‘двуличный человек’ изначально заложено в словосочетании *falscher Hund*, интерпретация которого осуществляется в домене «характер» по формату наблюдения: *“****Falscher Hund****“, dachte Heinz. Der war schlau* [Köppen 1951: 194]. Интересные определения такой личности приводятся в стихотворении Христиана Гофмана фон Гофмансвальдау:

Es trieb die Traurigkeit sie in das Paradies,

Und stieß am Ufer ihr die Wörter von dem Mund:

Abtrünniger, verlogner, ***falscher Hund****!* [Hofmannswaldau 1710: 262].

В данном случае у зоонима *Hund* функционирует вторичное значение ‘*gemeiner Mann, Lump, Schurke*’ [duden.de] с отрицательной характеристикой, подчеркиваемой определением *gemein*. Соответственно в сочетании с прилагательным *falsch,* последнее вносит дополнительную негативную коннотацию в общее значение словосочетания.

Близкое по семантике атрибутивное словосочетание *krummer Hund* также основано на вышеуказанном вторичном значении, что видно на примерах текстового употребления: *Der* ***krumme Hund*** *ähnelt dem Kerl, der mir ’ne Versicherung aufschwatzen wollte* [dwds.de]. *Wenn <…> ich die eine heimlich geheiratet habe, werde ich* ***ein krummer Hund*** *sein, ein niedriger Frauenbetrüger, den man von morgens bis abends beschimpfen kann* [Genaziso 2005: 124]. Последний контекст показывает пример автономинации, осуществляющейся посредством интерпретации значения зоонима по формату наблюдения в домене «социализация».

Атрибутивным словосочетанием, у которого прилагательное имеет положительную оценочную характеристику, стало устаревшее и редко употребляемое *ehrlicher Kauz,* в котором вторичное значение зоонима ‘*auf liebenswerte Weise sonderbarer, eigenbrötlerischer Mann*’ [duden.de] не вносит отрицательную характеристику в его значение ввиду отсутствия ярко выраженной негативной коннотации. Среди немногочисленных примеров употребления атрибутивного словосочетания был обнаружен контекст, содержащий раскрытие некоторых черт наименованного данной идиомой референта, а также его противоположную противоречивую характеристику: *...fände ich <…> einen Mann, mit dem ich Alles so recht durchsprechen könnte, der eine Erklärung auch für das Dunkelste gäbe <…>! Der Schulmeister ist* ***ein ehrlicher Kauz****, aber im Grunde ein dummer Teufel mit seinen alten Spartaner-Flausen* [dwds.de].

Положительная оценочная сема содержится в значениях обеих частей словосочетания *toller Hecht,* при этом вторичное значение *Hecht – (umgangssprachlich) ‘männliche Person, von der mit einer gewissen Bewunderung,*

Anerkennung gesprochen wird‘ [duden.de] может употребляться как с положительной, так и с отрицательной оценкой, однако её наличие подчеркивается определением *mit einer gewisser Bewunderung.* В сочетании с прилагательным *toll* зооним *Hecht* воспринимается с позитивной точки зрения. Определение домена и формата интерпретации также представляется затемнённым, хотя, возможно, денотат зоонима *Hecht* выступает в качестве прототипа категории рыбы.

Исследованные контексты с данным атрибутивным словосочетанием продемонстрировали широкий спектр когнитивных областей, в которых употребляется это выражение. Например, номинация отца рассказчика данной идиомой осуществлялась по признаку ‘нестрогий’ с помощью противопоставления противоположному образу: … *mein Papa war* ***ein toller Hecht****, fast nie hat er geschimpft – so wie die strenge Mama* [dwds.de].

В ином случае было обнаружено изменение знака характеризующей интерпретации в контексте либо из-за употребления выражения в переносном смысле, либо из-за иллюстрации общественного мнения, не вытекающего из мнения автора газетной статьи: *Wer Blades im Bag hat, zeigt, dass er* ***ein toller Hecht*** *ist. Eine wichtige Qualität des Schlägers ist seine forgiveness* [dwds.de].

Вторичные значения зоонима *Schlange*: общее *‘ein listiges, verschlagenes, falsches Wesen’* и частное ‘*hinterlistiger, unaufrichtiger Mensch*’ [dwds.de], можно рассматривать как результаты интерпретаций различных траекторий. С одной стороны, нанесение смертельных укусов, способность гипнотизировать свою жертву, а также изгибающаяся траектория змеи способствуют интерпретации значения зоонима по формату наблюдения. Но если первые две особенности животного переносятся в область-цель интерпретации без формирования вторичного значения своих обозначающих, то такое качество передвижения змеи как ‘изворотливость’ формирует вторичное значение в абстрактной сфере понятий – ‘уклонение от правды’, ‘кривизна души’. С другой стороны, зооним *Schange* встречается в Священном Писании, в книге Бытия [Gen. 3, 1], то есть интерпретация значения осуществляется по ассоциативному формату.

Таким образом, зооним обнаруживает два первичных значения в сферах «животный мир» и «Библейские персонажи» и одно вторичное в сфере «человек» как результат интерпретации одного из первичных значений зоонима, что определяет несколько возможностей интерпретации. Если быть более точным в терминологии, следует заметить, что лексема со значением в области «Библейские персонажи» обнаруживает в своем составе уже не зооним, а библионим, поскольку референтом первичного значения последнего является персонаж Священного Писания. Представляется верным, что лексическая единица *Schlange* в составе атрибутивного словосочетания *alte Schlage* может обнаруживать все три значения, благодаря чему словосочетание может употребляться в трёх различных смыслах. Практическая реализация в немецкой прессе первичного значения данного словосочетания ‘старая змея’ не была обнаружена.

Исследуемое словосочетание со значением ‘*der Teufel*’ имеется в самой Библии [Offb. 20, 2]. Раскрытие данного значения вне Откровения обнаруживает также следующие характеристики референта: *Es ist der Versucher, **die alte Schlange**, der Lügner vom Anfang, der Verführer, der heulende Löwe, der Tag und Nacht umhergeht, und die Seelen zu verschlingen sucht* [Meyer 1759: 105].

Перенос значения в когнитивную сферу «человек» был обнаружен в политически-ориентированной газетной статье, в которой референтом словосочетания стал немецкий политик Э. Штойер: *Er ist schon **eine alte Schlange*** <…> *früher hat er sich für den Strauß zerrissen, heute hat er keine Loyalität mehr in sich* [www.zeit.de]. В данной статье речь идёт о его слепом угождении председателю ХСС Ф.Й. Штраусу, после смерти которого Штойер «потерял свою преданность». Далее автором статьи описаны примеры, посредством которых Э. Штойер получает ряд негативных характеристик. Например, после проведенного выступления, по словам одного артиста жанра кабаре, «*Der Stoiber schuldet mir immer noch 15 000 Mark*» [там же], что обеспечивает интерпретацию по признаку ‘нечестность’ в домене «поведение» по формату наблюдения.

В составе словосочетания *giftige Kröte* зооним имеет вторичное значение ‘*Person, die als dumm, widerwärtig, bösartig angesehen wird*’ [duden.de], что опре-

деляет область-цель интерпретации зоонима – «человек». Интерпретация значения данного зоонима осуществляется по формату перцепции, основываясь на признаках, которые характеризуют его референта как существо внешне неприятное, вызывающее отторжение. При этом негативное восприятие физических характеристик животного посредством интерпретации иллюстрирует перенос из области внешних характеристик также в сферу моральных качеств личности и особенностей её поведения, например, *Seine Gegner schätzten ihn allerdings weniger hoch; sie bezeichneten ihn als „Antichrist“, als „**giftige Kröte**“ oder einfach als „Hurensohn“* [dwds.de], где прочие характеристики референта показывают высокую степень негативной характеристики.

Итак, атрибутивные сочетания, обе части которых имеют определенную оценочную характеристику, иллюстрируют разнообразное сочетание данных оценок их в составе, а также их изменение при употреблении идиомы в определенном контексте. Таким образом, интерпретация значений зоонимов в составе различных словосочетаний осуществляется преимущественно по форматам перцепции и наблюдения и относится к характеризующему типу, в большинстве случаев с отрицательной оценкой.

2.5. Интерпретация значений зоонимов в составе сравнительных конструкций с союзом *wie*

Как было отмечено в теоретической главе, репрезентация знаний, направленная на сопоставление двух сущностей, основана на мыслительной операции сравнения, а в зависимости от степени категоричности утверждения возможна их вербализация посредством фигур метафоры и сравнения. Установление аналогий между двумя сущностями a priori предполагает использование когнитивного механизма метафоры, однако действие когнитивной метонимии в редких случаях представляется возможным. Формальная истинность сравнения предполагает наличие у зоонима первичного значения, то есть языковые конструкции сравнения не предполагают вторичную номинацию, хотя возможность ме-

тафорической вербализации того же знания в случае идентификации прототипических признаков животного дает возможность говорить о *потенциале* интерпретации значения зоонима, (ср. *Herr Wundermann ist schlau, wie ein Fuchs-1 (=Tier)* и *Herr Wundermann ist ein Fuchs-2 (= Mensch), [weil er schlau ist]*). На наш взгляд, вербализация структур такого типа предполагает функционирование когнитивного механизма образного сравнения, обнаруживающего тесную связь с когнитивной метафорой.

Список исследованных сравнительных конструкций и способы интерпретации зоонимических единиц в их составе представлен в **приложении Д**, где показано также их лексикографическое толкование и разделение по формальной структуре. Стоит обратить внимание на то, что в отличие от композитов, денотатами которых выступал широкий спектр сущностей мира, сравнительные конструкции в абсолютном большинстве случаев предполагают сопоставление опорного знания с человеком.

Итак, обратимся к группе *существительное + wie + зооним + haben.*

Выражение *Augen wie ein Luchs haben (иметь зрение, как у рыси)* предполагает установление аналогии между зрением рыси и характеризуемого субъекта, что указывает на скрытую метонимию ОРГАН *вместо* ФУНКЦИИ, а значение зоонима получает потенциальную интерпретацию по формату наблюдения. В качестве примера употребления выражения можно рассмотреть рассуждения о человеческой природе Й. Тетенса, утверждающего, что *«Der Wilde riechet oft feiner als ein Spürhund, siehet mit seinem* ***Auge wie ein Luchs****, und kommt an Geschicklichkeit zu schwimmen den Fischen gleich. Die Seele, die sich nur an Einer oder an wenigen Seiten entwickelt, kann ihre ganze Macht in dieser Richtung anwenden»* [Tetens 1777: 617]. В данном случае зоркость зрения постулируется как одно из основных преимуществ человеческой физиологии.

Исключает метонимические отношения выражение *Gedächtnis wie ein Elefant haben (иметь память, как у слона),* поскольку сравнение направлено на сопоставление признаков абстрактной вербализированной сущности (*Gedächtnis*) в аналогичных проекциях на животное и на человека, однако потенциаль-

ная интерпретация значения зоонима осуществляется также по формату наблюдения. Примечателен, однако, один из примеров речевого использования выражения, который конкретизирует аспекты проявления такой памяти: *In dieser Hinsicht hat er* ***ein Gedächtnis wie ein Elefant****, er vergißt keinen Tort, kein kritisches Wort, kein Aufbegehren* [dwds.de], тем самым еще раз подчеркивая тезис об относительном хаарктере оценок, то есть память, которая способна долго хранить в себе определенную информацию, может быть интерпретирована некоторым субъектом в определенной ситуации с отрицательной стороны.

Следующая группа *прилагательное + wie + зооним* предполагает сравнение некоторого качества денотата зоонима с качеством характеризуемого субъекта. Некоторые сравнительные обороты являются эквивалентами сложных прилагательных, например, *stark wie ein Bär – bärenstark* и др.

Выражение *schwarz wie ein Rabe (черный, как ворон)* имеет в качестве аналога репрезентации того же знания прилагательное *rabenschwarz*. Однако вторичное значение сравнительного оборота иллюстрирует переосмысление признака ‘черный’ от обозначения ахроматического оттенка до ‘очень грязный’. Интересен следующий контекст: *Der Finanzminister Rabe ist wirklich* ***schwarz wie ein Rabe****; ob er auch die glänzenden Sachen, wie ein Rabe, bei Seite zu tragen gewohnt ist, das habe ich noch nicht erfahren können* [deutschestextarchiv.de], в котором присутствует языковая игра, основанная на омонимичности антропонима и зоонима, что создает образность в описании внешнего вида министра.

Также сравнение *müde wie ein Hund (усталый, как собака)* соответствует прилагательному *hundemüde*. Мотивированность значения может иметь несколько основ. Во-первых, близость собаки к человеку, а также эксплуатация её в качестве транспорта, во-вторых, потребность собаки в 16-часовом суточном сне, что делает возможным частое наблюдение за животным, пребывающим в состоянии сна. Данный оборот передает состояние автора, описывающего свои путешествия: *Es fehlte mir der Appetit zum Essen und ich legte mich gleich zu Bette. Ich war* ***müde wie ein Hund*** *und schlief wie ein Gott* [Heine 1826: 126].

Оборот *arm wie eine Kirchenmaus (бедный, как церковная мышь)* является фактически уточнением смысла прилагательного *mäusearm* за счет топологической детерминации через компонент *Kirche,* поскольку мотивированность значения данных языковых единиц объясняется сложностью добычи еды мышами, живущим в церквях, хотя в проекции на человека это выражение указывает скорее на финансовые сложности, например, в предложении *Das Mädchen war sehr hübsch, gesund und unbescholten, aber* ***arm wie eine Kirchenmaus*** [dwds.de] внешняя красота девушки противопоставляется её бедности.

Интересен оборот *glatt wie ein Aal (скользкий, как угорь),* поскольку он в отличие от прилагательного *aalglatt* сохраняет только переносное значение признака ‘скользкий, изворотливый’. Например, сравнение присутствует при описании поведения вора: *Nur ein einziges Auge hatte mit einem halben Blicke wahrnehmen können, wie der alte Dieb* ***glatt wie ein Aal*** *in einen Viktualienkeller glitt* [dwds.de], при этом глагол *gleiten* подчеркивает репрезентируемый признак. В данном случае потенциальная интерпретация значения осуществляется по формату осязательной перцепции, однако переосмысление признака предполагает также наблюдение за референтом, характеризуемым данным сравнительным оборотом с переосмысленным прилагательным.

Интерпретирующий потенциал значения зоонима *Lamm* в сравнительном обороте *sanft wie ein Lamm (кроткий, как ягненок)* во многом обусловлен ассоциативной характеристикой данным зоонимом Спасителя (das Lamm Gottes), поскольку Он, как ягненок, безропотно пожертвовал Собой ради других людей. Кротость как неотъемлемая характеристика денотатов зоонима вызывает некоторые сомнения ввиду того, что взрослой особи мужского пола (т.е. барану) она не свойственна, что наглядно показывают выражения *Streithammel, Neidhammel, blöder Hammel* и проч. Ассоциативная связь ягненка со Спасителем показана в следующем контексте: *Es kommt kein Sterbenswörtchen davon über meine Lippen und ich schmolle und grolle gar nicht darüber; denn ich bin* ***sanft, wie ein Lamm, sanft wie das Lamm Gottes****, das der Welt Sünden trägt* [Hundt-Radowsky 1823: 318], где автор иронизирует по поводу призывов монахов исповедоваться у них

ради денежного вознаграждения, вследствие чего оценка субъекта меняется с положительной на отрицательную.

Разная оценка может быть присвоена субъектам, характеризуемым оборотам *stumm wie ein Fisch (нем, как рыба),* т.к. обозначенный прилагательным признак не имеет изначально определенной оценочной семы. Так, следующий пример является иллюстрацией отрицательной оценки признака: *Ein höflicher Herr wird nicht* ***stumm wie ein Fisch*** *mit seiner Dame tanzen, sondern auch dann, wenn sie ihm fremd ist, ein wenig Konversationtreiben* [dwds.de], иной контекст показывает отсутствие оценочной характеристики: *Man sollte sich gleich bei der ersten Begegnung am Tisch miteinander bekannt machen, denn man wird sich ja kaum während des ganzen Urlaubs* ***stumm wie ein Fisch*** *verhalten* [dwds.de], в то время как характеристика этим оборотом героини сказки братьев Гримм «Die sechs Schwäne», которая не должна была разговаривать шесть лет ради спасения братьев, имеет положительную оценку: *Aber es antwortete nicht und blieb* ***stumm wie ein Fisch****; doch weil es so schön war, daß er meinte niemals jemand schöneres gesehen zu haben, ward sein Herz gerührt von großer Liebe* [Grimm 1819: 247], что также показано иными вербализированными характеристиками девушки.

Стоит всё же заметить, что признак ‘*stumm*’ в реальности не является характерным для определяемых областью-источником представителей животного мира, поскольку у современных ихтиологов не вызывает сомнений способность рыб издавать широкий спектр звуков разных частот, которые не могут быть услышаны человеком, потому что звуковая волна попадает в его внутреннее ухо различными способами в воде и в воздухе, при этом восприятие звука в воздухе значительно выше. Таким образом, определение рыб как немых существ связано с физиологией человеческого уха, а не с реальными фактами.

Третья группа сравнительных оборотов имеет структуру *глагол + wie + зооним* и является наиболее многочисленной, поскольку в отличие от существительных и прилагательных, способных содержать зоонимический компонент, глаголы с несколькими корнями не являются характерными для немецкого язы-

ка, ср. *Augen wie ein Luchs haben → Luchsauge, luchsäugig, schwarz wie ein Rabe → rabenschwarz, ein schwarzer Rabe* и *brüllen wie ein Stier → *srierbrüllen.*

Тем не менее, многие сравнительные обороты мотивированы теми же признаками представителей животного мира, посредством которых осуществляются вербализации образных сравнений в иных выражениях: ср. *leben wie ein Hund* и *Sauhund, Schweinhund, Hundefraß* и проч.

Негативная оценка действия в сравнительном обороте *leiden wie ein Hund (страдать, как собака)* основана, однако, не на отрицательном отношении к животному, а скорее является образным сравнением с покорными жестами, печальными глазами и громким скулежом собаки. Контекстные употребления выражения указывают на то, что сравниваемые со страданиями собаки переживания субъектов могут иметь как очень серьёзные основания, например, разлука с сыном: *Mein Sohn ist vor Kurzem ausgezogen und ich* ***leide wie ein Hund*** [dwds.de], или достаточно серьёзные, как неудовлетворенность рабочим местом: *Ich* ***litt wie ein Hund*** *in dem ersten Jahr, in dem ich noch gezwungen war, in diesem Layout zu arbeiten* [dwds.de], так и отнюдь не серьёзные: *Klaus* ***litt wie ein Hund*** *unter dem sexuellen Entzug* [dwds.de].

Примечателен сравнительный оборот *aufpassen wie ein Schießhund (быть начеку, как охотничья собака),* поскольку в отличие от указанных выражений действие собаки, а также характеризуемого данным выражением субъекта рассматривается изначально как положительное, например, при характеристике обучающегося немецкому языку человека, который внимательно следит за речью носителей языка: *Wie* ***ein Schießhund paßt*** *er* ***auf****, wenn Deutsche miteinander reden, und fügt das, was er mehrfach sagen hört und was ihm darum als allgemein üblich und für die Umgangssprache wichtig erscheinen muß, dem eignen Wortschatz ein* [dwds.de]. Ввиду того, что постулирование внимательности охотничьей собаки интерпретирующим субъектом достигается за счет помощи последней в охоте, то можно определить формат интерпретации как операциональный опыт.

Также положительная оценка действия животного стала основой сравнительного оборота *arbeiten wie ein Pferd (работать, как лошадь)*, что показыва-

ют также многочисленные контекстные употребления, например: *Als Frau in der CDU mußt du denken wie ein Mann, arbeiten wie ein Pferd und aussehen wie eine Dame* [dwds.de], *Um die Ehe zu retten, hatte er* ***gearbeitet wie ein Pferd*** *und überdurchschnittlich gut verdient* [dwds.de], *„Er* ***arbeitet wie ein Pferd****“, sagen seine Mitarbeiter und nennen ihn respektvoll „Großmeister“* [dwds.de].

Более частотны случаи потенциальной интерпретации значений зоонимов, сопровождающиеся выделением отрицательных характеристик сопоставляемых субъектов. Так, представление о низком уровне интеллекта представителей парнокопытных рождает ряд сравнительных оборотов типа *dastehen wie der Ochs am Berg, dastehen wie die Kuh vorm neuen Tor, dastehen wie die Kuh, wen's donnert (*ср. рус. *смотреть, как баран на новые ворота).* В данном случае потенциальная интерпретация значения осуществляется скорее по формату ассоциации, чем наблюдения.

Интересен следующий пример употребления данного выражения: *Da plötzlich standen wir still,* ***wie der Ochs am Berge****, doch nicht vor einem Berge, sondern vor einem wohl 100 bis 150 Meter tiefen Abgrund, über den der Bach sich tosend hinunterstürzte* [dwds.de], в котором онтологическое родство препятствий (Berg и Abgrund) порождают изначально несвойственный изоморфизм данного оборота, вследствие чего у сравнения появляется яркая образность (Ochs и wir).

Сравнение действия с несколькими животными было обнаружено в синонимичных выражениях *schlafen wie ein Bär/ Dachs/ Murmeltier/ Ratte/ Hund (= крепко спать),* однако мотивация выбора данных зоонимов не является универсальной. Сравнение с медведем основано на его крепком и продолжительном зимнем сне, барсук является единственным представителем куньих, впадающим в зимнюю спячку, сурок проводит во сне 2/3 жизни, домашней крысе требуется 13-часовой сон, а собаке, как было отмечено, 16-часовой. Контекстные употребления данных выражений подчеркивают положительное отношение ко сну, например, при описании сна героя книги «Der grüne Heinrich»: *Heinrich* ***schlief wie ein Murmelthier*** *bis zwölf Uhr des anderen Tages* [Keller 1825: 326], при пожелании перед сном: *Geht nach Hause und* ***schlaft wie die Ratten*** *und*

träumt tugendhaft [Lewald 1843: 17] или при описании физического состояния: *Ich schlafe **wie ein Murmeltier** und fühle mich gesund wie noch nie* [dwds.de].

Среди исследованных сравнительных оборотов были обнаружены также примеры с нейтрализацией образного сравнения за счет сопровождающего прилагательного, например, *schwimmen wie eine bleierne Ente (плавать, как свинцовая утка),* в котором прилагательное *bleiern* способствует обратному пониманию опорного знания. Так, отрывок из спортивного репортажа: *...die Schwimmerin Hannah Stockbauer, die in Fukuoka bei den Weltmeisterschaften mit ihren beiden Siegen über 800 und 1500 Metern den Ruf der deutschen **Schwimmer** als **bleierne Enten** und Erpel korrigierte* [dwds.de] иллюстрирует сравнение неудачливых немецких пловцов со свинцовыми утками, в то время как спортсменка Ханна Штокбауэр выступает потенциальной целью окказиональной метафоры *Ente = guter Schwimmer.* Для справедливости стоит отметить, что в данном контексте вместо союза *wie* употреблен союз *als,* что обусловлено построением предложения, возможно, во избежание тавтологии (ср. *Schwimmer, die wie eine bleierne Ente schwimmen*), однако данная формулировка не изменяет области источника и цели образного сравнения (*bleierne Ente → deutsche Schwimmer*).

Нейтрализацию когнитивного механизма в потенциальной интерпретации значения зоонимического компонента как следствие косвенной номинации следует отличать от примеров сравнений с ложным признаком переноса. Так, ложные представления о том, что обезьяны сильно потеют, породило сравнительный оборот *schwitzen wie ein Affe (сильно потеть),* формирование значения которого можно также объяснить как реализацию негативного оценочного потенциала значения зоонимического компонента *Affe,* делающего возможным его сочетание с глаголом преимущественно негативной семантики. Однако в случае отсутствия негативной оценки характеризуемого субъета данный тезис не может быть правомерным: *Über dem Geldgürtel trug ich einen ausgebeulten Pullover meines Bruders, und darüber einen wollenen Poncho, so daß ich, zu allem übrigen, noch **schwitzte wie ein Affe*** [dwds.de].

Также ложный стереотип о том, что страусы прячут голову в песок, чтобы скрыться от опасности, лег в основу сравнительного оборота *den Kopf in den Sand stecken wie der Vogel Strauß (засовывать голову в песок, как птица-страус),* тогда как реальной причиной такого поведения птицы становится частое копание в земле в поисках пищи.

Практическое употребление данного выражение показало варианты его модификации, например, без обстоятельства *in den Sand: Er ist ferner nicht bloß Heuchelei, nicht grobe Verlogenheit; denn er lügt in der Regel nicht geradezu, sondern zieht es vor, die Wahrheit zu umgehen, ihr auszuweichen, **wie der Vogel Strauß** vor einem nahenden Feinde **den Kopf** vor ihr zu **verstecken*** [dwds.de]. Данный пример четко указывает на отрицательный знак потенциальной характеризующей интерпретации, поскольку для описываемого референта фактическим врагом становится правда (*Wahrheit*). Описание уклонения от правды данным оборотом является не единичным случаем, например, нежелание слышать правду свойственно также герою статьи из газеты «Europa. Wochenschrift für Kultur und Politik»: *Er macht es **wie der Vogel Strauß**, er will die Wahrheit nicht hören, er schimpft auf das schlechte Klima – ohne die angestammte Trägheit in der Annahme neuer Produktionsmethoden einzusehen* [dwds.de].

Сравнительный оборот *sich [drehen und] winden, krümmen wie ein Aal (вращаться, извиваться, как угорь)*, как и иные языковые структуры с данным зоонимическим компонентом, основан на переосмыслении признака ‘скользкий’, получающего способность к обозначению качества изворотливого, хитрого человека. Данное выражение используется в речи в большинстве случаев для характеристики манер разговора: *Er ist mithin nicht der Philanthrop, als der er sich sieht („Ich habe mich die ganzen Jahre **gewunden wie ein Aal**, wenn vom Preis die Rede war“), sondern der größte Profiteur des staatlich organisierten Handels mit Landeskindern* [dwds.de], *Da **windet sich** der echte Kobayashi **wie ein Aal**: "Da es noch keine Beweise gibt, kann ich weder ja noch nein sagen"* [dwds.de].

Также некоторое переосмысление действия наблюдается при потенциальной интерпретации зоонима в сравнении *strahlen wie Maikäfer (светиться,*

как майский жук), поскольку при характеристике жука глагол указывает на излучение света, тогда как описание человека констатирует выражение радости.

В списке исследуемых сравнений можно обнаружить синонимичные выражения *stehlen wie ein Rabe (воровать, как ворон)* и *stehlen wie eine Elster (воровать, как сорока),* при этом выбор первого зоонима объясняется умом и умелостью воронов, выбор второго заключается в склонность сорок собирать блестящие предметы. Однако оба случая ввиду семантики глагола показывают отрицательную оценку действия субъекта: *Der Junge ist renitent, er lügt und* ***stiehlt wie ein Rabe*** [dwds.de], *Eine Katze von uns* ***stiehlt wie eine Elster*** *- sobald man vom Einkaufen kommt und die Tüten ausräumen will, hat sie was gestohlen, es unter die Couch gezerrt und gefressen* [redensarten-index.de].

Были найдены также выражения с противоположными значениями: *sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenen (чувствовать себя, как рыба на сухом)* и *sich fühlen wie ein Fisch im Wasser (чувствовать себя, как рыба в воде),* основанные на фактах понижения или повышения уровня жизнеспособности рыбы в зависимости от её местонахождения, что показывает языковая репрезентация данных выражений, например: *Es konnte geschehen, daß sie sich in der einen Stunde munter* ***wie ein Fisch im Wasser fühlte****, um ein paar Minuten später völlig zusammenzuklappen* [dwds.de].

Последняя группа *wie + зооним* является наиболее произвольной в языковой репрезентации, поскольку сочетания союза *wie* возможны с обозначением практически любого объекта, в том числе и животного (например, образное сравнение участников диалога, пытающихся договориться о сделке: *Aber Blumenthal wusste ebenso, dass seine Stärke hinter seinem Schreibtisch lag. Er setzte eine Brille ab un ging mich jetzt erst richtig an. Wir kämpften* ***wie ein Tiger mit einer Pythonschlange****. Blumenthal war der Python* [Remarque 1991: 114]), однако некоторые образные характеристики животных позволили лексикографическому закреплению данных выражений. Так семантика прилагательного в сравнительном обороте *wie ein geprügelter Hund (как избитая собака)* устанавливает основу потенциальной интерпретации выражения, с одной стороны, на основе жа-

лостливого отношения к животному, с другой стороны, на основе презрительного отношения к собаке, для которой допустимы физические наказания: *Deutschland schlich sich aus dem Turnier* ***wie ein geprügelter Hund*** [dwds.de].

Семантика причастия *begossen* также определяет общее значение сравнительного оборота *wie ein begossener Pudel (как политый [промокший] пудель),* при этом значение ‘не знающий, что сказать после обвинений’ указывает на то, что первичное значение прилагательного не функционирует в отношении характеризуемого субъекта. Однако рассматривать данное сравнение как пример с переосмыслением признака переноса не совсем корректно ввиду отсутствия соответствующего значения у прилагательного, указывающего на потерю речи как следствие чувства стыда. Это позволяет сделать вывод о том, что основой для формирования вторичного значения данного выражения является аналогия несчастного, жалкого состояния пуделя, временно потерявшего красоту своей шерсти из-за воздействия воды с несчастным, жалким состоянием человека, временно потерявшим способность говорить из-за порицаний (ср. рус. *обтекать от стыда*). Контекстное употребление выражения демонстрирует расширение сферы его номинации, поскольку не всегда речь идет о человеке и о потере дара речи, например, описание состояния сторонника атомной энергетики не предполагает необходимо указание на неспособность выговаривать слова, а скорее на чувство престыженности: *Durch die nukleare Katastrophe in Japan stand der eiserne Verfechter der Verlängerung der Atomlaufzeiten* ***wie ein begossener Pudel*** *da* [dwds.de]. В следующем примере первая часть предложения описывает суть состояния государства: *Und der Staat steht blöd da,* ***wie ein begossener Pudel*** [dwds.de].

Сходство первичного значения с данным сравнительным оборотом имеет выражение *wie eine gebadete Maus (как искупавшаяся мышь),* обозначающее, в отличие от предыдущей идиомы, полностью промокшего человека, что говорит о сохранении значения признака переноса, как, например, в следующем описании: *Ich hielt mich krampfhaft am Mastbaum fest und wurde klitschnaß von den Brechern* ***wie eine gebadete Maus*** [dwds.de].

Заслуживают внимания синонимичные выражения *wie ein Bär (как медведь)* и *wie die Sau (как свинья)*, значением которых является ‘*очень, в высокой степени*’, основанием для потенциальной интерпретации значений зоонимических компонентов являются разные факторы.

Выражение *wie ein Bär* является примером образного сравнения с переосмыслением признака переноса, поскольку признак ‘большой’ при функционировании первичного значения указывает на размер, а во вторичном значении – на высокую степень, что говорит о действии формата зрительной перцепции при потенциальной интерпретации зоонимического компонента.

Формирование значения сравнительного оборота *wie die Sau* можно рассмотреть с двух точек зрения: во-первых, зооним может выполнять усилительную функцию на основе негативной оценки его денотата, во-вторых, в основе может лежать аналогия с быстрой скоростью кабанов, убегающих от охотника, вследствие чего признак *‘интенсивный’* в первичном значении характеризует скорость животного *(= быстрый),* во вторичном – степень проявления *(=проявляющийся с большой силой).* В данном случае потенциальная интерпретация осуществляется по формату наблюдения, с сохранением негативной оценки происходящего, например: *“Den Spieler monatelang* ***wie die Sau*** *durchs Dorf zu treiben, ist nicht gerade Ausdruck seriösen Beratergebarens“, sagte der DFVV-Geschäftsführer Gregor Reiter dem Onlineportal Sport* [dwds.de].

Интересны для сравнения значения ‘плохо’ и ‘очень’ выражения *wie eine gesengte Sau (как опаленная свинья)*, ввиду того им соответствуют представленные варианты толкования значения предыдущего сравнительного оборота.

Сравнительный оборот *wie ein Elefant im Porzellanladen (как слон в посудной лавке)* характеризует поведение с причинением ущерба из-за неуклюжих, грубых действий, что указывает на формат наблюдения, по которому осуществляется потенциальная интерпретация значения зоонима, а также её характеризующий характер. В качестве примера использования оборота в речи можно привести слова противника антисемитизма и нацистского режима Мальтэ Людольфа Франца Ойгэна фон Путбуса: *... das deutsche Volk sei das dümmste Volk*

auf der ganzen Erde und seine Führung treibe heute eine Politik, als ob ***ein Elefant im Porzellanladen trample*** [Götz 2003: 59], в которых автор образно сравнивает вред от политического режима с поведением неуклюжего слона.

Основа для сравнения *wie ein Storch im Salat (как аист в салате)*, характеризующего жесткую, неловкую походку, лежит в семантике зоонимического компонента, происходящего от индоевропейского корня *ster – ‘жесткий’*, то есть птица названа прямо в честь ходульной походки [redensarten-index.de]. Контекстное употребление выражения показывает присвоение негативной характеристики референту: *Henning Wehn steht auf der Bühne* ***wie ein Storch im Salat,*** *er erträgt für einige Sekunden seinen eigenen schlimmen Witz, er riskiert die Lächerlichkeit, Traurigkeit, Einsamkeit* [dwds.de].

В ходе анализа языкового материала были обнаружены также сравнительные обороты иных структур, например, выражение *an jmdm. ablaufen wie das Wasser an der Gans (стекать, как вода с гуся)*, характеризующее безразличного, равнодушного человека. Будучи отчасти противоположенным в своем первичном смысле прямому значению оборота *wie ein begossener Pudel,* сравнение основано на аналогии ненамокания гуся из-за действия копчиковой железы и невникания человека в чужие проблемы из-за безразличия к окружающим.

Сравнительные обороты *sehen, wie der Hase läuft (видеть, как бежит заяц)* и *wissen, zeigen, wie der Hase läuft (знать, показывать, как бежит заяц)* основаны на опыте охотников по распознаванию направления бега зайца, и посредством расширения своей семантики получили возможность описания развития или необходимости осуществления любых вещей. Языковая вербализация значения первого выражения может также содержать наречие *wohin,* например, в переводе речи Н.С. Хрущева: *„Die Funktionäre“, erklärte Chruschtschow, „sehen nicht, wohin der Hase läuft“* [dwds.de].

Наконец, обратимся к выражению *wie vom wilden Affen gebissen sein (как будто быть укушенным дикой обезьяной),* характеризующему, во-первых, полностью сумасшедших людей, во-вторых, неадекватно среагировавших на что-либо. В речевом употреблении наличие диагноза не всегда очевидно, например,

К. Тухольский использует данное выражение для описания героя, о котором повествует единственный абзац из рассказа: *Zwischen Basel und Bern habe ich ihn einmal einem schrecklichen Kerl unter den Sitz geschoben, der fuhr auf,* ***wie vom wilden Affen gebissen****, und warf Zippi in die Ecke* [textlog.de]. Появление данного сравнительного оборота можно объяснить с двух сторон. Во-первых, сам зооним *Affe* передает негативную оценку на основе представления об обезьяне как о карикатуре на человека, что говорит о потенциальной интерпретации по формату наблюдения, а во-вторых, прецедентом могла стать смерть короля Греции Александра I в 1920 году от заражения крови после укуса его любимой обезьяны [redensarten-index.de], что указывает на потенциальную интерпретацию значения зоонима по формату экспериенциальных эффектов.

Особо следует выделить случаи употребления рассмотренных лексикографически зафиксированных атрибутивных словосочетаний в сочетании с союзом *wie,* вследствие чего они становятся частью сравнительного оборота. Фактически формат интерпретации и её тип не изменяются посредством данного союза, однако выражение приобретает более мягкий характер модальности.

Например, текстовое употребление словосочетания *lahme Ente* с *wie* способствует более деликатной характеристике политика: *Verglichen mit der Kreativität und Dynamik Adenauers wirkt Hindenburg allerdings wie* ***eine lahme Ente****, und während Adenauer im Alter von 85 immer noch aufs Tempo drückt, hat bei Hindenburg schon des längeren ein physischer und intellektueller Verfall eingesetzt* [Schwarz 2004: 38]. Здесь креативность и динамичность К. Аденауэра сравнивается с физическим и интеллектуальным упадком П. Гинденбурга. Возможность употребление данного словосочетания стимулируется также указанием на сохранение темпа жизни Аденауэра несмотря на возраст, благодаря чему противопоставление получает образность.

Интересен пример сравнения с «сорокой-воровкой» Венеции: *Republik Venedig hat wie* ***eine diebische Elster*** *aus aller Welt glänzende Bruchstücke stibitzt, um sich ihr Nest zu bauen und zu schmücken* [dwds.de]. Возможность метафорического переноса в данную область-цель возможно по причине фактического пре-

бывания в Венеции людей, то есть в более детальном смысле интерпретированным объектом выступает не целое место, а определенная группа людей, влияющих на политико-экономическое состояние республики, что является возможным благодаря метонимии МЕСТО *вместо* ОБИТАТЕЛИ. Стоит также отметить, что союз *wie* определяет функционирование первичного значения, что говорит о потенциальном характере интерпретации по формату наблюдения в домене «поведение» с областью целью «республика».

Практическая реализация словосочетания *giftige Kröte* в составе сравнительного оборота обнаружила перенос значения в когнитивную сферу «неживая природа» на туман: *Tagsüber lag er dicht und schwer wie eine **giftige Kröte** über der feindlichen Stadt und schützte sie vor unsern Blicken* [Perutz 1915: 64]. В данном случае скрытие из вида вражеских городов отрицательно характеризует с точки зрения автора описанное явление, интерпретация осуществляется по формату перцепции. Но если характеристику ‘тяжелая’ для жабы определяет её размер относительно других представителей своего биологического семейства, например, лягушки, то понятие ‘тяжелый туман’ представляется аналогичным по значению словосочетанию ‘густой туман’, что определяется, таким образом, не размером, а плотностью тумана. В данном словосочетании оба компонента обладают отрицательной характеристикой, что точно определяет тип интерпретации как характеризующий со знаком «-».

Таким образом, переосмысление значений зоонимов и их перенос из когнитивной области «животный мир» иллюстрирует богатый интерпретирующий потенциал значений зоонимической лексики. Областью-целью часто выступает либо сам человек, либо сфера бытия, связанная с его жизнедеятельностью. Типом интерпретации является в большинстве случаев отрицательная характеристика, что объясняется более низкой биологической организацией животных относительно человека, в первую очередь, их более низкими интеллектуальными способностями. Но и положительные с точки зрения человека черты животных послужили основой для формирования вторичных значений зоонимов как в составе словосочетания, так и вне его.

ВЫВОДЫ ПО ГЛАВЕ 2

1. Композитом является выражение, состоящее минимум из двух свободно встречающихся морфем. Выделение различных видов композитов базируется, во-первых, на сочинительном или подчинительном характере связи между составными частями, а во-вторых, на соответствии или несоответствии значения грамматической главы композита значению всего композита. Определение косвенного характера номинации зависит не от принадлежности к экзоцентрическим образованиям, а от отсутствия вторичного значения переосмысляемого в композите компонента.

2. Значение существительных характеризуется семантической комплексностью и абсолютной номинативной ценностью, а их функциональная подвижность способствует расширению выразительных возможностей. Номинативная ценность имен прилагательных с внеязыковыми объектами опосредована семантикой определяющего слова. Именно структура словосочетаний *прилагательное + существительное* формирует целостное образование в сознании из-за взаимообусловленного отношения между данными частями речи.

3. Переосмысление значения зоонима в составе сложных фитонимов является результатом идентифицирующей интерпретации. Среди семантических структур фитонимов, обозначающих растения, были обнаружены группы *зооним + фитоним, зооним + соматизм, зооним + обозначение артефакта, зооним + обозначение действия животного, зооним + соматизм + фитоним,* а также примеры с иной структурой, при этом первая группа является наиболее многочисленной. Структурами фитонимов, обозначающих грибы, являются *зооним + фитоним, зооним + соматизм* и *зооним + обозначение артефакта.* Доминирующим форматом интерпретации в данном случае стала зрительная перцепция. Наиболее частотным когнитивным механизмом является метафора, однако примеры с соматизмом в структуре демонстрируют функционирование метафтонимии.

4. Внутренний вектор интерпретации значений зоонимов представлен примерами обозначений представителей животного мира, содержащих переосмысляемый зооним в своем составе. Большинство найденных примеров распределяется по группам *зооним + зооним, зооним + соматизм, зооним + обозначение исполнителя действия, обозначение артефакта + зооним,* в количественном отношении лидирует первая группа. Форматы интерпретации значений зоонимов в составе зоонимов обнаруживают большее разнообразие, однако ее типом является также идентификация, а доминирующим когнитивным механизмом – метафора.

5. В противоположность двум предыдущим группам обозначение человека композитом с компонетом-зоонимом очень часто является результатом характеризующей интерпретации значения последнего, чаще всего с отрицательной оценкой. Наряду со структурами *зооним + то или иное обозначение человека / группы людей* можно отметить *зооним + соматизм, обозначение артефакта + зооним, зооним + обозначение артефакта, обозначение абстрактного понятия + зооним.* Доминирующим форматом становится наблюдение, среди когнитивных механизмов ведущую роль играет метафора, а в структуре *зооним + соматизм* – метафтонимия.

6. Отличными от названных денотатами композитов с зоонимом в структуре стали артефакты, болезни, части тела, черты характера, действия, природа, места, еда, знаки и проч. Несмотря на разнообразие их семантических структур можно выделить группы *зооним + соматизм,* при этом обозначение такими композитами частей тела или иных цельных объектов демонстрирует действие когнитивного механизма метафоры, а не метафтонимии. Разнообразие обозначаемых объектов обуславливает широкий спектр форматов и типов интерпретации.

7. Цель интерпретации значения зоонима в составе сложных прилагательных часто невозможно определить без обращения к конкретному контекстному употреблению прилагательного, поскольку прилагательное обозначает не объект, а его качество. В числе прилагательных структур *зооним + обозначение*

качества и *зооним + производное от соматизма прилагательное* есть примеры с переосмыслением признака переноса, а также случаи, когда зооним в составе прилагательного употребляется не для передачи признаков своего денотата, а для усиления обозначаемого признака, что проявляется в разной степени связи денотатов целого композита и зоонима.

8. Атрибутивные словосочетания с точки зрения оценки разделяются на следующие группы: *1) дескриптивное прилагательное + зооним без вторичного значения; 2) оценочное прилагательное + зооним без вторичного значения; 3) дескриптивное прилагательное + дескриптивный зооним с вторичным значением; 4) дескриптивное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением; 5) оценочное прилагательное + оценочный зооним с вторичным значением*, среди которых в количественном отношении выигрывают первая и пятая группы. Реализация интерпретирующего потенциала значения зоонимов обусловлена контекстным употреблением словосочетания, в большинстве случаев осуществляемой посредством когнитивной метафоры интерпретацией является характеристика с отрицательной оценкой.

9. В сравнительном обороте зооним функционирует в первичном значении ввиду его формальной истинности, однако возможная метафорическая вербализация этого же знания указывает на потенциал интерпретации значения переосмысляемой единицы и использование когнитивного механизма образного сравнения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Лексические категории тематической области «животный мир» являются аналоговыми по отношению к объектам окружающего мира, обозначаемым зоонимической лексикой. Выделение данных категорий осуществляется с точки зрения обывателя посредством перцепции, наблюдения, а также опыта взаимодействия с представителями животного мира, которое становится возможным посредством восприятия автоморфного характера.

Вербализированные в языке знания являются ключом к стоящим за ними смыслам, которые могут подвергаться переосмыслению, благодаря интерпретирующей функции сознания индивида, а также его оценочной деятельности, в связи с чем можно утверждать, что интерпретация опосредована языковыми формами и объективируется в них. Формирование вторичных значений лексем достигается посредством активизации ассоциативного знания на когнитивном уровне и вторичной номинации на языковом. Смысл, сформированный в результате сдвига значения, может соотноситься с внеязыковым рядом автономно или косвенно. Частным случаем такой номинации являются примеры с нулевым экстенсионалом в первичном значении лексемы. Важную роль при определении типа номинации играет наличие или отсутствие вторичного значения зоонима в общей структуре исследуемой языковой единицы.

Интерпретация значений зоонимов осуществляется с помощью когнитивных механизмов метафоры, метонимии, метафтонимии и образного сравнения, при этом базовым когнитивным инструментом структурирования знаний выступает операция сравнения, а ведущую роль среди когнитивных механизмов играет метафора. Несмотря на формальную ложность метафоры, сопоставляемые сущности обладают той или иной степенью онтологического родства, что определяется общим признаком, по которому осуществляется трансформация значения. Наиболее сложны случаи, при которых данный признак применительно к области-цели получает вторичное значение. Метонимия не всегда носит образный характер и достаточно редко встречается в отрыве от метафоры

при формировании вторичного значения. Данные механизмы могут функционировать в совокупности, во-первых, путем разного сочетания метафоры и метонимии, т.е. метафтонимии, во-вторых, как более сложная комбинация, включающая две метафоры или метонимии, а в-третьих, комплексом механизмов применительно к каждой части сложного слова. Число признаков переноса велико, и оно охватывает как внешние, так и абстрактные характеристики.

В числе форматов интерпретации следует особенно выделить перцептивный формат, который формирует концептуальное основание лексических категорий растительного и животного мира, а также формат наблюдения, характерный для композитов, объективирующих когнитивную область «человек». Некоторые случаи показали неоднозначное определение форматов интерпретации, а также неполное соответствие данного формата применительно к области-цели. Наряду с принятыми в теории интерпретации форматами в работе выделяются также форматы пассивного опыта, общей локализации и фактического соответствия. Определение формата интерпретации находит прямую связь с онтологическими особенностями сопоставляемых сущностей.

Послужившие фактическим материалом для исследования композиты являются значимым пластом лексики немецкого языка, а отношения между их частями определяются, в том числе, соответствием или несоответствием значения грамматической главы композита значению всего композита. Последний случай, иллюстрируемый экзоцентрическими образованиями, указывает на переосмысление опорного компонента, что делает возможным перенос значения зоонима из области «животный мир» в иные концептуальные области, например, «растения», «человек», «артефакты» и др.

В каждой концептуальной области выявлены основные структурно-семантические группы, при этом некоторые структуры присутствуют в разных концептуальных областях. Самой сложной с точки зрения когнитивных механизмов в разных исследуемых когнитивных областях представляется структура *зооним* + *соматизм*, поскольку интерпретация значения зоонима в составе композита обеспечивается как механизмом метонимии, которая иллюстрирует

схожесть в частях тела интерпретирующего и интерпретируемого объектов, если производный композит обозначает именуемый объект целиком, так и посредством метафоры, если производный композит указывает на схожесть части тела выступающего в качестве цели интерпретации объекта с целым интерпретируемым объектом.

Интерпретация значений зоонимов в составе номинативных композитов, характеризующих растения и животных, имеет чаще всего идентифицирующий тип, в то время как образование сложных прилагательных и атрибутивных словосочетаний, которые обозначают человека, является результатом характеризующей интерпретации. Так, среди атрибутивных зоонимических композитов были обнаружены прилагательные, которые часто обладают сниженными коннотациями. Исследование атрибутивных словосочетаний с зоонимом в своей структуре показало, что в качестве области-цели в большинстве случаев выступает человек, а типом интерпретации является характеристика с отрицательным знаком. В числе иных сфер, на которые распространяется интерпретирующий потенциал данной лексической категории можно выделить артефакты, части тела, природу, места, знаки и проч. В зависимости от характера обозначаемого объекта были обнаружены случаи как идентифицирующей, так и характеризующей интерпретации с положительным или отрицательным значением.

Исследование семантической структуры сложных прилагательных предполагает необходимость обращения к его контекстному употреблению, поскольку в отличие от существительных денотация прилагательных является более гибкой. В числе исследуемых прилагательных были обнаружены только две группы: *зооним + обозначение качества* и *зооним + производное от соматизма прилагательное,* среди которых есть примеры с переосмыслением признака переноса. Связь денотатов потенциально характеризуемого прилагательным существительного и зоонима может иметь разную степень связанности, что иллюстрирует градацию от случаев, при которых характеризуемый прилагательным объект имеет то же качество, что и животное, выступающее денотатом зоонима, до случаев, в которых выбор зоонима обусловлен исключительно

оценкой животного, преломляющейся под оценку характеризуемого прилагательным феномена окружающей действительности.

Реализация интерпретирующего потенциала значения зоонимов в составе атрибутивных словосочетаний обусловлена их употреблением в контексте, который делает возможным изменения оценки или тонкостей значения словосочетания. В отличие от строго зафиксированных в лексикографических источниках композитов, атрибутивные словосочетания не всегда имеют узуальный характер, выступая в некоторых случаях как окказиональные образования, характеризующие фиксированный круг объектов или субъектов.

Сравнительные обороты иллюстрируют наибольшую произвольность практического употребления, обусловленную возможностью проведения аналогии между различными фрагментами реальности, обладающими разной степенью онтологического сходства. Формальная истинность сравнения позволяет говорить о функционировании первичного значения зоонимического компонента и его потенциала к интерпретации, достигаемого благодаря возможности метафорического употребления эквивалентного знания.

Таким образом, изучение интерпретирующего потенциала лексической категории «животный мир» представляет собой большой научный интерес и широкое поле для исследования. Перспектива данного исследования заключается в моделировании интерпретирующего потенциала значений зоонимов в составе иных языковых структур, в том числе сравнений и фразеологических единиц разных типов.

Список использованной научной литературы

1. Азнаурова, Э.С. Стилистический аспект номинации словом как единицей речи / Э.С. Азнаурова // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 86-128.

2. Алефиренко, Н.Ф. Когнитивная семантика: миф или реальность? / Н.Ф. Алефиренко // Вестник ТГПУ. – 2006. – №5. – С. 43-48.

3. Аристотель. Риторика (перевод с древнегреческого О.П. Цыбенко под ред. О.А. Сычева и И.В. Пешкова). Поэтика (Перевод В.Г. Аппельрота под. ред. Ф.А. Петровского). Соровождающая статья В.Н. Марова. – М.: Лабиринт, 2000. – 224 с.

4. Аристотель. Сочинения в четырёх томах. Том 2. – М.: Мысль, 1978. – 687 с.

5. Арнольд, И.В. Стилистика. Современный английский язык: Учебник для вузов. / Арнольд И.В. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

6. Арутюнова, Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М: Прогресс, 1990. – С. 5-32.

7. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: оценка, событие, факт / Н. Д. Арутюнова; Отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР. Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338, [1] с.

8. Арутюнова, Н.Д. Функциональные типы языковой метафоры / Н.Д. Арутюнова // Известия АН СССР. Сер. Литература и языкознание. – 1978. – Т. 37. – №4. – С. 333-343.

9. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – 2-е изд., испр. / Н.Д. Арутюнова – М.: «Языки русской культуры», 1999. – I –XV, – 896 с.

10. Бабина, Л.В. Вторичная репрезентация концептов в языке: автореф. дис. … д-ра филол. наук: 10.02.04, 10.02.19 / Бабина Людмила Владимировна. - Тамбов, 2003. – 38 с.

11. Бабина, Л.В. Наименования оттенков цвета как результат образной интерпретации мира человеком (на материале наименований модных цветов осень-зима 2012-2013 и 2013-2014 гг.) / Л.В. Бабина // Неофилология. – 2015. – №1 (1). – С. 26-33.

12. Бабина, Л.В. Концептуализация и интерпретация мимических движений в английском языке/ Л.В. Бабина, О.Д. Проскурнич // Вопросы когнитивной лингвистики. 2019. – №1. – С. 12-20.

13. Бабушкин, А.П. Когнитивная лингвистика и семасиология: [монография] / А.П. Бабушкин, И.А. Стернин. – Воронеж: Ритм, 2018. – 229 с.

14. Багана, Ж. Вторичная номинация тематической группы «Хлебобулочные изделия» (на материале немецкого и русского языков) / Ж. Багана, Я.Ю. Кравец // Вестник ИГЛУ. 2012. №2 (19). – С. 116-120.

15. Багликова, И.В. Композиты в фольклорном тексте: На материале былин Печоры: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Ирина Валентиновна Багликова. – Курск, 2006. – 19 с.

16. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина; Под ред. Е. Г. Эткинда; Вступ. статья Р. А. Будагова. – М.: Изд-во иностр. лит., 1961. – 394 с.

17. Балли, Ш. Французская стилистика / Ш. Балли; пер. с фр. К. А. Долинина; под ред. Е. Г. Эткинда; вступ. ст. Р. А. Будагова. - 2-е изд., стер. - Москва: Эдиториал УРСС, 2001. – 393 с.

18. Бирвиш, М. Насколько линейно упорядоченной является языковая обработка / М. Бирвиш // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXIII. – М.: Прогресс, 1988. – С. 93-153.

19. Блэк, М. Метафора. // Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – М.: Прогресс, 1990. – С. 153–172.

20. Болдырев, Н.Н. Структура и принципы формирования оценочных категорий / Н.Н. Болдырев // С любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.- Воронеж: ИЯ РАН, Воронежский государственный университет, 2002. – С. 103-115.

21. Болдырев, Н.Н. Языковые категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. 2006. – №2. – С. 5-22.

22. Болдырев, Н.Н. Оценочные категории как формат знания / Н.Н. Болдырев // Исследование типов знаний и проблема их классификации: сб. науч. трудов. М. – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 25-37.

23. Болдырев, Н.Н. Когнитивная специфика языковой интерпретации знаний / Н.Н. Болдырев // Казахский Национальный Университет имени КазНУ, Серия филологическая. – Алматы. – № 3 (133). – 2011а. – С. 11-18.

24. Болдырев, Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник ЧелГУ. – 2011б. – №33. – С. 11-16.

25. Болдырев, Н.Н. Концептуализация функции отрицания как основа формирования категории / Н.Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2011в. – №1. – С. 5-14.

26. Болдырев, Н.Н. Роль интерпретирующей функции в формировании языковых категорий / Н.Н. Болдырев // Вестник ТГУ. – 2011г. – №1. – С. 9-16.

27. Болдырев, Н.Н. Когнитивная семантика. Введение в когнитивную лингвистику: курс лекций / Н.Н. Болдырев // М-во обр. и науки РФ, Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина, Рос. ассоциация лингвистов-когнитологов. Изд. 4-е, испр. и доп. Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014а. – 236 с.

28. Болдырев, Н.Н. Роль когнитивного контекста в интерпретации мира и знаний о мире / Н.Н. Болдырев // Вестник ЧелГУ. – 2014б. – №6 (335). – С. 118-122.

29. Болдырев, Н.Н. Языковая репрезентация основных уровней познания / Н.Н. Болдырев, О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2009. – №2. – С. 7-16.

30. Болдырев, Н.Н. Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал / Н.Н. Болдырев, Л.А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №2 (35). – С. 5-12.

31. Бурукина, О.А. Исследование коннотации с позиций когнитивной лингвистики / О.А. Бурукина // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2010. – №3. – С. 35-40.

32. Ваховская, Н.Н. Структурные и семантические отношения в именных адъюнктивных als-, wie-конструкциях в немецком языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Ваховская Наталья Николаевна. – Белгород, 2005. – 22 с.

33. Вежбицка, А. Сравнение – градация – метафора / А. Вежбицка // Теория метафоры: Сборник: Пер. с анг., фр., нем., исп., польск. яз. / Вступ. ст. и сост. Н. Д. Арутюновой; Общ. ред. Н. Д. Арутюновой и М. А. Журинской. – 1990. – С. 133-152.

34. Величковский, Б.М. Психология восприятия / Б.М. Величковский, В.П. Зинченко, А.Р. Лурия. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. – 248 с.

35. Винокур, О.Г. Понятие поэтического языка / О.Г. Винокур // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ, вып.3. – 1947. – С. 3-7.

36. Вольф, Е.М. Функциональная семантика оценки / Е. М. Вольф. - 2-е изд., доп. – М.: УРСС, 2002. – 260, [1] с.

37. Выготский, Л.С. Мышление и речь: монография / Л.С. Выготский; Ред. Г. Н. Шелогурова. – 5-е изд., испр. – М.: Лабиринт, 1999. – 351 с.

38. Гак, В.Г. Высказывание и ситуация / В.Г. Гак // Проблемы структурной лингвистики. – М.: Наука, 1973. – С. 349-372.

39. Гак, В.Г. Теоретическая грамматика французского языка / В.Г. Гак. – М.: Добросвет, 2004. – 861 с.

40. Гак, В.Г. Языковые преобразования / В.Г. Гак. – М.: Языки русской культуры, 1998. – 768 с.

41. Гегель, Г. Сочинения. Том XII / Лекции по эстетике / Г. Гегель // М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1988. – 494 с.

42. Головко, С.Б. Дизайн деловых периодических изданий: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальностям «Графика», «Журналистика», «Информационные технологии в дизайне», «Реклама» / С.Б. Головко. – М.: ЮНИТИДАНА, 2012. – 423 с.

43. Гольдберг, В.Б. Образность как способ концептуализации действительности (на материале образных глагольных сравнений) / В.Б. Гольдберг // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2013. – №1 (34). – С. 64-74.

44. Гольдберг, В.Б. Отражение семиотического и концептуального этапов познания в образном сравнении / В.Б. Гольдберг // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – №1 (42). – С. 25-33.

45. Гольдберг, В.Б. Типологизация лексических категорий на базе парадигматических связей / В.Б. Гольдберг // С. любовью к языку: Сб. науч. трудов. Посвящается Е.С. Кубряковой. – М.: Воронеж, 2002. – С. 141-151.

46. Гумбольдт, В. фон Избранные труды по языкознанию Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Рамишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева / Вильгельм фон Гумбольдт. – М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. – 400 с.

47. Денисова, Г.Л. Когнитивный механизм сравнения в немецком языке: автореф. дис. …д-ра филол. наук: 10.02.04 / Денисова Галина Леонидовна. Самара, 2009. – 34 с.

48. Есин, А.Б. Принципы и приемы анализа литературного произведения: Учебное пособие. – 3-е изд. / А.Б. Есин – М.: Флинта, Наука, 2000 – 248 с.

49. Жаботинская, С.А. Лексико-грамматическая полисемия: класса числительных: когнитивный аспект / С.А. Жаботинская // Мова й дискурс: вимір і вимірювання: міжвузівський збірник наукових праць до 75-річчя з дня народження доктора філологічних наук, професора, академіка Академії вищої школи України Світлани Олексіївни Швачко. – Суми: Вид-во Сум. ДУ. – 2010. – С. 52-61.

50. Залесова, Н.М. Интерпретация текста. Учебное пособие / сост. Т.Ю. Ма, Н.М. Залесова. – Благовещенск: АмГУ, 2012. – 144 с.

51. Зинченко, Т.П. Опознание и кодирование / Т.П. Зинченко. – Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1981. – 183 с.

52. Ильин, В.В. О семантическом треугольнике // Российский гуманитарный журнал. – 2016. – №5. – С. 427-438.

53. Ирисханова, О.К. Дефокусирование и категоризация в комплексных лексических единицах // Когнитивные исследования языка. Вып VII. Типы категорий в языке. – М – Тамбов: ТГУ. – 2010. – С. 78-93.

54. Исакова, И.Н. Система номинаций литературного персонажа: На материале произведений Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, А.А. Фета и Н.А.

Некрасова: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.08 / Исакова Ирина Николаевна. – М., 2004. – 24 с.

55. Каверина, О.А. Модусная категоризация действительности посредством сравнения / О.А. Каверина // Magister Dixit. – 2014. – №3 (15). – С. 37-42.

56. Каверина, О.А. Роль союзов as if/as though в модусной категоризации действительности / О.А. Каверина // Вестник ИГЛУ. – 2011. – №3 (15). – С. 28-36.

57. Калинина, Е.А.Оценка речевых действий человека в современном английском языке: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Калинина Елена Александровна. – Тамбов, 2015. – 23 с.

58. Кант, И. Собрание сочинений: в 8 т.: [перевод] / И. Кант; под общ. ред. А. В. Гулыги. – Юбил. изд. 1794-1994. – М.: ЧОРО, 1994. - (Мировая философская мысль). Т.5: Критика способности суждения. – 1994. – 413 с.

59. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. / В.И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 331 с.

60. Карпенко, Е.И. Лингвокультурологические аспекты немецких зооморфных метафор: На материале современной прессы ФРГ: автореф. дис. ... кандканд. филол. наук: 10.02.04 / Карпенко Елена Игоревна. – М., 2006. – 25 с.

61. Карцевский, С. И. Из лингвистического наследия [Т] II. / Сост., пер., вступ. ст. и коммент. И.И. Фужерон, Ж. Брейар, Ж. Фужерон. – М: Языки славянской культуры, 2004. – 296 с.

62. Кацнельсон, С.Д. Категории языка и мышления: Из научного наследия / С.Д. Кацнельсон. – М.: Языки славянской культуры, 2001. – 864 с.

63. Колодина, Н.И. Теоретические аспекты понимания и интерпретации художественного текста (на материале русского и английского языков: автореф. дисс… д-ра филол. наук: 10.02.19/ Колодина Нина Ивановна. - Воронеж, 2002. – 22 с.

64. Колшанский, Г.В. Объективная картина мира в познании и языке / Г. В. Колшанский; Отв. ред. А. М. Шахнарович; [Предисл. С. И. Мельника, А. М. Шахнаровича]; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1990. – 103,[4] с.

65. Коннова, М.Н. Категоризация темпорального опыта в английском и русском языках: автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20 / Коннова Мария Николаевна. – М., 2018. – 50 с.

66. Кравец, Я.Ю. Общие вопросы и виды номинации / Я.Ю. Кравец; НИУ БелГУ // III Селищевские чтения: материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 125-летию со дня рожд. Афанасия Матвеевича Селищева, Елец, 22-23 сент. 2011 г. / М-во образования и науки РФ, Елец. гос. ун-т им. И.А. Бунина, каф. теории и истории рус. яз.; отв. ред. Т.М. Свиридова. - Елец, 2011. – С. 253-258.

67. Кубрякова, Е.С. Номинативный аспект речевой деятельности / Е. С. Кубрякова; Отв. ред. Б. А. Серебренников; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1986. – 156,[2] с.

68. Кубрякова Е.С. Теория номинации и словообразование. / Е.С. Кубрякова // Языковая номинация: Виды наименований. – М: 1977. – С. 222–303.

69. Кубрякова, Е.С. Типы языковых значений. Семантика производного слова / Е. С. Кубрякова. – М.: Наука, 1981. – 200 с.

70. Кубрякова, Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль яз. в познании мира / Е.С. Кубрякова. - М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 555 с.

71. Кубрякова, Е.С. Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / [Е. С. Кубрякова, А. М. Шахнарович, Л. В. Сахарный]; Отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. - М.: Наука, 1991. – 238,[1] с.

72. Кузоятова, О.С. Основные направления в когнитивных исследованиях метафоры /О.С. Кузоятова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. - 2011. – №4. – С. 119-126.

73. Кухаренко, В.А. Интерпретация текста / В. А. Кухаренко. - 2-е изд., перераб. - М.: Просвещение, 1988. – 188,[3] с.

74. Левушкин, С.И. Общая зоология: [Учеб. для вузов по биол. спец.] / С. И. Левушкин, И. А. Шилов. – М.: Высшая школа, 1994. – 432 с.

75. Локк, Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Нарского. — М.: Мысль, 1985. – 560 с.

76. Лурия, А.Р. Лекции по общей психологии / А.Р. Лурия. — СПб.: Питер, 2006. – 320 с.

77. Лэнекер, Р. Концептуальная семантика и символическая грамматика / Р. Лэнекер // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – №3. – С. 15-27.

78. Магировская, О.В. Интеграция основных видов когнитивной деятельности в рамках процесса познания / О.В. Магировская // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2007. – №4. – С. 119-127.

79. Магировская, О.В. Особенности концептуализации и категоризации мира в рамках когнитивной деятельности наблюдателя / О.В. Магировская // Вестник ЧелГУ. – 2008. – №21. – С. 105-114.

80. Магировская, О.В. Особенности языковой репрезентации субъекта познания на уровне системы языковых категорий / О.В. Магировская // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – №4. – С. 111-115.

81. Магировская, О.В. Терминологическое пространство антропоцентрической категории субъекта познания / О.В. Магировская // Вестник ЧелГУ. – 2013. – №31 (322). – С. 57-59.

82. Малинка, А.В. Лексическая номинация: ономасиологический и когнитивный подходы / А.В. Малинка, О.В. Нагель // Язык и культура. – 2011. – №4 (16). – С. 44-56.

83. Маслова, Ж.Н. Творческое языковое сознание: монография / Ж.Н. Маслова; М-во обр. и науки РФ, Балашовский ин-т (филиал) ФГБОУ ВПО «Сарат. гос. ун-т им. Н.Г, Чернышевского». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2015. – 300 с.

84. Мечковская, Н.Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религии: Учеб. пособие для студентов, обучающихся по спец. "Филология", "История", "Культурология", "Философия", "Теология", "Социальная психология" / Н. Б. Мечковская. - М.: Гранд: Агентство "Фаир", 1998. – 349 с.

85. Миданер Т. Душа Марты-зверя // Хофштадтер Д., Деннетт Д. Глаз разума. — Самара: Издательский Дом «Бахрах-М», 2003. — 432 с.

86. Минский, М. Остроумие и логика когнитивного бессознательного / М. Минский // Новое в зарубежной лингвистике, вып. XXIII. – М.: Прогресс. – 1988. – С. 281-309.

87. Мирзаханова, М.М. Типология конструкций ирреального сравнения в лезгинском и русском языках / М.М. Мирзаханова, Б.М. Мирзаханова // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. – 2015. – №2 (31). – С. 82-84.

88. Нагорная, А.В. Метафтонимия в сфере концептуализации эмоций в современном английском языке / А.В. Нагорная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. – № 11 (29): в 2-х ч. Ч. II. – С. 128-134.

89. Никитин, М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании: Спецкурс по общей и английской лексикологии / М.В. Никитин. – Владимир: Владимирская типография Союзполиграфпрома, 1974. – 223 с.

90. Никитина, М.А. О когнитивном потенциале метафоры в научном тексте / М.А. Никитина // Вестник ИГЛУ. – 2010. – №3 (11). – С. 157-161.

91. Павилёнис, Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

92. Панасенко, Л.А. Проблема моделирования интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале категории «Птицы» в английском языке) // Вестник ТГУ. – 2012. – №. 4 (108) – С. 257-264.

93. Панасенко, Л.А. Оценочный профиль области «Человек» как реализация интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале английского языка) / Л.А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. –2014а. – С. 90-95.

94. Панасенко, Л.А. Типология признаков интерпретирующего потенциала лексических категорий (на материале английского языка) / Л.А. Панасенко // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2014б. – №3. – С. 31-36.

95. Панасенко, Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: монография / Л.А.Панасенко; Н.Н. Болдырев, науч. ред. – Тамбов. Изд-во Першина Р.В. 2016. – 186 с.

96. Панасенко, Л.А. Аналогия как фактор антропоцентричности интерпретирующего потенциала лексической категории "млекопитающие" (на материале английского и русского языков) / Л.А. Панасенко, Д.И. Мелихова // Филологические науки. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2017. – № 12(78): в 4-х ч. Ч. 4. – С. 138-143.

97. Полякова, С.Е. Выбор слов при порождении высказывания в состоянии эмоциональной напряженности. / С.Е. Полякова // В поисках смысла: Сборник научных трудов, посвященный памяти профессора А.А. Худякова. – СПб.: Изд-во СПбГУЭФ. – 2010. – С. 261-264.

98. Попова, З.Д. Когнитивная лингвистика: учебное издание / З.Д. Попова, И.А. Стернин; Федеральное агентство по образованию, Воронежский гос. ун-т. – М.: АСТ: Восток - Запад, 2007. – 314 с.

99. Романова, Г.И. Практика анализа литературного произведения (Русская классика): учеб. пособие / Г.И. Романова. – М.: Флинта; Наука, 2006. – 256 с.

100. Савельев, С.В. Структуро-морфогенетические основы когнитивных способностей / С.В. Савельев // Когнитивные исследования: Проблема развития. Сборник научных трудов: Вып. 3. / Под ред. Д. В. Ушакова. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», – 2009. – С. 171-194.

101. Сазонова, Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Сазонова Татьяна Юрьевна. – М., 2000. – 41 с.

102. Самигуллина, А.С. Метафора в когнитивно-семиотическом освещении: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04 / Самигуллина Анна Сергеевна. – Уфа, 2008, – 42 с.

103. Серебренников, Б.А. Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – 216 с.

104. Соснин, А.В. Когнитивная метафора как средство формирования концепта / А.В. Соснин // ИСОМ. – 2017. – №1-1. – С. 156-163.

105. Спиноза, Б. Избранные произведения: В 2 т. Т.2/ Бенедикт Спиноза [Общ. ред. и вступ. статья, с. 5-77, В. В. Соколова]. – М.: Госполитиздат, 1957. – 728 с.

106. Спиноза, Б. Сочинения: В 2 т. / Бенедикт Спиноза; [Вступ. ст.: К. А. Сергеев, И. С. Кауфман]. – СПб.: Наука, 1999. – 489 с.

107. Спринц, А.М. Медицинская психология с элементами общей психологии / А.М. Спринц, Н.Ф. Михайлова, Е.П. Шатова: учеб. для сред. мед. учеб. заведений. – СПб.: СпецЛит, 2005. – 445 с.

108. Степанова, М.Д. Словообразование современного немецкого языка / М.Д. Степанова. – М.: Изд-во литературы на иностранных языках, 1953. – 374, [1] с.

109. Стернин, И.А. Проблема анализа структуры значения слова / И.А. Стернин. – Воронеж: Изд-во Воронежского университета, 1979. – 122 с.

110. Сысолятина, О.Н. Вербальные и невербальные формы репрезентации знания: автореф. дис. ... канд. философ. наук: 09.00.01 / Ольга Николаевна Сысолятина. – Киров, 2004. – 19 с.

111. Телия, В.Н. Вторичная номинация и ее виды / В. Н. Телия // Языковая номинация (Виды наименований). – М.: Наука, 1977. – С. 129-221.

112. Телия, В.Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц / В.Н. Телия; отв. ред. А. А. Уфимцева; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1986. – 141,[2] с.

113. Телия, В.Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В.Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. –М.: Наука, 1988. – С. 173-204.

114. Телия, В.Н. Номинация / В.Н. Телия // Лингвистический энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 330-336.

115. Телия, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвоультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.

116. Торопцев И.С. Словопроизводственная модель / И.С. Торопцев. – Воронеж: ВГУ, 1980. – 148 с.

117. Устарханов, Р.И. Метафтонимия в английском языке: Интерпретационно-когнитивный анализ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Устарханов Рашит Ибрагимович. – Пятигорск, 2006. – 21 с.

118. Уфимцева, А.А. Лексическая номинация (первичная нейтральная) / А.А. Уфимцева // Языковая номинация. Виды наименований / отв. ред. Б.А. Серебренников, А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1977. – С. 5-85.

119. Уфимцева, А.А. Роль лексики в познании человеком действительности и в формировании языковой картины мира / А.А. Уфимцева // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира / Б.А. Серебренников, Е.С. Кубрякова, В.И. Постовалова и др. – М.: Наука, 1988. – С. 108–140.

120. Ушкова, Н.В. Стилистика современного немецкого языка: учебное пособие / Н.В. Ушкова; М-во обр. и науки РФ, ФГБОУ ВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г.Р. Державина». – Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – 130 с.

121. Ушкова, Н.В. Этонокультурная концептуализация в лексикосфере / Н.В. Ушкова // Взаимодействие языка и культуры: проблемы лингвокультурологии и прагмалингвистики. Коллективная монография. / М-во обр. науки РФ, ФГБОУ ВПО «ТГУ им. Г.Р. Державина». Тамбов: Издательский дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2013. – С. 233-256.

122. Фурс, Л.А. О новой тенденции в исследовании комплексного знания / Л.А. Фурс // Когнитивные исследования языка. – 2018. – Вып. XXXII. – С. 588–594.

123. Хлопьянов, А.В. Лингвопоэтическое исследование атрибутивных словосочетаний в поэмах А.С. Пушкина: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Хлопьянов Александр Владимирович. – М., 2008. – 26 с.

124. Чудинов, А.П. Становление и эволюция когнитивного подхода к метафоре / А.П. Чудинов, Э.В. Будаев // Новый филологический вестник. – 2007. – №1. – С 8-27.

125. Шарандин, А.Л. Лексическая категоризация времени и ментальность / А.Л. Шарандин // Вестник ВолГУ. Серия 2: Языкознание. – 2011. – №2. – С. 11-16.

126. Шарманова, О.С. Метафора, метонимия, метафтонимия. Способы концептуализации грузино-российского конфликта: на примере немецкоязычных СМИ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / Шарманова Оксана Сергеевна. - Иркутск, 2012. – 16 с.

127. Шарманова, О.С. Метафтонимия как концептуальное взаимодействие метафоры и метонимии / О.С. Шарманова // Вестник ИГЛУ. – 2011. – №1 (13). – С 194-200.

128. Шарманова, О.С. Особенности взаимодействия и интеграции метафоры и метонимии как способ образования метафтонимии / О.С. Шарманова // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2016. – №3. – С 11-14.

129. Шаталкин, А.И. Биологическая систематика/ А.И. Шаталкин. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1988. – 184 с.

130. Шаховский, В.И. Эмоции как объект исследования в лингвистике / В.И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – №9. – С. 29-43.

131. Шеррингтон, Ч.С. Интегративная деятельность нервной системы: [Пер. с англ.] / [Со вступ. и заключит. статьями Э. Ш. Айрапетьянца и А. С. Батуева]; [АН СССР. Ин-т физиологии им. И. П. Павлова]. - Ленинград: Наука. Ленингр. отд-ние, 1969. – 391 с.

132. Шибанова, Е.О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики (на материале англоязычной прессы): автореф. дис. … канд. филол. наук: 10.02.04 / Шибанова Екатерина Олеговна. – М., 1999. – 27 с.

133. Штернберг, Э. Нейрологика: Чем объясняются странные поступки, которые мы совершаем неожиданно для себя / Э. Штернбер. – «Альпина Диджитал», 2015. – 395 с.

134. Эко, У. Роль читателя: исследования по семиотике текста / Умберто Эко; пер. с англ. и итал. Сергея Серебряного. – СПб.: Symposium; М.: Изд-во РГГУ, 2007. – 501 с.

135. Юдина, Н.В. Лексическая сочетаемость в когнитивном аспекте: на материале конструкции «прилагательное + существительное»: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19 / Юдина Наталья Владимировна. – М., 2006. – 40 с.

136. Языковая номинация (общие вопросы) / Отв. ред. член-корр. АН СССР Б. А. Серебренников, доктор филологических наук А. А. Уфимцева. – Наука, 1977. – 359 с.

137. Ansorge, U. Wahrnehmung und Aufmerksamkeit / U. Ansorge, H. Leder. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften ISpringer Fachmedien GmbH, 2011. – 152 S.

138. Bąk, P. Denken – Sprechen – Handeln. Zur Erforschung der Metapher des Wirtschaftsdeutschen auf der Text-, Satz- und Wortebene. In: Paweł Bąk, Bogusława Rolek, Małgorzata Sieradzka (Hrsg.): Text – Satz – Wort. Studien zur germanistischen Linguistik. – 2014. – S. 9-28.

139. Barcelona, A. Clarifying and applying the notions of metaphor and metonymy within cognitive linguistics: an update. // R. Dirven & R. Pörings (Eds.), Metaphor and Metonymy in Comparison and Contrast [Cognitive Linguistics Research 20] Berlin and New York: Mouton de Gruyter. – 2002. – P. 207–277.

140. Barcelona, A. Metonymy in cognitive linguistics: an analysis and a few modest proposals // Motivation in Language: Studies in Honor of Gunter Radden. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 2003. – P. 223-256.

141. Bertau, M. Sprachspiel Metapher: Denkweisen und kommunikative Funktion einer rhetorischen Figur/ Springer Fachmedien Wiesbaden GmbH, 1996. – 324 S.

142. Bisschops, R. Die Metapher als Wertsetung. Novalis, Ezechiel, Beckett. // Duisburger Arbeiten zur Sprach- und Kulurwissenschaft. Paperback Published November 1st 1994 by Peter Lang Gmbh, Internationaler Verlag Der Wissenschaften, 1994. - 401 S.

143. Brandt, P. / Sprachwissenschaft: Ein roter Faden für das Studium der deutschen Sprache/ P.Brandt, R.-A. Dietrich, G. Schön, 2. überarbeitete und aktualisierte Auflage\ BÖHLAU VERLAG KÖLN WEIMAR WIEN, 2006. – 329 S.

144. Brdar, M. Metonymies we live without// Metonymy and Metaphor in Grammar. Edited Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg, Antonio Barcelona. – 2009. – Volume 25. – P. 259-276.

145. Brdar, M. Te (non-)metonymic use of place names in English, German, Hungarian, and Croatian / M. Brdar, R. Brdar-Szabó // Metonymy and Metaphor in Grammar. Edited Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg, Antonio Barcelona. – 2009. – Volume 25. – P. 229-258.

146. Busse, D. Sprachverstehen und Textinterpretation Grundzüge einer verstehenstheoretisch reflektierten interpretativen Semantik. Düsseldorf: Springer VS, 2015. – 409 S.

147. Bußmann, H. Lexikon der Sprachwissenschaft / H. Bussmann. – Zweite völlig neue bearbeitete Auflage. Alfred Kroner Verlag. Stuttgart, 1990. – 903 S.

148. Coulson, S. Metonymy and conceptual blending / S. Coulson, T. Oakley // Metonymy and Pragmatic Inferencing/ Edited by Klaus-Uwe Panther, Linda L. Thornburg - University of Hamburg, - John Benjamins Publishing Company – 2003. – P. 51-80.

149. Davidson, D. What Metaphors Mean. / Critical Inquiry. – Vol. 5. No. 1. Special Issue on Metaphor. “The University of Chicago Press” – 1978. – P. 31-47.

150. Dirven, R. Metonymy and metaphor: Different mental strategies of conceptualization. // Metaphor and Metonymy in Compar-ison and Contrast ed. by René Dirven, Ralf Pörings.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 75-111.

151. Eichinger, L.M.: Deutsche Wortbildung: eine Einführung / Ludwig M. Eichinger. - Tübingen: Narr, 2000. – 269 S.

152. Ekman, P. Gefühle lesen Wie Sie Emotionen erkennen und richtig interpretieren 2. AuflageSpringer-Verlag Berlin Heidelberg, 2010. – 407 S.

153. Evans, V. Cognitive Linguistics. An Introduction / V. Evans, M/ Green. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2006. – 830 p.

154. Fachbereich 10: Sprach- und Literaturwissenschaften [Электронный ресурс.] - URL: http://www.fb10.uni-bremen.de/ (дата обращения 08.12.2019)

155. Fauconnier, G. The way we think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities / G. Fauconnier, M. Turner. – 2002. - 440 p.

156. Fauconnier, G.. Conceptual Projection and Middle Spaces. Technical Report № 9401, Department of Cognitive Science, University of California, San Diego / G. Fauconnier, M. Turner. – 1994. [Электронный ресурс.] - URL: http://www.cogsci.ucsd.edu/research/files/technical/9401.pdf. (дата обращения 16.02.2019)

157. Fauconnier, G. Conceptual blending, form and meaning: Recherches en communication / G. Fauconnier, M. Turner. – 2003. – №19. – P .57-86.

158. Fleischer, W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Veb bibliographisches Insitut Leipzig, 1969. – 327 S.

159. Frege, G. Über Sinn und Bedeutung / Zeitschrift für Philosophie und philosophische Kritik. - 1892. – S. 25-50.

160. Geeraerts, D. Words and Other Wonders Papers on Lexical and Semantic Topics // Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, D-10785 Berlin, 2006. – 505 p.

161. Glušak. T.S. Funktionalstilistik des Deutschen, Minsk, Verlag Wyschejschaja Schkola, 1981. – 173 S.

162. Goossens, L. From Three Respectable Horses' Mouths: Metonymy and Conventionlization in a Diachronically Differentiated Data Base / By word of mouth: metaphor, metonymy, and linguistic action in a cognitive perspective / Louis Goossens ... [et al.]. 1995. – P. 175-204.

163. Goossens, L. Metaphtonymy: The interaction of metaphor and metonymy in expression for linguistic action // Metonymy and metaphor: Conceptualisation strategies. ed. by René; Ralf Pörings. Berlinö N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 349-377.

164. Grammis – Institut für Deutsche Sprache. [Электронный ресурс.] – URL: https://grammis.ids-mannheim.de/ (дата обращения 11.06.2018)

165. Halpern, D. F. Thought and knowledge: an introduction to critical thinking / Diane F. Halpern, Claremont McKenna College.Fifth edition published by Psychology Press, 2014. – 654 p.

166. Helbig, G. Deutsche Grammatik: Ein Handbuch für den Ausländerunterricht. VERLAG ENZYKLOPÄDIE Leipzig, Berlin, München, Wien, Zürich, NewYork 17. Auflage / G. Helbig, J. Buscha – 1996. – 731 S.

167. Heringer, H J., Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis und Dokumentation, Band 12 / H.J. Heringer. – 1984. – S. 1-13.

168. Herrero-Ruiz, J. The Role of Metaphor, Metonymy, and Conceptual Blending in Understanding Advertisements: The Case of Drug-prevention Ads/ University of La Rioja, Revista Alicantina de Estudios Ingleses 19, 2006. – P. 169-190.

169. Jackendoff, R. Semantics and Cognition 8th ed / R. Jackendoff. – The MIT Press, 1999. – 415 p.

170. Johnson, M. The Body in the Mind: The Bodily Basis of Imagination, Reason, and Meaning. Chicago: University of Chicago Press, 1987. – 234 P.

171. Kastovsky, D. Wortbildung und Semantik. Pädagogischer Verlag Schwann - Bagel GmbH, Düsseldorf Francke Verlag Bern und München, 1981. – 334 S.

172. Kioustelidis, John B. THE MECHANISM OF THINKING Evolutionary Aspects of Thinking and of the Nature of Concepts 2009. – 337 p.

173. Kosslyn, St. On the Ontological Status of Visual Mental Images Theoretical Issues in Natural Languages Processing: VII. – Arlington, 1978. – P. 167-171.

174. Kövecses, Z. Metaphor and Emotions: Language, Culture, and Body in Human Feeling / Z. Kövecses. Paris: Maison des Sciences de l'Homme and Cambridge University Press, 2004. – 223 p.

175. Kövecses, Z. Methodological issues in conceptual metaphor theory. // Issues in conceptual metaphor theory, 2011. – P. 23-39.

176. Kövecses, Z., Radden, G. Metonymy: developing a cognitive linguistic view / Z. Kövecses, G. Radden // Cognitive Linguistics, 9-1 1998. – P. 37–77.

177. Lakoff, G., Johnson. M. Metaphors We Live By. Chicago, London: University of Chicago Press, 1980. – 242 p.

178. Lakoff, G. More than Cool Reason. A Field Guide to Poetic Metaphor / G. Lakoff, M. Turner. – Chicago: The University of Chicago Press, 1989. – 229 p.

179. Langacker, R.W. Investigations in Cognitive // Cognitive Linguistic Research 42, Ed. by Ronald W. Langacker, D. Geeraerts, R. Dirven, J.R. Taylor. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2009. – 415 S.

180. Langemann, D. (Hrsg.): Duden, Basiswissen Schule: Deutsch / D. Langemann, S. Felgentreu. – 2. Auflage, 2006. – 416 S.

181. Lyons, J. 'Introduction to theoretical linguistics' Cambridge University Press. 1968. – 520 p.

182. McCormack, Earl. R. A Cognitive Theory of Metaphor. London: "The MIT Press Cambridge, Massachusetts" 1985. – 254 p.

183. Mervis, C. B., Rosch, E. Categorization of natural objects. Annual Review of Psychology, 32, 1981. – P. 89-115.

184. Metzler J.B. Sprachwissenschaft Grammatik – Interaktion – Kognition. Springer-Verlag GmbH Deutschland, 2013. – 465 S.

185. Miller, G.A. Images and models, similes and metaphors. // Metaphor and Thought, 2nd edition, by A. Ortony, Cambridge University Press, 1993. – P. 357-400.

186. Morphologie. Ein internationales Handbuch zur Flexion und Wortbildun. Herausgegeben von Geert Booij, Christian Lehmann, Joachim Mugdan, Stavros Skopeteas in collaboration withWolfgang Kesselheim. // 2. Halbband / Volume 2. Berlin: Walter de Gruyter, 2004. – S. 973-2000.

187. Ortner, H. Zur Theorie und Praxis der Kompositaforschung: mit e. ausführl. Bibliogr./ Hanspeter Ortner; Lorelies Ortner. – Tübingen: Narr, 1984. – 410 S.

188. Ortner, L., Müller-Bollhagen, E. Deutsche Wortbildung: Typen und Tendenzen / L. Ortner, E. MüllerBollhagen. – Hauptteil 4: Substantivkomposita. – Berlin ; New York : de Gruyter, 1991. – 863 S.

189. Palmer, Garz B. Cognitive Linguistic and Anthropological Linguistics/ THE Oxford handbook of Cognitive Linguistics Edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens/ Oxford University Press. – 2007. – P. 1045-1073.

190. Paul, H. Prinzipien der Sprachgeschichte. Fünfte Auflage, Verlag von Niemeyer, 1920. – 434 S.

191. Paululat, A. Wörterbuch der Zoologie mit einer „Einführung in die Terminologie und Nomenklatur“ und einem „Überblick über das System des Tierreichs“ Begründet, bearbeitet und in sieben Auflagen herausgegeben von Erwin J. Hentschel und Günther H. Wagner 8. stark überarbeitete und erweiterte Auflage. Spektrum Akademischer Verlag Heidelberg, 2011. – 516 S.

192. Pike, G. Perception / G. Pike, G. Edgar. Cognitive Psychology Course Team, 2005. – P. 71-112.

193. Radden, G. How metonymic are metaphors? // Metonymy and metaphor: Conceptualisation strategies. ed. by René; Ralf Pörings. Berlinö N.Y.: Mouton de Gruyter, 2003. – P. 407-434.

194. Radden, G. Towards a Theory of Metonymy / G. Radden, Z. Kövecses. // Klaus-Uwe Panther, Gunter Radden Metonymy in Language and Thought// Amsterdam: University of Hamburg John Benjamins Publishing Company, 1999. – P. 17-61.

195. Ricœur, P. La métaphore vive. Éditions du seuil 27, rue Jacob, Paris Vie Éditions du Seuil, 1975. – 415 p.

196. Rosch, E., Basic Objects in Natural Categories / E. Rosch, C.B. Mervis, W.D. Gray, D.M. Johnson// Congnitive Psychology. V.8. №3. – 1976. – P. 382-439.

197. Rosch, E. Principles of Categorization // Rosch E., Lloyd, B.B. (eds) Cognition and Categorization. Lawrence Erlbaum Associates, 1978. – P. 27–48.

198. Rost,W. Emotionen: Elixiere des Lebens/ 2. überarbeite Anlage. Springer Medizin Verlag Heidelberg, 2005. – 494 S.

199. Ruiz de Mendoza, F.J. Going beyond metaphtonymy: Metaphoric and metonymic complexes in phrasal verb interpretation / F.J. Ruiz de Mendoza, A, Galera-Masegosa Language Value December 2011. – Volume 3, Number 1 – P. 1-29.

200. Schardt, F. Textinterpretationen: Lyrik, Drama, Epik. Stark; Auflage: 1. 2010. – 210 S.

201. Schmid, H-J, Handl, S. Windows to the Mind: Metaphor, Metonymy and Conceptual Blending / H-J. Schmid, S. Handl, // Cognitive Linguistics Research 48 / Editors: Dirk Geeraerts, John R. Taylor. Berlin/ New York: Walter de Gruyter GmbH & Co. KG, 2011. - 314 p.

202. Searle, J. R. Expression and Meaning: Studies in the Theory of Speech Acts. Cambridge University Press, Cambridge — London — New York, 1979. – P. 76–116.

203. Senft, G. Nominal Classification. / The Oxford handbook of Cognitive Linguistics Edited by Dirk Geeraerts and Hubert Cuyckens/ Oxford University Press, 2007. – P. 676-696.

204. Sew, Ken-ichi. Disting11ishing Metonymy from Synecdoche // Klaus-Uwe Panther, Gunter Radden Metonymy in Language and Thought// Amsterdam: University of Hamburg John Benjamins Publishing Company, 1999. – P.91-121.

205. Stechow, A. von, Bausteine syntaktischen Wissens Ein Lehrbuch dergenerativen Grammatik / A. von Stechow, W. Sternefeld. – Westdeutscher Verlag 1988. – 496 S.

206. Steinthal, Dr. H. Abriss der Sprachwissenschaft. Erster Teil. Die Sprache im Allgemeinen. Berlin: Ferd. Dümmer´s Verlags-buchhandlung, – 1871. – 492 S.

207. Steinthal, Dr. H. Charakteristik der hauptsächlichsten Typen des Sprachbaues. Zweiter Bearbeitung seiner Classification der Sprachen. Berlin: Ferd. Dümmer´s Verlagsbuch-handlung, 1860. – 357 S.

208. Sucharowski, W. Sprache und Kognition: Neuere Perspektiven in der Sprachwissenschaft. Westdeutscher Verlag. 1996. – 299 S.

209. Taylor, J.R. Cognitive Grammar. – N.-Y.: Oxford University Press, 2002. – 621 p.

210. Taylor, J.R. Linguistic Categorisation. Prtotypes in Linguistic Theory. Oxford: Basil Blackwell. (2nd. ed.), 1995. – 313 p.

211. Turner, M. Conceptual Integration and Formal Expressionl / M. Turner, G. Faucounnier // Metaphor and Symbolic Activity, 1995. – Vol. 10, №3. – P. 183-203.

212. Tversky, B. Components and Categorization // Noun classes and categorization. edited by COLETTE CRAIG University of Oregon John Benjamins Publishing Company Amsterdam/Philadelphia, 1986. – P. 63-76.

213. Ullmann, St. Stylistics and Semantics. Literary Style: A Simposium. Oxford University Press, 1971. – P. 133-152.

214. Varela, F.J. The embodied mind: Cognitive Science and Human Experience / F.J. Valera, E. Thompson, E. Rosch. – Massachussets: The MIT Press, 1993. – 308 p.

215. Wheelwright, P. Metaphor and Reality. Indiana University Press. Bloodmingston & London, 1968. – 192 p.

216. Wittgenstein, L. Philisophische Untersuchungen. / Philosophical investigations; translated by G.E.M. Anscombe, P.M.S. Hacker, and Joachim Schulte. — Rev. 4th ed. / Blackwell Publishing – 2009. – 320 S.

217. Wundt, W. Grundriß der Psychologie- Fünfte verbesserte Auflage. Leipzig. Verlag von Wilhelm Engelmann, 1902. – 410 S.

Список использованных словарей

1. Большой толковый словарь русского языка / Сост. и гл. ред. С.А. Кузнецов. – СПб.: «Норинт», 2000. – 1536 с.

2. Животные и растения. Иллюстрированный энциклопедический словарь. — М.: Эксмо, 2007. – 1248 с.

3. Кондаков Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков // – М.: Наука, 1971. – 658 с.

4. Краткий словарь когнитивных терминов Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина Под общей редакцией Е.С. Кубряковой. – М.: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.

5. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов н/Д: Феникс, 2010. – 562, [1] с.

6. Немов Р.С. Психологический словарь / Р.С. Немов. – М.: Гуманитар. изд. центр ВЛАДОС, 2007. – 560 с.

7. Подольская Н.В. Словарь русской ономастической терминологии. – М.: «Наука», 1978. – 200 с.

8. Универсальные переводные словари (режим доступа: http://translate.academic.ru).

9. Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд. - М.: Советская энциклопедия, 1998. – 685 с.: ил.

10. ABBYY Lingvo (режим лоступа: http://lingvo-online.ru).

11. Cambridge Dictionary (режим доступа: https://dictionary.cambridge.org).

12. Campe J. H. Wörterbuch der deutschen Sprache: Band 2. Schulbuchhandlung, 1808. – 1140 S.

13. Dictionary of Greek (режим доступа: https://greek_greek.academic.ru).

14. Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache (режим доступа: http://dwds.de).

15. Duden - Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik. – Berlin, Duden Verlag: Bibliographisches Institut, 2013 / Reihe: Duden – Deutsche Sprache in 12 Bänden, Band 11, – 928 S.

16. Duden online. Wörterbcher (режим доступа: http://duden.de).

17. Götzinger, E. Reallexikon der Deutschen Altertümer. 2. Umgearb. Aufl. Urban, Leipzig, 1885. – 1151 S.

18. Krüniß J.G. Ökonomische Encyclopädie oder allgemeines System der Staats- Stadt- Haus- u. Landwirtschaft in alphabetischer Ordnung. von D. Johann Georg Krüniß. Zwanzigster Theil. Berlin „der Joachim Pault Buchhändler“ 1780. – 836 S.

19. PONS Wörterbuch / Definitionen, Übersetzungen, Vokabular (режим доступа: https://de.pons.com/).

20. Schemann H. Deutsche Idiomatik: Wörterbuch der deutschen Redewendungen im Kontext. 2. Auflage, mit vollständig überarbeiteter Einführung von Hans Schemann. Berlin/Boston „Walter de Gruyter GmbH & Co.KG“, 2011. – 1038 S.

21. Trübners Deutsches Wörterbuch, Band 4, Berlin 1943. – 829 S.

22. Wörterbuch der deutschen Umgangssprache und Spaß (режим доступа: https://www.mundmische.de/).

23. Wörterbuch für Redensarten, Redewendungen, idiomatische Ausdrücke, Sprichwörter, Umgangssprache (режим доступа: https://www.redensarten-index.de).

24. Wörterbuch Wortbedeutung.info (режим доступа: https://www.wortbedeutung.info/ WB).

25. Wörterbücher und Enzyklopädien auf der Akademik (режим доступа: https://deacademic.com/).

26. Wörterbuchnetz. © 2011 Trier Center for Digital Humanities / Kompetenzzentrum für elektronische Erschließungs- und Publikationsverfahren in den Geisteswissenschaften an der Universität Trier (режим доступа: http://woerterbuchnetz.de).

Список источников фактического материала

1. Аргументы и Факты: новости России и мира [Электронный ресурс]. – URL: https://aif.ru/ (дата обращения: 29.11.2018).

2. Дикие животные. Фото и подробные описания [Электронный ресурс]. – URL: https://wildfauna.ru/ (дата обращения: 09.03.2018).

3. Каримова, Р.Х. Структурно-семантическая характеристика сложных слов с компонентом-зоонимом (на материале немецкого языка) Современные парадигмы лингвистических исследований: методы и подходы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., 26-27 ноября 2012. – С. 49-54.

4. Лесная кладовая [Электронный ресурс]. – URL: https://lesnoy-dar.ru/ (дата обращения: 25.05.2017).

5. Муравник, Г.Л. Библейские корни генетики. Свет Христов просвещает всех: альманах Свято-Филаретовского православно-христианского института, Москва, 2014. – С. 77-102.

6. Облепиха – кладовая солнца [Электронный ресурс]. – URL: http://www.oblepiha.com/ (дата обращения: 19.07.2018).

7. Ольшанский, И.Г. Лексикология: Современный немецкий язык = Lexikologie: Die deutsche Gegenwartssprache: Учеб. для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений / И.Г. Ольшанский, А.Е. Гусева. – М.: Издательский центр «Академия», 2005. – 416 с.

8. Abtswinder Naturheilmittel [Электронный ресурс]. – URL: https://www.abtswinder.de/ (дата обращения: 10.04.2018).

9. Afrika von den schönsten Seiten [Электронный ресурс]. – URL: http://afriwhere.de/ (дата обращения: 01.01.2018).

10. Afrika: Informationen für Reisen, Safaris und Urlaub in Afrika [Электронный ресурс]. – URL: http://www.transafrika.org/ (дата обращения: 16.11.2018).

11. Alles blüht! | Wild – Unkonventionell – Naturnah [Электронный ресурс]. – URL: http://www.allesblüht.de/ (дата обращения: 29.06.2018).

12. Allgemeinbildung | Wissentest | Lexikon | Wörterbücher [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wissen.de/ (дата обращения: 20.04.2019).

13. Bellmann, H. Der Neue Kosmos Schmetterlingsführer, Schmetterlinge, Raupen und Futterpflanzen, Franckh-Kosmos Verlags-GmbH & Co, Stuttgart, 2003. – 448 S.

14. BfN Anfang-IV-Arten [Электронный ресурс]. – URL: https://ffh-anhang4.bfn.de/ (дата обращения: 19.09.2018).

15. Bibliothek. Zeno.org [Электронный ресурс]. – URL: http://www.zeno.org/ (дата обращения: 15.04.2019).

16. Birds-online.ch [Электронный ресурс]. – URL: https://www.birds-online.ch/ (дата обращения: 18.08.2016).

17. Botanikus: Die Botanikseite - Giftpflanzen, Fotos, Videos [Электронный ресурс]. – URL: https://www.botanikus.de/ (дата обращения: 16.01.2018).

18. Das Online Kräuterbuch - Alles über Kräuter und ihre Nutzung [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kraeuter-buch.de/ (дата обращения: 22.10.2019).

19. Das Wortassotiationen Netzwerk [Электронный ресурс]. – URL: https://wordassociations.net/de/ (дата обращения: 09.08.2016).

20. DER SPIEGEL | OnlineNachrichten [Электронный ресурс]. – URL: http://gutenberg.spiegel.de (дата обращения: 04.06.2017).

21. Deutsches Textarchiv [Электронный ресурс.] – URL: http://www.deutschestextarchiv.de/ (дата обращения: 17.01.2019).

22. Dillenburger, H. Das praktische Autobuch, Gütersloh: Bertelsmann, 1957. – 476 S.

23. Dorow, H. Die Hautflügler (Hymenoptera) des Naturwaldreservats Kinzigaue (Hessen). Untersuchungszeitraum 1999-2001. In: Blick, T.; Zoologische Untersuchungen 1999-2001, Teil 2. Naturwaldreservate in Hessen 13, 2014. S. 59-159.

24. Dortmund.de [Электронный ресурс]. – URL: https://www.dortmund.de/de/index.html (дата обращения: 28.01.2017).

25. eLexikon: Bewährtes Wissen in aktueller Form [Электронный ресурс]. – URL: https://www.peterhug.ch/ (дата обращения: 06.04.2017).

26. Faszination Regenwald – von Dr. Tom Deutschle [Электронный ресурс]. – URL: https://www.faszination-regenwald.de/ (дата обращения: 01.12.2018).

27. Feuchtwanger, L. Erfolg. In: ders., Gesammelte Werke in Einzelbänden, Bd. 6, Berlin: Aufbau-Verl, 1993 [1930]. – 583 S.

28. Fleisser, M. Pioniere in Ingolstadt. – Manchester: Manchester University Press, 1992. – 132 S.

29. Genazino, W. Die Liebesblödigkeit. München, Wien: Carl Hanser Verlag, 2005. – 203 S.

30. GfdS | Gesellschaft für deutsche Sprache e. V. in Wiesbaden im Deutschen Bundestag [Электронный ресурс]. – URL: https://gfds.de/ (дата обращения: 06.04.2018).

31. Götz, A. Rasse und Klasse Nachforschungen zum deutschen Wesen. S. Fischer Verlag GmbH, Frankfurt am Main, 2003. – 176 S.

32. Grimm, J., Grimm, W. Kinder- und Haus-Märchen. 2. Aufl. Bd. 1. Berlin, 1819. – 439 S.

33. Handchirurgie in Nürnberg | Dr. med. Karl Heinz Hofbeck & Dr med. Maximilian Meier [Электронный ресурс]. – URL: https://www.handchirurgie-hofbeck.de/ (дата обращения: 23.05.2017).

34. Hawes & Curtis: Englische Mode für Sie & Ihn [Электронный ресурс]. – URL: https://www.hawesandcurtis.de/ (дата обращения: 20.12.2019).

35. Heilkräuter-Seiten – Über 700 Heilpflanzen und ihre Heilwirkungen [Электронный ресурс]. – URL: https://www.heilkraeuter.de/ (дата обращения: 08.06.2018).

36. Heine, H. Reisebilder. Bd. 1. Hamburg, 1826. – 300 S.

37. Historische Texte und Wörterbücher [Электронный ресурс]. – URL: https://www.textlog.de/ (дата обращения: 23.09.2016).

38. Historische Texte und Wörterbücher [Электронный ресурс]. – URL: https://www.textlog.de/ (дата обращения: 25.01.2020).

39. Hofmannswaldau, Ch. Hofmann von. Herrn von Hofmannswaldau und andrer Deutschen auserlesene und bißher ungedruckte Gedichte. Bd. 5. – Leipzig, 1710. – 387 S.

40. Huettenhilfe-Lexikon: Warenkunde, Lebensmittel, Ernährungб Diät [Электронный ресурс]. – URL: http://lexikon.huettenhilfe.de/ (дата обращения: 06.09.2019).

41. Hundt-Radowsky, H. Die Judenschule, oder gründliche Anleitung, in kurzer Zeit ein vollkommener schwarzer oder weißer Jude zu werden. Bd. 3. Jerusalem [i. e. Aarau], 1823. – 367 S.

42. In-Australien.com: Ihr Reisevermittler & Reiseführer [Электронный ресурс]. – URL: https://www.in-australien.com/ (дата обращения: 16.12.2019).

43. Jahn, F. L. Eiselen, Ernst W. B. Die deutsche Turnkunst, zur Einrichtung der Turnplätze dargestellt. Berlin, 1816. – 288 S.

44. Kant, H. Die Aula. Berlin: Rütten & Loening, 1965. – 432 S.

45. Karriere| Tipps für Karriere, Job & Bewerbung [Электронный ресурс]. – URL: https://karrierebibel.de/ (дата обращения: 05.02.2019).

46. Kavita Lion Garden: Der löwenstarke Gartenblog [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kavitalion.com/ (дата обращения: 29.10.2018).

47. Keller, G. Der grüne Heinrich. Bd. 4. Braunschweig, 1855. – 483 S.

48. Köppen, W. Tauben im Gras, Stuttgart: Scherz & Govert 1951. – 269 S.

49. Kostenlose Malvorlagen und Bastelideen für Kinder [Электронный ресурс]. – URL: https://www.schule-und-familie.de/ (дата обращения: 25.10.2016).

50. Kreative Ideen für Haus, Garten, Wohnen [Электронный ресурс]. – URL: https://www.t-online.de/ (дата обращения: 15.11.2016).

51. Krünitz Online [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kruenitz1.uni-trier.de/ (дата обращения: 24.03.2019).

52. Lebensmittellexikon. Was ist Definition, Warenkunde, Lebensmittelkunde [Электронный ресурс]. – URL: https://www.lebensmittellexikon.de/ (дата обращения: 08.08.2019).

53. Lewald, F. Jenny. Bd. 1. Leipzig, 1843. – 416 S.

54. Märkische Onlinezeitung – das Nachrichtenportal für Brandenburg [Электронный ресурс]. – URL: https://www.moz.de/ (дата обращения: 04.01.2020).

55. Medical Tribune – Von Ärzten für Ärzte [Электронный ресурс]. – URL: https://www.medical-tribune.de/ (дата обращения: 10.04.2019).

56. Mein schöner Garten: Pflanzen, Garten & Gartentipps [Электронный ресурс]. – URL: https://www.mein-schoener-garten.de/ (дата обращения: 10.11.2017).

57. Meyer, J. Die großen und seligen Thaten der Gnade. Zürich, 1759. – 432 S.

58. NABU - Naturschutzbund Deutschland [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nabu.de/ (дата обращения: 23.07.2019).

59. Nachrichten, Hintergründe & Reportagen | STERN.de [Электронный ресурс]. – URL: https://www.stern.de/ (дата обращения: 16.04.2018).

60. Neutsch, E. Spur der Steine. Halle (Saale): Mitteldeutscher Verl, 1964. – 779 S.

61. Nutria Info - Informationen über Nutria (Myocastor coypus) [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nutria-info.com/ (дата обращения: 24.12.2018).

62. Online Lexikon für (essbare) Wildpflanzen & Wildkräuter, Bäume & Sträucher [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pflanzen-vielfalt.net/ (дата обращения: 27.03.2018).

63. Onmeda – Das Portal für Medizin und Gesundheit – Onmeda.de [Электронный ресурс]. – URL: https://www.onmeda.de/ (дата обращения: 24.08.2019).

64. PAGANINO | Saiten, Noten und Zubehör für Streicher online [Электронный ресурс]. – URL: https://www.paganino.de/ (дата обращения: 05.03.2017).

65. Perutz, L. Die dritte Kugel. München: Langen, 1915. – 328 S.

66. Pflanzen-Lexikon - Pflanzenpflege, Pflanzenarten identifizieren + Gartengestaltung [Электронный ресурс]. – URL: http://www.gartendatenbank.de/ (дата обращения: 14.04.2018).

67. Pflanzen-Lexikon | Pflanzen-lexikon.com [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pflanzen-lexikon.com/ (дата обращения: 19.09.2016).

68. Pilze von A – Z | Pilzfinder.de [Электронный ресурс]. – URL: https://www.pilzfinder.de/ (дата обращения: 03.05.2020).

69. Questpedia [Электронный ресурс]. – URL: https://questpedia.org/ (дата обращения: 08.04.2020).

70. Quora: Accueil [Электронный ресурс]. – URL: https://fr.quora.com/ (дата обращения: 09.09.19).

71. Reisen, Wissen, Fotografie: Das neue Bild der Erde [Электронный ресурс]. – URL: https://www.geo.de/ (дата обращения: 15.11.2017).

72. Remarque, E.M. Drei Kameraden: Roman mit einem Nachwort von Tilman Westphalen. Kiepenheuer & Witsch, 1991. – 585 S.

73. Schenzinger, K.A. Der Hitlerjunge Quex. Berlin: Zeitgeschichte-Verl., 1932. – 264 S.

74. Schmetterlinge in der Schweiz und Europa [Электронный ресурс]. – URL: https://www.natur-schmetterlinge.ch/ (дата обращения: 25.06.2019).

75. Schwanitz, D. Bildung, alles, was man wissen muss. – Frankfurt a.M.: Eichborn, 1999. – 544 S.

76. Schwarz, H-P. Anmerkungen zu Adenauer. – München: Deutsche Verlags-Anstalt, 2004. – 218 S.

77. Süskind, P. Das Parfüm. Zürich: Diogenes, 1985. – 319 S.

78. SWR Kindernetz - Kinderseiten des Südwestrundfunks [Электронный ресурс]. – URL: https://www.kindernetz.de/ (дата обращения: 17.05.2017).

79. Tetens, J.N. Philosophische Versuche über die menschliche Natur und ihre Entwickelung. Bd. 2. Leipzig, 1777. – 836 S.

80. Tiere / Pflanzen / Pilze im Natur Lexikon [Электронный ресурс]. – URL: http://www.natur-lexikon.com/ (дата обращения: 25.11.2019).

81. Tierenzyklopaedie.de – Das Tierlexikon [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tierenzyklopaedie.de/ (дата обращения: 11.05.2020).

82. Tierpark – Tiere in freier Natur [Электронный ресурс]. – URL: https://www.tierpark.lauftext.de/ (дата обращения: 24.06.2017).

83. Treitschke, H. von. Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. Bd. 4: Bis zum Tode König Friedrich Wilhelms III. Leipzig, 1889. – 753 S.

84. Uni DuE [Электронный ресурс]. – URL: https://www.uni-due.de/ (дата обращения: 10.01.2020).

85. Viking AT. Der Blog für Gründer & Angestellte [Электронный ресурс]. – URL: https://blog.vikingdirekt.at/ (дата обращения: 30.03.2020).

86. VORSICHT GESUND [Электронный ресурс]. – URL: https://www.vorsichtgesund.de/ (дата обращения: 27.05.2018).

87. Wald, Forstpraxis, Waldwirtschaft [Электронный ресурс]. – URL: https://www.waldwissen.net/ (дата обращения: 21.05.2019).

88. Walser, M. Ein springender Brunnen. Frankfurt a.M.: Suhrkamp – 1998. – 416 S.

89. Walser, M. Halbzeit. – Frankfurt a.M.: Suhrkamp – 1960. – 618 S.

90. Was bedeutet WORTWURZEL? [Электронный ресурс]. – URL: https://www.wortwurzel.de/ (дата обращения: 01.10.2019).

91. Wikipedia, die freie Enzyklopädie [Электронный ресурс]. – URL: https://de.wikipedia.org/wiki/ (дата обращения: 31.12.2017).

92. Wildschönheiten [Электронный ресурс]. – URL: https://wildeschoenheiten.wordpress.com (дата обращения: 18.05.2019).

93. Wunderlich, W. Till Eulenspiegel. – München: Fink, 1984. – 143 S.

94. Zeit online [Электронный ресурс]. – URL: https://www.zeit.de/ (дата обращения 19.08.2017).

Приложение А

Вторичные значения исследуемых зоонимов

Условные обозначения (здесь и в иных приложениях):

ИИ – идентифицирующая интерпретация ХИ – характеризующая интерпретация ПЗ – перцептивный формат (зрительный) ПС – перцептивный формат (слуховой) ПО – перцептивный формат (обоняние/ осязание) Н - формат наблюдения ПСО – формат пассивного опыта	Э – формат экспериенциальных эффектов О - формат операционального опыта Ф – формат функции А – ассоциативный формат ФС – фактическое совпадение ОЛ – формат общей локализации

SW = Schimpfwort

признак переосмысляется, приобретает вторичность	представление о животном ошибочно/ неточно

V – возможна и положительная и отрицательная характеристика

(∈) - метонимия, (∈≈) – метафтонимия, (≈) метафора (по умолчанию)

Человек

1. Без профессиональной идентификации

Внешность

Biber	Träger eines Vollbartes	0	закругленная форма бороды человека и хвоста бобра	ИИ	ПЗ
Eule	unattraktive weibliche Person	—	нескладные, непропорциональные черты лица	ХИ	ПЗ
Fuchs	Mensch mit roten Haaren	0	цвет волос	ИИ	ПЗ
Hering	dünner, schmaler Mann	V	вероятность пропорции длины/ширины рыбы и человека	ХИ	ПЗ
Käfer	hübsches, junges Mädchen	+	маленький размер	ХИ	Н
Ratte	*umg, scherzh.* nettes, flinkes Mädchen	+	маленький размер, подвижность	ХИ	Н
Spatz	*familiär* kleines, oft schmächtiges, mageres Kind	V	маленький размер, необильное питание	ХИ	Н

Интеллект

Affe	*SW derb* dummer Kerl	—	глупость	ХИ	Н
Esel	*SW* Dummkopf	—	глупость	ХИ	Н
Kamel	SW Dummkopf, Trottel	—	глупость	ХИ	Н
Pute	*sal., abw.* alberne, dumme weibliche Person	—	глупость	ХИ	Н
Schaf	*SW* Dummkopf	—	глупость	ХИ	Н
Ziege	*SW* dumme, (altjüngferliche) weibliche Person	—	глупость	ХИ	Н
Zicke	*SW* dumme, (altjüngferliche) weibliche Person	—	глупость	ХИ	Н

Характер

Affe	*derb* eitler, gezierter Mensch; Geck	—	показное навязчивое поведение, закрывающее правду	ХИ	Н
Biene	flottes junges Mädchen	+	маленький размер, высокая скорость передвижения	ХИ	Н
Chamäleon	unbeständiger, wandelbarer Mensch, der seine Überzeugung je nach seiner Umgebung rasch ändert	—	непостоянство, приспособленность к изменениям окружающей среды	ХИ	Н
Hund	gemeiner Mann, Lump, Schurke	—	способность внезапно *укусить (1 – зубами, 2 – делом, словом)*	ХИ	Н
Igel	unfreundlicher, kratzbürstiger Mensch	—	*колючие (1 – с иглами, 2 – язвительный, раздражительный)*	ХИ	Н
Spinne	*abw.* boshafte, hässliche Frau (von dürrer Gestalt)	—	склонность *съедать* окружающих *(1 – есть, 2 – злиться, терзать)*	ХИ	Н
Schnecke	*sal., abw.,* schwerfälliger, träger, langweiliger Mensch	—	медленная скорость действий	ХИ	Н

Fuchs	durch seine Schläue und Gewitztheit andern überlegener Mensch	—	ловкость, хитрость по отношению к потенциальным жертвам	ХИ	Н
Kröte	freches, kleines Kind	—	вызывание неприятных чувств	ХИ	Н
Schaf	*SW* gutmütig-einfältiger Mensch	V	простодушие, слабый характер	ХИ	А/Н
Schlange	*abw* weibliche Person, die als falsch, hinterlistig, heimtückisch gilt	—	внезапность нападения, опасность, хитрость	ХИ	А/Н
Wanze	*abw* widerlicher, ekelhafter Mensch	—	вызывание неприятных чувств	ХИ	ПО

Опыт

Fohlen	junger Spieler einer Mannschaft	V	молодость	ХИ	ФС
Fuchs	noch nicht voll berechtigtes Mitglied einer Studentenverbindung im ersten und zweiten Semester	V	*Возможное совпадение звучания с Foss (16. Jh.), Feix*	=	=
Gans	unerfahrene, junge weibliche Person	—	глупость, неопытность	ХИ	А
Dachs	ein unerfahrener junger Mensch	V	доверчивость	ХИ	Н

Поведение

Bär	*SW* plumper, grober Kerl	—	неуклюжая походка, грубые движения	ХИ	Н
Bulle	*salopp, abw,* starker, ungeschlachter Mann	—	выполнение работы, требующей физической силы	ХИ	Н/О
Ferkel	sittlich verdorbener, schamloser Mensch	—	пребывание в *грязи (1-растворенный грунт, 2-безнравственность)*	ХИ	Н
Löwe	Mensch, der (für kurze Zeit) im Mittelpunkt gesellschaftlicher Aufmerksamkeit steht	V	мужество, властный характер	ХИ	А
Schwein	jemand, den man wegen seiner Handlungs- oder Denkweise als verachtenswert betrachtet	—	презрение со стороны окружающих людей	ХИ	Н

Внешность + поведение

Schwein	jemand, der sich oder etwas beschmutzt hat	—	запачканность, нечистоплотность	ХИ	ПЗ
Ferkel	unsauberer Mensch	—	запачканность, нечистоплотность	ХИ	ПЗ

Интеллект + поведение

Kalb	alberne und unbeholfene, junge, meist weibliche Person	—	глупость, неуклюжесть, молодость	ХИ	ПЗ/Н /Э

Интеллект + характер

Kröte	Person, die als dumm, widerwärtig, bösartig angesehen wird	—	оставление неприятного впечатления на окружающих	ХИ	П/Э
Hammel	dummer, einfältiger, grober Mensch (oft als Schimpfwort)	—	глупость, грубость, большой размер, наличие рогов	ХИ	ПЗ/Н

Характер + поведение

Hecht	männliche Person, von der meist mit einer gewissen Bewunderung, Anerkennung gesprochen wird	V	*мотивация неизвестна*	=	=
Kauz	auf liebenswerte Weise sonderbarer, eigenbrötlerischer Mann	—	ведение образа жизни, отличающегося от остальных, индивидуализм	ХИ	Н
Kuh	weibliche Person, über die sich jemand ärgert	—	наличие рогов, неприятный внешний вид	ХИ	ПЗ
Ratte	*SW* widerlicher Mensch	—	оставление неприятного впечатления на окружающих	ХИ	Н/Э
Vogel	*sal,* durch seine Art auffallender Mensch	V	**от лат.** *rara avis (редкая птица)*	=	=

2. С профессиональной идентификацией

Поведение

Bär	jmd., dessen Aktivitäten an der Börse von erwartetem Fallen der Kurse geprägt sind	—	**от англ.** *bear (спекулянт на медвежьем рынке), возможно, от предупреждения не продавать шкуру неубитого медведя*	=	=

Bulle	Kriminalbeamter	0	*от нидерл. Bol (умный человек)* [www.wissen.de]	=	=
Eule	Polizist auf Nachtstreife; Nachtwächter	0	ночное бдение	ИИ	Н
Hai	profitgieriger und rücksichtsloser Unternehmer	—	стремление добычи любой ценой	ХИ	Н
Maulwurf	Agent, der über lange Zeit im Hinter- oder Untergrund bleibt	V	скрытость от окружающих	ХИ	Н
Taube	jmd., der für eine gemäßigte, nicht militante, nicht radikale Politik eintritt, der kompromissbereit ist	V	миролюбие	ХИ	А

3. Без идентификации признака переноса в значении цели

Сравение с животным

Bock	*abw.* Mann	—	презрение со стороны людей	ХИ	Н
Hund	*sal.* Mensch, Mann	—	презрение со стороны людей	ХИ	Н
Hirsch	Schimpfwort für eine männliche Person	—	наличие рогов	ХИ	ПЗ
Kätzchen	weibliche Person (als Partnerin, Freundin)	+	милый внешний вид	ХИ	ПЗ
Maus	*Koswort*	+	маленький размер	ХИ	ПЗ
Sau	*sal.* Mann, Mensch	—	презрение со стороны людей	ХИ	Н
Schwein	Mensch [als ausgeliefertes Geschöpf]	—	презрение со стороны людей	ХИ	Н
Spatz	Herzchen, Liebling / *Kosewort*, besonders für Kinder	+	маленький размер, милый внешний вид	ХИ	ПЗ

Артефакт

Affe	*umg. veralt.* Tornister	0	наличие мехового покрытия	ИИ	ПЗ
Ameise	*umg.* kleines Transportfahrzeug mit Dieselantrieb	0	маленький размер, частое движение	ИИ	ПЗ/Н
Biber	beidseitig gerautes Baumwollgewebe [z.B. für Bettwäsche], Rohflanell	0	шероховатое покрытие	ИИ	ПО
Bock	in der Höhe verstellbares Turngerät für Sprungübungen	0	наличие четырех *ножек (1 – часть тела, 2 – часть предмета)*	ИИ	ПЗ
Bock	Platz des Kutschers auf dem Pferdewagen	0		ИИ	ПЗ
Ente	Uringefäß mit einem Hals für bettlägerige Männer	0	форма, *шея (1 - часть тела, 2 - вытянутая часть предмета)*	ИИ	ПЗ
Eule	*nordd* Handfeger / Flederwisch, Staubwedel	0	форма, лохматая щетина	ИИ	ПЗ
Fliege	als Querschleife gebundene Krawatte	0	форма, наличие двух симметричных *крыльев (1 – часть тела, 2 – часть предмета)*	ИИ	ПЗ
Floh	*sal.* Geld	—	мелочь	ХИ	ПЗ
Fohlen	naturfarbener oder gefärbter, kurzhaariger Pelz mit Moirézeichnung aus dem Fell junger Fohlen	0	(∈) ЖЕРЕБЁНОК (МЕХ)	ИИ	Ф
Frosch	abschraubbares Griffende des Bogens von Streichinstrumenten	0	вероятность *упрыгнуть (1 - сделать прыжок, 2 – отвалиться)* [www.paganino.de]	ИИ	Н
Frosch	springender Feuerwerkskörper	0	дугообразная траектория	ИИ	Н
Fuchs	Fell eines Fuchses	0	(∈) ЛИСА (МЕХ)	ИИ	Ф
Fuchs	aus dem Fell eines Fuchses gearbeiteter Pelz	0	(∈≈) ЛИСА (МЕХ) → ШУБА, наличие меха [лисы]	ИИ	Ф
Fuchs	Goldmünze	0	золотистый яркий цвет	ИИ	ПЗ
Fuchs	Abzugskanal einer Feuerung zum Schornstein	0	(∈≈) ЛИСА (НОРА) → ТРУБА	ИИ	ПЗ
Hahn	Vorrichtung zum Öffnen und Schließen von Rohrleitungen	0	(∈≈) ПЕТУХ (ГОЛОВА) → КРАН	ИИ	ПЗ
Hahn	Wetterfahne in der Gestalt von Hahn	0	общая форма	ИИ	ПЗ

Hering	schmaler Holz- oder Metallpflock, der mit einer Nase oder Kerbe zum Einhängen der Zeltschnüre versehen ist und der beim Aufbau eines Zeltes am Zeltrand in den Boden geschlagen wird	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ
Hund	kleiner kastenförmiger Förderwagen	0	производимый шум (лай/ гул)	ИИ	ПС
Igel	mit Mandelstiften bestecktes Gebäck in Igelform	0	форма с острыми выступами	ИИ	ПЗ
Igel	einseitiger Hackpflug mit Messern und Zinken zur Bodenlockerung	0	наличие многочисленных острых конечностей	ИИ	ПЗ/ПО
Katze	Geldbeutel	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ
			хранение сокровищ	ХИ	А
Maus	*sal.* Geld	0	серебристо-серый цвет	ИИ	ПЗ
Maus	über ein Kabel oder per Funk mit einem PC verbundenes Gerät, das auf dem Tisch hin und her bewegt wird	0	**от англ.** *mouse:* форма вытянутой полусферы, узкий *хвост (1-часть тела, 2 – завершение предмета)*	ИИ	ПЗ
Schlange	schlangenförmig gebogenes Rohr als Element einer Heiz- oder Kühlanlage	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ
Schnecke	spiralige Windung am äußersten Ende des Halses von Saiteninstrumenten	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ
Schnecke	kleines, rundes Gebäck mit Zuckerguss, bei dem der Teig spiralig zusammengerollt ist	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ
Vogel	Flugzeug	0	способность передвижения по воздуху, наличие *крыльев (1- часть тела, 2 – часть машины)*	ИИ	Н
Wolf	Fleischwolf	0	способность рвать, заглатывать	ИИ	Н

Части тела

Biber	Vollbart	0	(∈≈) БОБЕР (ХВОСТ) → БОРОДА	ИИ	ПЗ
Fliege	schmales Bärtchen auf der Oberlippe oder zwischen Unterlippe und Kinn	0	форма, размер	ИИ	ПЗ
Kauz	Haarknoten	0	(∈≈) СЫЧ (ГОЛОВА) → ПУЧОК	ИИ	ПЗ
Mäuschen	Musikantenknochen/ Ellennerv	0	(∈≈) (МЫШЬ → МИЗИЦЕЦ) НЕРВ, при воздействии на локтевой нерв боль доходит до мизинца [.handchirurgie-hofbeck.de]	ИИ	ПЗ
Pony	Damen-/ Kinderfrisur mit in die Stirn gekämmtem, kurzem, glattem Haar	0	(∈≈) ПОНИ (ГРИВА) → ЧЁЛКА	ИИ	ПЗ
Schnecke	Medizin spiralig gewundenes, röhrenartiges Teil des Innenohrs	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ
Schnecke	über je einem Ohr spiralig zusammengerollter Zopf	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ

Природа

Fuchs	Pferd mit rötlich braunem Fell sowie Mähne und Schweifhaar von gleicher oder hellerer Farbe	0	цвет, близкий к рыжему	ИИ	ПЗ
Fuchs	Tagfalter mit gelb- bis rotbraunen, blau bis schwärzlich gefleckten und gesäumten Flügeln	0	цвет, близкий к рыжему	ИИ	ПЗ
Kätzchen	Blütenstand der Birke, der Erle, des Haselstrauchs, der Weide u. a.	0	пушистый покров, маленький размер	ИИ	ПЗ/ПО
Schäfchen	Zirrokumulus	0	белый цвет, мягкая форма	ИИ	ПЗ

Иное

Adler	stilisierter Adler (als Wappentier)	0	(∈) ОРЁЛ (ИЗОБРАЖЕНИЕ ОРЛА НА ГЕРБЕ)	ИИ	ПЗ
Affe	*sal.* Rausch	—	(∈≈) ОБЕЗЬЯНА (ПОВЕДЕНИЕ) → СОСТОЯНИЕ ПОХМЕЛЬЯ	ХИ	Н

Grille[10]	sehr sonderbarer, schrulliger Gedanke, Einfall	0	1) способность *влетать (1-физически, 2-абстрактно)* куда-либо 2) навязчивость [звуков/ мыслей]	ХИ	Н/ ПС
Grille	trübe Gedanken, düstere Stimmung	0	мрачность	ХИ	ПЗ
Hecht	dichter Tabaksqualm, sehr verbrauchte Luft in einem Raum	0	мутный серый цвет	ИИ	ПЗ
Hecht	Synonym zu Hechtsprung	0	(∈≈) ЩУКА (ПРЫЖОК [ЩУКИ]) → ПРЫЖОК [ЧЕЛОВЕКА]	ИИ	Н
Kuckuck	*ironisch* Siegel, das der Gerichtsvollzieher bei der Pfändung an Einrichtungsgegenstände klebt	—	(∈≈) ОРЁЛ (ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ГЕРБЕ) → ПЕЧАТЬ (≈) ОРЁЛ-*2* (=*печать*)→ КУКУШКА	ХИ	А
Lamm	unschuldiges, reines Wesen	V	кротость, невинность	ХИ	А
Schlange	lange Reihe von wartenden Menschen/ Autos	0	вытянутая, не идеально прямая форма, движение	ИИ	ПЗ/Н
Schwalbe	absichtliches Sich-fallen-Lassen im Kampf um den Ball in der Absicht, einen Frei- oder Strafstoß zugesprochen zu bekommen	0	направленные в разные стороны узкие, длинные передние конечности при движении	ИИ	Н
Spinne	besonders Verkehrswesen Stelle, an der fünf oder mehr Wege, Straßen zusammenlaufen	0	разнонаправленные относительно узкие объекты, исходящие из единого центра	ИИ	ПЗ

[10] Данные значения можно рассматривать как омонимичные относительно обозначения насекомого, т.к. последнее происходит от нижнесакс. *grölen – 'неистово кричать'* [Krüniß 1740: 36], тогда как представленные здесь – от *grafwa – 'размышлять'* [там же: 46]. Dwds представляет единое происхождение от ahd. *grillo* как заимствование из лат. *grillus, gryllus*, которое употребляться в переносном значении 1) либо из греч. *γρύλλος, γρῦλος* '*поросёнок*', 2) либо на основе аналогии с навязчивым стрекотанием сверчка. С 15 в., употребляется *Grille* (как и иные насекомые, например, *Mücke*), в значении '*wunderlicher Einfall, Laune*' [dwds.de]. При этом исходное греч. γρύλλος имеет значения *1) танец 2) поросенок 3) сверчок* (последнее допускается рассматривать как заимствование из латыни → противоречие с п.1) [greek_greek.academic.ru]. Переносу значения способствовала, возможно, карикатура Плиния Старшего с подписью *gryllus – 'гротеск, карикатура'* с явной отсылкой на греч. *grýllos 'поросёнок'* или *grýllos* (*γρύλλος*) 'бесшабашный танец' [dwds.de].

Приложение Б

Интерпретация значений зоонимов в составе сложных существительных

Растения

Зооним + фитоним

Aalbaum *Lonicera*	*veralt.,* Geißblattgewächs mit eierförmigen Blättern, gelben Blüten und roten Früchten [www.wortbedeutung.info]	0	принадлежность к роду вьющихся, ползучих кустарников → 'способность извиваться'	ИИ	Н
Adlerfarn *Pteridium aquilinum*	(besonders in lichten Wäldern und auf Heiden wachsender) hoher Farn [duden.de]	0	(∈≈) ОРЁЛ (ИЗОБРАЖЕНИЕ НА ГЕРБЕ) → ПАПОРОТНИК расположение сосудистых пучков корневища, напоминающие изображение двуглавого орла	ИИ	ПЗ
Affenblume *Mimulus*	Pflanzengattg. der Skrofulariazeen, mit großen, lebhaft gefärbten Blüten [zeno]	0	способность привлекать внимание *яркостью (1 – броскость цвета, 2 – выделяющееся поведение)*[11]	ИИ	Н
Alligatorbirne *Persea*	tropischer Baum aus der Familie der Lorbeergewächse [WB]	0	фактура шкурки, зелёный цвет (представление о зелёном цвете крокодила)	ИИ	ПЗ/ А
Bärentraube *Arctostaphylos uva-ursi*	Heidekrautgewächs mit eiförmigen, meist ledrigen Blättern, glockigen Blüten und beerenartigen Früchten[duden.de]	0	(∈) служит средством питания для медведей	ИИ	≈ЭЭ
Bärlauch *Allium ursinum*	mit kahlem dreieckigen Schafte, gestielten, lanzetförmigen Blättern, ein in feuchten schattichten Gegenden verschiedener Wälder häufiges Zwiebelgewächs [zeno]	+	чеснок был важным растением, вследствие чего к названию прибавилось обозначение *медведя*, как значимого в мифологии животного [lexikon.huettenhilfe.de]	ХИ	А
Eselsdistel *Carduus/ Onopordon*	Gewächse mit buchtig gezahnten, gesägten oder fiederspaltigen, dornigen Blättern, meist purpurroten Blütenköpfen, röhrigen Zwitterblüten und haariger, abfälliger Samenkrone [PH]	0	(∈) служит средством питания для ослов	ИИ	≈ЭЭ
Froschkraut *Luronium natans*	(in stehenden oder langsam fließenden Gewässern vorkommende) Wasserpflanze mit untergetauchten u. schwimmenden elliptischen Blättern u. weißen Blüten[dwds.de]	0	(∈) единое место обитания с лягушками [www.ffh-anhang4.bfn.de]	ИИ	ОЛ
Gänseblume *Bellis*	kleine Pflanze, deren Blüte aus einem gelben Körbchen und strahlenförmig darum angeordneten schmalen, weißen, an der Spitze oft rosa gefärbten Blütenblättern besteht [duden.de]	0	(∈) служит средством питания для гусей [dwds.de] растет там, где обитают гуси [dwds.de] белый цвет [www.wissen.de]	ИИ	≈ЭЭ / ОЛ/ ПЗ
Gänsekraut *Artemisia vulgaris*	1) Gänsekresse 2) zu den Kreuzblütlern gehörende Pflanze unterschiedlicher Art [duden.de]	0	(∈) служит средством питания для гусей	ИИ	≈ЭЭ
Hasenklee *Trifolium arvense* [www.zeno.org] *Oxalis acetosella* [PH]	Gattung aus der Familie der Oxalideen, Kräuter oder Sträucher mit drei- oder vierzähligen, einen stark sauren Saft enthaltenden Blättern, blattwinkelständigen, weißen oder gelben Blüten [www.peterhug.ch]	0	(∈) служит средством питания для зайцев	ИИ	≈ЭЭ
Hundekohl *Apocyneae*	die Familie der hundekohlähnlichen Pflanzen, die scharfe, reizende, zusammenziehende Stoffe enthalten [www.zeno.org]	0	(∈) служит ядом для собак	ИИ	ПСО

[11] Латинское название *Mimulus* происходит от *mimus = 'комедиант, шут'*, и выбрано отчасти из-за пёстрой окраски, отчасти из-за формы цветка, имеющего некоторое сходство с вытянутым лицом [www.questpedia.org]

Igelginster *Erinacea anthyllis*	dorniger, auch als Topfpflanze kultivierter Ginster des westlichen Mittelmeergebietes mit blauvioletten Blüten [duden.de]	0	наличие *игл (1 – части тела, 2 – хвои)*	ИИ	ПЗ
Igelföhre *Pinus pinaster*	(=Kiefer) Gattung aus der Familie der Abietineen, Bäume, selten Sträucher, mit Nadeln[PH]	0	наличие *игл (1 – части тела, 2 – хвои)*	ИИ	ПЗ
Igelkaktus *Echinocactus*	kugeliger, großer Kaktus mit kräftigen Dornen an den Längsrippen und gelben Blüten an der Spitze [duden.de]	0	наличие *игл (1 – части тела, 2 – части растения)*	ИИ	ПЗ
Igel-Nelke *Dianthus petraeus*	als Zierpflanze kultiviertes, niedrig wachsendes Nelkengewächs aus dem Balkan mit blaugrünen, stechenden Blättern und weißen bis rosa Blüten [duden.de]	0	острая форма выступающих конечностей	ИИ	ПЗ
Kätzchenweide *Salix caprea*	eine besondere Sorte der Sal-Weide [www.mein-schoener-garten.de]	0/+	(∈≈) (КОТЁНОК → ПУШИСТАЯ ПОЧКА) ВЕРБА общие цвет и фактура	ИИ/ХИ	ПЗ/ПО
Katzenkraut *Valeriana*	Pflanzengattung: mit hellroten Blütendolden, dient die Wurzel zur Bereitung von Baldriantee, die nervenstärkend wirken [zeno]	0	(∈) является средством приманки для кошек, т.к. содержит эфирные масла, привлекающие кошек	ИИ	≈ЭЭ
Katzenminze *Nepeta*	gelblich oder rötlich weiß blühendes Kraut, das auch als Zierpflanze kultiviert wird [duden.de]	0	(∈) является средством приманки для кошек, т.к. содержит эфирные масла, привлекающие кошек	ИИ	≈ЭЭ
Kuckucksblume *Caltha palustris, Cypripedium calceolus Cardamine pratensis*	volkstümliche Bezeichnung für verschiedene Pflanzen: Caltha palustris, Cypripedium calceolus [duden.de] Cardamine pratensis [www.peterhug.ch]	0/—	(≈) ДЬЯВОЛ→ КУКУШКА (∈≈) КУКУШКА (СЛЮНА) → СЕРДЕЧНИК секреция личинки цикады на растениях, считалась слюной кукушки (= дьявола)	ИИ/ХИ	А/Э Э
Kuckucks-Lichtnelke *Silene flos-cuculi*	auf feuchten Wiesen und in Mooren wachsende Nelke mit rosavioletten geschlitzten Blütenblättern[duden.de]	0/—	см. Kuckucksblume[12]	ИИ/ХИ	А/≈ЭЭ
Kuhbaum *Brosimum*	Gattung der Morazeen, große Bäume mit Milchsaft, ganzen lederartigen Blättern, männlichen und weiblichen Blüten in kugeligen Köpfchen und kleinen kugeligen einsamigen Beeren [zeno]	+/0	способность производить молоко	ИИ	Ф
Kuhblume *Taraxacum*	zur Familie der Korbblütler gehörende Wiesenblume mit grob gezähnten grünen Blättern und einem einzigen Kopf aus schmalen, leuchtend gelben Blütenblättern [duden.de]	0	(∈) по легенде из-за белого молочного сока одуванчик был хорошим средством для коров, чье молоко похищалось ведьмами [wildeschoenheiten.wordpress.com]	ИИ	А/≈ЭЭ
Mäusegerste *Hordĕum*	häufig an Straßen- und Wegrändern wachsende wilde Gerste [duden.de]	0	(∈) из-за возможности быть средством питания для мышей	ИИ	≈ЭЭ
Schlangengurke *Cucumis sativus*	lange, schlanke Salatgurke [duden.de]	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ
Schlangenkaktus *Aporocactus flagelliformis*	Kaktus mit langen, schlangenförmigen hängenden oder kriechenden Trieben [duden.de]	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ

[12] Данная версия происхождения, представленная в duden.de имеет множество альтернативных версий, например, русское название *Кукушкин цвет (Lýchnis/Silene flos-cúculi)* обусловлено фактом, что начало его сопровождается частым кукованием (например: https://lesnoy-dar.ru)

Schlangenknöterich *Bistorta officinalis*	krautige Pflanze, die über weite Flächen in Wiesen eingestreut oder in dichten Nestern gewachsen ist [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (ЗМЕЯ → КОРНЕВИЩЕ) ГОРЛЕЦ общая S-образная форма	ИИ	Н
Straußfarn *Matteuccia struthiopteris*	zu den Farnen gehörende Pflanze mit gefiederten Blättern [dwds.de]	0	(≈) большой размер (∈≈) СТРАУС (ПЕРЬЯ) → ПАПОРТНИК наличие спор на обратной стороне листа, напоминающих перья страуса [www.mein-schoener-garten.de]	ИИ	ПЗ
Tigerlilie *Lilium tigrinum*	Lilie mit orangeroten, dunkel gefleckten großen Blüten[dwds.de]	0	пёстрый окрас рыжего цвета с чёрными элементами	ИИ	ПЗ
Vogelbeere *Sorbus aucuparia*	1) Frucht der Eberesche, botanisch eine kleine Apfelfrucht 2) die Eberesche selbst [WB]	0	(∈) служит распространенным средством питания для птиц [www.pflanzen-lexikon.com]	ИИ	≈ЭЭ
Vogelkirsche *Prunus avium*	Kirsche einer Wildform mit kleinen, schwarzen, bittersüß schmeckenden Früchten [duden.de]	0	(∈) служит средством питания для птиц [www.waldwissen.net]	ИИ	≈ЭЭ
Wanzenblume *Coreopsis*[13]	Pflanzengattung der Kompositen; mehrere Arten aus Nordamerika sind Zierpflanzen [www.zeno.org]	0	(∈≈) (КЛОП → СЕМЯНКА) КОРЕОПСИС форма семян на цветах напоминает клопа	ИИ	ПЗ

Зооним + соматизм

Bärenfuß *Heracleum*	Kraut oder Strauch mit großen, gespaltenen Blättern, Dornen in den Blattachseln und weißen, blassvioletten oder bläulichen Blüten [duden.de]	0	(∈≈) (ЛАПА МЕДВЕДЯ → ЛИСТ) БОРЩЕВИК фигурная форма большой размер	ИИ	ПЗ
Bockbart *Tragopogon*	zu den Korbblütlern gehörende Pflanze mit schmalen, hellgrünen Blättern und großen, gelben, strahlenförmigen Blüten [duden.de]	0	(∈≈) (БОРОДА КОЗЛА → ЦВЕТОК) КОЗЛОБОРОДНИК увядшие цветы высовываются как "бородка" из прежнего цветка [pflanzen-vielfalt.net]	ИИ	ПЗ
Elefantenfuß *Beaucarnea recurvata*	Pflanze mit rundlich verdickter Stammbasis und dicht wachsender, überhängender schmaler Blätter [www.mein-schoener-garten.de]	0	(∈≈) (ЛАПА СЛОНА → СТВОЛ) БОКАРНЕЯ широкий охват, отсутствие изгибов	ИИ	ПЗ
Fuchsschwanz *Alopecurus/ Amarantus*	Pflanze mit langen, walzenförmigen, dunkelroten Blütenständen und großen Blättern [duden.de]	0	(∈≈) (ХВОСТ ЛИСЫ → ЦВЕТОК) ЛИСОХВОСТ цвет, относящийся к красноватой гамме, форма цветка	ИИ	ПЗ
Hahnenfuß *Ranunculus*	giftige Wiesenblume mit langen, dünnen Stängeln, gelappten Blättern und kleinen, gelben Blüten, die besonders auf feuchten Wiesen in großer Zahl wächst [dwds.de]	0	(∈≈) (ЛАПА ПЕТУХА → ЛИСТ) ЛЮТИК фигурная форма	ИИ	ПЗ
Hasenohr *Bupleurum*	zu den Doldengewächsen gehörende Staude mit kleinen, gelben Blüten [dwds.de]	0	(∈≈) (УХО ЗАЙЦА → ЛИСТ) ВОЛОДУШКА овальная форма	ИИ	ПЗ
Hundszahn *Erythronium dens-canis*	Rosa, selten weiße Blüten mit zurückgebogenen Blütenblättern ähnlich wie Türkenbund [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (ЗУБ СОБАКИ → ЛЕПЕСТОК) КАНДЫК остроконечная форма	ИИ	ПЗ
Igelkopf *Sparganium*	ein kleines Kraut, das einen kleinen Stängel treibet, auf dessen Spitze ein Frucht zu wachsen pfleget, welche fast rund ist, als wie die an den großen Igelkolben [www.zeno.org]	0	(∈≈) (ГОЛОВА ЕЖА → СЕМЯ) ЕЖЕГОЛОВНИК наличие *игл (1 – части тела, 2 – части хвойного растения)*	ИИ	ПЗ
Katzenpfötchen	niedrige, auf der Heide und in trockenen Wäldern wachsende strauchartige Pflanze mit silb-	0	(∈≈) (ЛАПА КОШКИ → ЛИСТ) АНТИРРИЯ	ИИ	ПЗ/ ПО

[13] Латинское название происходит также от двух греческих корней: κορις (клоп), и ὄψις (вид) [ru.wikipedia.org]

Antennaria	rig behaarten Blättchen und rosafarbenen oder gelblich weißen, Dolden bildenden Blüten [duden.de]		по сходству волос на листьях с мягким мехом кошачьей лапы		
Löwenmaul *Antirrhinum*	zur Familie der Rachenblütler gehörende Gartenblume mit vielfarbigen, traubenförmig angeordneten Blüten [dwds.de]	0	(∈≈) (ПАСТЬ ЛЬВА → ЦВЕТОК) АНТИРРИНУМ	ИИ	ПЗ
Löwenzahn *Taraxacum*	zur Familie der Korbblütler gehörende Wiesenblume mit grob gezähnten grünen Blättern und einem einzigen Kopf aus schmalen, leuchtend gelben Blütenblättern [duden.de]	0	(∈≈) (ЛЬВИНЫЙ ЗУБ → ЛИСТ) ОДУВАНЧИК из-за острой формы листьев [wildeschoenheiten.wordpress.com]	ИИ	ПЗ
Otterzunge *Bistorta officinalis*	krautige Pflanze, die über weite Flächen in Wiesen eingestreut oder in dichten Nestern gewachsen ist [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (ЯЗЫК ГАДЮКИ → КОРНЕВИЩЕ) ГОРЛЕЦ общая S-образная форма	ИИ	ПЗ
Schweinsohr *Calla palustris*	Gattung aus der Familie der Araceen, ausdauernde Kräuter, meist in feuchtem Boden wachsend, mit knolligem Wurzelstock, großen, grundständigen, langgestielten, lanzettlichen, ei-, fuß- oder pfeilförmigen Blättern und kurzem, blattlosem Stengel [www.peterhug.ch]	0	(∈≈) (УХО СВИНЬИ → ЦВЕТОК) БЕЛОКРЫЛЬНИК общая чашеобразная форма	ИИ	ПЗ
Taubenkropf *Silene inflāta*	Pflanzengattung der Karyophyllazeen, krautartige Gewächse mit blasigen Blütenkelchen [www.zeno.org]	0	(∈≈) (ЗОБ ГОЛУБЯ → ЦВЕТОК) СМОЛЁВКА общая форма с шарообразным выступом [www.vorsichtgesund.de]	ИИ	ПЗ
Vogelfuß *Serradella*	vortreffliche Futterpflanze mit großen rosafarbigen Blüten [www.peterhug.ch]	0	(∈≈) (ЛАПА ПТИЦЫ → СОЦВЕТИЕ) СЕРАДЕЛЛА фигурная форма соцветий	ИИ	ПЗ

Зооним + обозначение артефакта

Eselshuf *Tussilago farfara*	Kraut, das einen Haufen kleine Stängel treibet, deren nieder auf der Spitze eine Blume trägt, die sich im Frühjahre stracks sehen lässt, bevor die Blätter noch heraus [www.zeno.org]	0	(∈≈) (ПОДКОВА ОСЛА → ЛИСТ) МАТЬ-И-МАЧЕХА форма подковы	ИИ	ПЗ
Froschlöffel *Alisma*	Sumpf- u. Wasserpflanze mit eiförmigen oder lanzettlichen Blättern u. kleinen weißlichen bis rötlichen Blüten in Rispen [dwds.de]	0	(∈) место обитания рядом с водой [www.botanikus.de]	ИИ	ОЛ

Зооним + обозначение действия животного

Froschbiss *Hydrocharis morsus-ranae*	(in stehenden u. langsam fließenden Gewässern wachsende) Pflanze mit rundlichen, herzförmig eingebuchteten Blättern u. weißen Blüten [dwds.de]	0	листья выглядят как после укусов лягушек [duden.de]	ИИ	ЭЭ
Bienensaug *Lamium purpureum*	Bis 50 cm hohe Pflanze mit herzförmigen Blättern und weißen, in Quirlen stehenden Blüten [www.abtswinder.de]	0	медоносность цветков	ИИ	≈ЭЭ

Зооним+соматизм+фитоним

Bockshornklee *Trigonella foenum-graecum*	eine zweikeimblättrige und einjährige Pflanze, die Wuchshöhen zwischen 30 und 70 cm erreichen kann und blassgelbe, seltener weiße bis violette Blüten ausbildet [www.kraeuter-buch.de]	0	(∈≈) (РОГА КОЗЛА → ЛИСТЬЯ) ПАЖИТНИК изогнутая форма листьев [duden.de]	ИИ	ПЗ
Gänsefingerkraut *Argentina anserina*	Kraut mit gefiederten, auf der Unterseite weißen und seidig haarigen Blättern und gelben Blüten [duden.de]	0	(∈) трава поедается гусями	ИИ	≈ЭЭ

Иная структура

Igelkolben *Allium schubertii*	in sumpfigen Gebieten wachsende Pflanze mit schwertförmigen Blättern und grünlichen Blüten in sternartigen, kugeligen Köpfchen [duden.de]	0	острая форма конечностей	ИИ	ПЗ
Mäusedorn *Ruscus aculeatus*	buschig wachsende, immergrüne Pflanze mit korallenroten Beeren [duden.de]	0	(∈) колючие ветки являются способом борьбы с мышами и крысами [www.heilkraeuter.de]	ИИ	ПСО

Saubohne *Vicia faba*	zur Gründüngung von Ackerflächen sowie als Futter- oder Gemüsepflanze angebaute einjährige Nutzpflanze aus der Gattung der Wicken [dwds.de]	0	(∈) служит средством питания для скота [www.lebensmittellexikon.de]	ИИ	≈ЭЭ
Schafgarbe *Achillea millefolium*	(zu den Korbblütlern gehörende) auf Wiesen, an Wegrändern wachsende Pflanze mit stark geteilten Blättern und weißen bis rosafarbenen, in Doldenrispen wachsenden Blüten [duden.de]	0	(∈) служит средством питания для овец, общее место обитания [www.allesblüht.de]	ИИ	≈ЭЭ/ ОЛ
Schwalbenwurz *Asclepias / Cynanchum*	Gattung aus der Familie der Asklepiadeen, perennierende, Milchsaft führende Kräuter [www.peterhug.ch]	0	(∈≈) (ЛАСТОЧКА → СЕМЯ) ЦИНАНХУМ схожий полет ласточки и семян	ИИ	Н
Vogelmiere *Ornithogalum*	(zu den Sternmieren gehörende) kleine, kriechende Pflanze mit eiförmigen Blättern und kleinen, weißen Blüten [duden.de]	0	ассоциация с птичьим молоком	ИИ	А
Affenbrotbaum	besonders in den Steppengebieten Afrikas wachsender hoher Baum mit ungewöhnlich dickem Stamm, starken, waagerecht ausladenden Ästen und gurkenförmigen, essbaren Früchten [dwds.de]	0	(∈) плоды дерева служат средством питания для обезьян [www.kavitalion.com]	ИИ	≈ЭЭ
Vogelbeerbaum *Sorbus aucuparia*	Eberesche [duden.de]	0	(∈) служит распространенным средством питания для птиц [www.pflanzen-lexikon.com]	ИИ	≈ЭЭ

Грибы

Зооним + фитоним[14]

Hirschschwamm *Clavaria Vaill*	Pilzgattung mit fleischigem, strauchförmig ästigem oder einfach keuligem Fruchtträger, dessen glatte Oberfläche gleichmäßig von dem Sporenlager überzogen ist [www.peterhug.ch]	0	(∈≈) ОЛЕНЬ (РОГА) → КЛАВАРИЯ форма гриба напоминает форму рогов оленя	ИИ	ПЗ
Fliegenpilz *Amanita muscaria*	mitunter recht groß werdender Blätterpilz mit rotem Hut, auf dem viele kleine weiße Hüllreste flockenartig sitzenkönnen, deutlicher Manschette und auffälliger Knolle [www.natur-lexikon.com]	0	(∈) раньше кусочки гриба помещали в подслащенное молоко, чтобы убить мух, которые лакомились им	ИИ	ПСО

Зооним + соматизм

Eselsohr *Otidea onotica*	Rötlicher Öhrling ockergelblicher bis orangerötlicher, +/- ohrenförmiger Becherling [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (УХО ОСЛА → ШЛЯПА) ОТИДЕЯ форма изогнутого круга	ИИ	ПЗ
Hasenpfote *Coprinus lagopus*	zarter, zerbrechlicher, weißlichgrauer, anfangs deutlich behaarter Pilz mit eichelförmigem, später stark aufgebogenem Hut [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (ЛАПА ЗАЙЦА → ШЛЯПА) НАВОЗНИК ПУШИСТЫЙ серый цвет	ИИ	ПЗ
Kuhmaul *Gomphidius glutinosus*	sehr schmieriger, schmutzig graubrauner, großer Pilz mit anfangs weißen, dann schmutzig grauen, dicken, weitstehenden Blättern und gelbem Stielende [www.natur-lexikon.com]	0	(∈≈) (ПАСТЬ КОРОВЫ → ШЛЯПА) МОКРУХА ЕЛОВАЯ по ассоциации со слизистым ртом коровы [www.t-online.de]	ИИ	ПЗ/ ПО
Ziegenlippe *Xerocomus subtomentosus*	essbarer Röhrenpilz mit olivbraunem Hut, gelben Röhren und leicht rötlichem Stiel [dwds.de]	0	(∈≈) (ГУБА КОЗЫ → ШЛЯПА) МОХОВИК структура поверхности шляпы имеет бархатно-мягкую консистенцию и цвету напоминает козлиную губу	ИИ	ПЗ/ ПО

[14] В данном случае обозначение *фитоним* условно, поскольку грибы не являются растениями, однако в ономастике не существует тип онимов с денотативной принадлежностью к царству грибов

Зооним + обозначение артефакта

Hundsrute *Mutinus ravenelii*	ein ungenießbarer Pilz aus unserem Pilzlexikon in der Kategorie ungenießbare Pilze [www.pilzfinder.de]	0	(∈) служит средством питания для собак	ИИ	≈ЭЭ

Животные

Зооним + зооним

Aalbutt *Pleuronectoidei*	Fischfamilie aus der Ordnung der Weichflosser, Knochenfische mit stark zusammengedrücktem, sehr hohem Körper [www.peterhug.ch]	0	относительно длинная форма [камбалы]	ИИ	ПЗ
Affenpinscher[15]	Zwerghund mit struppigem Fell und kugeligem Kopf [dwds.de]	0	наличие лохматой шерсти, забавная внешность	ИИ	ПЗ
Ameisenbär *Myrmecophagidae*	(in Mittel- und Südamerika beheimatetes) Ameisen und Termiten fressendes Säugetier mit röhrenförmig ausgebildeter Schnauze [dwds.de]	0	**1Ч.** (∈) служит исключительным средством питания муравьеда **2Ч.** при опасности становится на задних лапах и угрожает мощными передними с серповидными когтями [www.dortmund.de]	ИИ	ОО+Н
Ameisenigel *Tachyglossidae*	Kloakentier, das Ameisen frisst [dwds.de]	0	**1Ч.** (∈) служит основным средством питания ехидны [dwds.de] **2Ч.** наличие игл	ИИ	ОО + ПЗ
Ameisenlöwe *Myrmeleontidae*	Larve der Ameisenjungfer [www.zeno.org]	0	**1Ч.** (∈) служит средством питания муравьиного льва **2Ч.** 1) волосяной покров, наличие когтей; 2) поведение хищника	ИИ	ОО + ПЗ/Н
Ameisenwespe *Mutillidae*[16]	Insektenordnung der Hautflügler [de.wikipedia.org]	0	внешнее сходство с муравьями	ИИ	ПЗ
Biberratte[17] *Myocastor coypus*	Sumpfbiber [dwds.de]	0	**1Ч.** внешнее сходство **2Ч.** (∈≈) КРЫСА (ХВОСТ) → НУТРИЯ \\тонкий длинный хвост	ИИ	ПЗ+ ПЗ
Biemenameise *Mutilla*	Gattung der Hautflügler aus der Familie der Heterogyna, zur Familie der Raubwespen [www.peterhug.ch]	0	**1Ч.** питание нектаром, как пчёлы **2Ч.** внешнее сходство с муравьями	ИИ	Н+ ПЗ
Bienenwolf *Philanthus triangulum*	Grabwespen [www.peterhug.ch]	0	**1Ч.** 1) внешнее сходство; 2) (∈) являются основным средством питания личинок ос; **2Ч.** хищное поведение	ИИ	ПЗ./ ОО + Н
Bienenwolf *Meropĭdae*	Familie altweltlicher Kuckucksvögel mit zarten Schnäbeln, buntem Gefieder und schwalbenartigem Flug [www.zeno.org]	0	**1Ч.** (∈) являются основным средством питания щурок; **2Ч.** хищное поведение	ИИ	ОО+Н
Dachshund	zur Dachsjagd geeignete Hundeart, Dackel [dwds.de]	0	(∈) объект охоты для таксы	ИИ	ПСО

[15] У зоонима не обнаружено латинское название, возможно, потому что среди кинологов нет единого мнения относительно происхождения обозначаемой породы собак

[16] Между латинскими терминами *Multilla* и *Multillidae* есть некоторая путаница, поскольку первый термин соответствует немецким обозначениям *Bienenameisen*, *Bienenwepsen* [www.peterhug.ch], [de.wikipedia.org], а со вторым термином соотносятся *Ameisenwespen*, *Bienenameisen* [de.wikipedia.org], [www.zeno.org], [www.peterhug.ch], при этом если *Ameisen* можно считать *семейством,* то *Bienen* и *Wepsen* не имеют строгой идентификации в иерархическом уровне систематики перепончатокрылых (Hymenoptera). Например, возможно выделение нескольких семейств *Zikadenwespen), Bethylidae (Plattwespen), Formicidae (Ameisen)* и *Andrenidae (Sandbienen), Chrysididae (Goldwespen)* [Dorow 2014: 59]. В русскоязычных источниках *Multillidae* идентифицируются как *осы-немки,* вследствие чего обусловимся рассматривать интерпретацию только первой части композита *Ameisenwepse,* поскольку вторая часть является идентификацией *семейства (Familie). Bienenameisen* идентифицируются как *род (Gattung)* [www.peterhug.ch],который в одних источниках принадлежит семейству *Raubwespen (Praedones)* [www.zeno.org], в других семейства *Heterogyna*[www.peterhug.ch]. В любом случае речь идет об интерпретации обоих компонентов зоонима.

[17] Структурой зоонима выступает *родовая принадлежность + референт зоонима с внешним сходством* (ср. научное название *Sumpfbiber* структуры *место обитания + родовая принадлежность*), однако нутрия относится к семейству нутриевых, а не бобров [www.nutria-info.com], т.е. интерпретация зоонима *Biber* присутствует и осуществляется по внешнему сходству денотатов данных зоонимов.

Elefantenrobbe *Mirounga*	Seehunde, Familie der Flossenfüßer, ohne äußere Ohren, mit behaarten Sohlen und Schwimmhäuten [www.zeno.org]	0	(∈≈) СЛОН (ХОБОТ) → ТЮЛЕНЬ вытянутая форма носа	ИИ	ПЗ
Elefantenschildkröte *Chelonoidis nigra*	sehr große Landschildkröte bis 95 cm Panzerlänge [www.wissen.de]	0	большой размер	ИИ	ПЗ
Entenadler *Aquila pomarina*	Schreiadler [www.zeno.org], alle diejenigen Raubvögel, welche auf die *Aenten*[18] fallen und dieselben tödten [www.kruenitz1.uni-trier.de].	0	(∈) служит средством питания подорликов	ИИ	ОО
Ferkelmaus *Caviidae*	Nagetier, 20–24 cm lang, in bunter Mischung schwarz, rot, gelb und weiß gezeichnet, stammt aus Peru, wo es durch Pizarro als Haustier gezüchtet wurde [www.zeno.org]	0	сходство издаваемых звуков	ИИ	ПС
Fischreiher *Ardea cinerea*	ansehnliche Vögel mit langem, geradem, spitzem Schnabel, ziemlich langen Läufen, langen, dünnen Zehen, kleinem Kopf, langen Flügeln, kurzem Schwanz, oft mit Federschopf an Kopf und Hals [www.zeno.org]	0	(∈) служит средством питания для цапли [www.gartendatenbank.de]	ИИ	ОО
Flohkrebs *Amphipoda*	im Wasser lebender, in vielen Arten vorkommender Krebs mit seitlich zusammengedrücktem Körper und sechs Beinpaaren am Hinterleib [dwds.de]	0	внешнее сходство	ИИ	ПЗ
Gänsegeier *Gyps fulvus*	die Tagraubvögel, meist große, träge, gefräßige, für die heißen Länder durch Beseitigung faulender Tierkörper nützliche Vögel [www.zeno.org]	0	(∈≈) ГУСЬ (ШЕЯ) → СИП БЕЛОГОЛОВЫЙ относительно длинная шея, [напоминающая шею гуся] [www.kindernetz.de]	ИИ	ПЗ
Hasenmaus *Lagostomys*	geschickt kletterndes und springendes, goldbraunes bis graues Nagetier mit buschigem Schwanz und großen Ohren [dwds.de]	0	(∈≈) ЗАЯЦ (УШИ) → РАВНИННАЯ ВИСКАША вытянутая форма ушей	ИИ	ПЗ
Heringsmöwe *Larus fuscus*	an Meeresküsten, Flüssen und in Mooren lebende Möwe mit gelben Beinen und weißem Körper, deren Rücken und Oberseiten der Flügel grau bis schwarz sind [duden.de]	0	(∈) служит одним из средств питания клуши	ИИ	ОО
Hirschkäfer *Lucanus cervus*	zur Unterfamilie der Kammhornkäfer gehöriger Blatthornkäfer, größter deutscher Käfer schwarz, mattglänzend [www.zeno.org]	0	(∈≈) ОЛЕНЬ (РОГА) → ЖУК-ОЛЕНЬ наличие двух фигурных рогов	ИИ	ПЗ
Igelfisch *Diŏdon*	(in tropischen Meeren vorkommender) Fisch mit schuppenloser Haut und Stacheln, die bei Gefahr aufgerichtet werden [dwds.de]	0	(∈≈) ЁЖ (ИГЛЫ) → РЫБА-ЁЖ наличие игл	ИИ	ПЗ
Katzenbär *Ailūrus fulgens*	der kleine Panda [www.tierenzyklopaedie.de]	0/+	**IВ** 1) ночной образ жизни, лазание по деревьям, облизывание себя языком; 2) внешний вид; **IIВ** как самое милое млекопитающее (как кошка)	ИИ/ХИ	Н/ПЗ//А
Katzenfrett	(in den Wäldern Nordamerikas und Mexikos heimischer) Kleinbär mit einem dem Fuchs ähnlichen Gesicht, großen Ohren und buschigem Schwanz [duden.de]	0	**1Ч.** 1) внешнее сходство с кошачьими; 2) использование виверровых для охоты за мышами; **2Ч.** внешнее сходство с куньими	ИИ	ПЗ+Ф
Katzenhai	kleiner, in Küstengewässern lebender, Eier legender Hai mit gefleckter Haut [duden.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Krähenscharbe *Phalacrocorax aristotelis*	ein Vogel, etwas kleiner als der ähnliche Kormoran, mit schwarzem, grünlich glänzendem Gefieder; gelbem Unterschnabel kleiner Federhaube [www.birds-online.ch]	0	чёрный цвет оперенья	ИИ	ПЗ

[18] Средневерхненемецкое написание существительного *Ente* (см. например, dwds. de).

Krötenfrosch *Pelobatoidea*	Familie aus der Ordnung der Frösche [www.peterhug.ch]	0	внешнее сходство	ИИ	ПЗ
Kuhantilopen *Alcelaphini buselaphus*	eine afrikanische Antilope aus der Gruppe der Kuhantilopen, mit einer Kopfrumpflänge von 2 m, einer Schulterhöhe von 125 bis 130 cm [www.transafrika.org]	0	1) неуклюжесть; 2) относительно большой размер, до 2-х метров [afriwhere.de]	ИИ	Н/ПЗ
Kuhkrähe *Botaurus stellaris*	Vögel mit gedrungenem Leib, langem, dickem Hals, langem, schmalem, hohem Schnabel, ohne verlängert Nackenfedern, mit langen und spitzen Halsfedern, breiten Flügeln, kurzem Schwanz [www.peterhug.ch]	0	звуки мычания; во время спаривания самцы издают подобные звуки	ИИ	ПС
Lämmergeier *Gypaetus barbatus*	der große Raubvögel, welcher nur auf den höchsten Felsenspitzen horstet, der alles Aas verschmäht und wie ein Pfeil aus der Luft herabstürzt, um Gemsen, Schafe, Ziegen, Lämmer, und selbst Kinder zu rauben [www.zeno.org]	0	(∈) по легенде являются потенциальной жертвой бородача	ИИ	А+Н
Maulwurfsmaus /-ratte *Georhychus*	(in mehreren Arten in Afrika heimisches) in der Erde lebendes Nagetier [duden.de]	0	раскапывание в земле ходов, приносящее вред [www.zeno.org]	ИИ	Н/ ЭЭ
Maulwurfsgrille *Gryllotalpidae*	Grille mit zu Grabwerkzeugen umgebildeten Vorderbeinen, die meist in selbst gegrabenen unterirdischen Gängen lebt [duden.de]	0	1) раскапывание в земле ходов; 2) (∈≈) КРОТ (ГОЛОВА) → МЕДВЕДКА форма головы [www.zeno.org].	ИИ	Н/ПЗ
Mäusebussard *Buteo buteo*	adlerähnlicher, vorwiegend Mäuse fangender [brauner] Bussard mit kurzem, abgerundetem Schwanz [duden.de]	0	(∈) служит основным средством питания для канюка [www.geo.de]	ИИ	ОО
Menschenaffe *Hominidae*	großer, schmalnasiger, dichtbehaarter Affe, der in halb aufrechter Haltung geht und besonders als Jungtier dem Menschen sehr ähnlich sieht [dwds.de]	0	в очень отдаленной перспективе человекоподобный внешний вид	ИИ	ПЗ
Nashornkäfer *Oryctes nasicornis*	riesiger, bei uns glänzend kastanienbrauner Käfer mit langem, spitzem Horn, dessen südamerikanische Arten bis zu 16 cm lang werden [dwds.de]	0	(∈≈) НОСОРОГ (РОГ) → ЖУК-НОСОРОГ наличие одного фигурного рога на голове	ИИ	ПЗ
Nashornvogel *Bucerotidae*	artenreicher, im tropischen Afrika und in Südostasien lebender Vogel, dessen Schnabel einen auffallend großen, einem Horn ähnlichen Aufsatz trägt [dwds.de]	0	(∈≈) НОСОРОГ (РОГ) → ПТИЦА-НОСОРОГ наличие большого нароста на носу	ИИ	ПЗ
Pfauenspinner *Saturniidae*	Schmetterlinge mit wunderbar gezeichneten Augenflecken auf den Flügeln, die in den Tropen Südamerikas und Afrikas vorkommen [www.natur-schmetterlinge.ch]	0	(∈≈) ПАВЛИН (РИСУНОК НА ХВОСТЕ) → ПАВЛИНОГЛАЗКА наличие похожих рисунков на теле	ИИ	ПЗ
Pferdeböcke *Hippotragus*	Antilopen [www.peterhug.ch]	0	(∈≈) **1Ч.** ЛОШАДЬ (ГРИВА) + **2Ч.** КОЗЁЛ (РОГА) → ЛОШАДИНАЯ АНТИЛОПА	ИИ	ПЗ
Schafpudel	zu den Schäferhunden gehörender Hund mit meist weißem, dichtem Fell [duden.de]	0	(∈) помощь при присмотре за овцами	ИИ	ПСО
Schlangenadler *Circaetus gallicus*	der Zugvogel, der im Flug an einen Bussard erinnert, doch ist sein Schwanz länger und sind seine Flügel auf der Höhe des Buges breiter als an der Ansatzstelle [www.natur-lexikon.com]	0	(∈) служит основным средством питания змееяда	ИИ	ОО
Schlangenstern *Ophiuroidea*	in sehr vielen Arten vorkommendes) Meerestier mit rundem, scheibenartigem Körper, von dem lange, schlangenhaft bewegliche Arme abzweigen [duden.de]	0	(∈≈) (ЗМЕЯ → ЛУЧ) МОРСКАЯ ЗВЕЗДА лучи морской звезды напоминают по форме и пластике змей	ИИ	ПЗ
Schweinswal *Phocoenidae*	weltweit verbreiteter, besonders in Küstennähe sich aufhaltender kleiner Wal mit kurzem rundem Kopf [duden.de]	0	относительно короткое, круглое тело	ИИ	ПЗ

Spechtmeise *Sitta europaea*	Vögel mit mittellangem, spitzigem, auf der Firste geradem Schnabel, breiten, stumpfen Flügeln, unter deren Schwingen kurzem, breitem Schwanz und kurzläufigem, langzehigem Fuß mit großen, spitzigen, stark gekrümmten Nägeln [www.peterhug.ch]	0	**1Ч** 1) внешний вид 2) способность ползать по дереву **2Ч.** внешний вид	ИИ	ПЗ+ Н
Spinnmilben *Tetranychidae*	blaßgelbe oder rötliche Milbe, auf Lindenblättern, auch auf Buchen, Eichen, Rosen etc.,, wo sie durch Aussaugen der Blätter den Kupferbrand verursacht [www.zeno.org]	0	плетение паутины на образной стороне листьев [www.peterhug.ch]	ИИ	Н
Tigerhai *Galeocerdo cuvier*	(in flachen Küstengewässern der tropischen und subtropischen Meere lebender) Hai mit auffallend gefleckter Haut [dwds.de]	0	наличие вытянутых поперечных пятен на теле	ИИ	ПЗ
Tigerpferd *Equus grevyi*	Zebra [www.zeno.org]	0	наличие поперечных полос на теле	ИИ	ПЗ
Vogelmilbe *Dermanyssus gallinae*	an Vögeln schmarotzende Milbe [duden.de]	0	(∈) являются объектом паразитирования	ИИ	ОО
Vogelspinne *Aranae avicularie*	große, stark behaarte, v. a. in den Tropen und Subtropen vorkommende Giftspinne [duden.de]	0	Во время путешествия по Суринаму в 1699 г. художница С. Мериан видела паука на колибри и запечатлела это на гравюре, которую видел К. Линней, придумавший термин *Aranae avicularie* [faszination-regenwald.de]	ИИ	А
Wolfsspinne *Lycosidae*	Spinnen, die durch ihre Größe, die Schnelligkeit ihres Laufes, welche die langen Beine bedingen, die Wildheit ihrer Bewegungen, das plötzliche und unerwartete Hervorstürzen bezeichnet sind [www.zeno.org]	0	перевод с греч. λύκος; быстрые движения, неожиданность действий; НО! название дано из-за **ложного** представления, что они набрасываются на добычу стаей [wildfauna.ru]	ИИ	Н

Зооним + соматизм

Pfauenauge *Vanessa*[19]	Schmetterling mit auffallenden, den Flecken auf den Schwanzfedern von Pfauen ähnelnden Flecken auf den Flügeln [duden.de]	0	**IВ** (∈≈) (ГЛАЗ ПАВЛИНА[20] → РИСУНОК НА КРЫЛЬЯХ) ПАВЛИНИЙ ГЛАЗ **IIВ 1Ч.** (∈≈) ПАВЛИН (РИСУНОК НА ХВОСТЕ) → ПАВЛИНОГЛАЗКА **2Ч.** внешнее сходство	ИИ	ПЗ// ПЗ+ ПЗ
Schwalbenschwanz *Papilio machaon*	größerer Schmetterling mit vorwiegend gelben, schwarz gezeichneten Flügeln, deren hinteres Paar in zwei Spitzen ausläuft [duden.de]	0	(∈≈) (ХВОСТ ЛАСТОЧКИ → ХВОСТ МАХАОНА) МАХАОН общие форма и цвет	ИИ	ПЗ
Taubenschwänzchen *Macroglossa stellatarum*	graubrauner Schmetterling mit einem vogelschwanzähnlichen, fächerartig ausbreitbaren, dunklen Haarbüschel am Hinterleib [duden.de]	0	(∈≈) (ХВОСТ ГОЛУБЯ → ХВОСТ ЯЗЫКАНА) ЯЗЫКАН ОБЫКОВЕННЫЙ наличие волосяного покрова на конце хвоста [www.nabu.de]	ИИ	ПЗ

Зооним + обозначение исполнителя действия

Bärenbeißer[21] *Canis lupus familiaris*	Hund mit kurzhaarigem Fell, großem Kopf und schwarzer Schnauze, der zur Bärenjagd verwendet wurde [duden.de]	0	(∈) объект охоты собаки	ИИ	ОО

[19] Здесь указано латинское название и иллюстрация бабочки *павлиний глаз (*в нем. *дневной павлиний глаз),* в то время как существуют *вечерний ПГ (Smerinthus ocellatus)* и *ночной ПГ (Saturnia carpin),* рассмотренная выше [www.zeno.org] (по-русски *павлиноглазки).*

[20] Данный вариант интерпретации представляется менее убедительным, поскольку глаз птицы павлин имеет мало аспектов внешнего сходства, тогда как сходство рисунка на его хвосте и крыле бабочки очевидно.

[21] Поскольку одним из значений лексемы *Beißer* является *bissiges Pferd, bissiger Hund*, то становится возможным отнесение данного композита также к структуре *зооним+зооним.*

Papageientaucher[22] *Fratercula arctica*	mittelgroßer Vogel mit auf der Oberseite schwarzem, auf der Unterseite weißem Gefieder und hohem, seitlich zusammengedrücktem, blau, rot und gelb gefärbtem Schnabel [dwds.de]	0	(∈≈) ПОПУГАЙ → ТУПИК (КЛЮВ) пестрый окрас	ИИ	ПЗ
Ziegenmelker *Caprimulgus*	in der Dämmerung u. nachts fliegende Schwalbe mit kurzem, breitem Schnabel u. baumrindenartig gefärbtem Gefieder [dwds.de]	0	(∈) поверие, что козодой ночью крался в хлев и сосал вымя коров и коз	ИИ	ПСО/А

Обозначение артефакта + зооним[23]

Brieftaube *Columba livia domestica*	Taubenart mit ausgezeichnetem Orientierungsvermögen, die als Überbringerin von Nachrichten verwendet werden kann [duden.de]	0	идентификация рода	=	=
Stubentiger *Felidae*	Katze [duden.de]	0	идентификация семейства	=	=

Иная структура[24]

Buttervogel	Zitronenfalter	0	(∈) ведьмы летают в облике бабочек, чтобы украсть молоко и сливки	ИИ	А/Н
Fledermaus *Microchiroptera*	kleines, fliegendes Säugetier, das am Tage schläft und sich beim Ruhen oder während des Winterschlafes mit den Krallen der Hinterbeine festhält und kopfüber nach unten hängt [dwds.de]	0	**1Ч**. от *flattern* = *порхать* **2Ч.** внешнее сходство	ИИ	ПЗ+ПЗ
Heringskönig	großer, zu den Knochenfischen gehörender Fisch mit stark zusammengedrücktem Körper, bräunlichem Rücken und gelben bis orangefarbenen Längsstreifen und einem großen, schwarzen Fleck etwa in der Mitte der Körperseiten [duden.de]	0	**1Ч.** прототипное обозначение рыбы[25] **2Ч.** блестящий окрас, «аристократическая» манера поведения	ИИ	А
Seelöwe *Neophoca cinerea*	löwenähnlich zu brüllen vermögende Robbe mit verhältnismäßig schlankem Körperbau, schmaler Schnauze mit langen, borstenähnlichen Schnurrhaaren [dwds.de]	0	1) наличие усов 2) способность издавать звуки, похожие на рычание	ИИ	ПЗ/ПС
Elefantenspitzmaus *Macroselides typicus*	Vertreter der artenreichsten, durch volles Gebiß und fünfzehige Füße sich kennzeichnenden gleichnamigen Sippe, 25 Cm. lang [www.zeno.org]	0	(∈≈) СЛОН (ХОБОТ) → ПРЫГУНЧИК	ИИ	ПЗ
Schweinebandwurm *Taenia solium*	Bandwurm, dessen Finnen in der Muskulatur des Schweines sitzen und beim Genuss von rohem oder nicht durchgebratenem Fleisch in den Darm des Menschen gelangen [duden.de]	0	(∈) объект паразитирования	ИИ	ОО
Zwergfledermaus[26]	kleines, fliegendes Säugetier mit einer Flughaut zwischen Rumpf und Gliedmaßen, das vorwiegend Insekten frisst, am Tage schläft und sich beim Ruhen oder während des Winterschlafes mit den Krallen der Hinterbeine festhält und kopfüber nach unten hängt	0	внешнее сходство	ИИ	ПЗ

[22] Поскольку одним из значений лексемы *Taucher* является *Schwimmvogel, der sehr gut taucht und nur schlecht fliegt,* то становится возможным отнесение данного композита также к структуре *зооним+зооним.*

[23] В данном случае зооним выступает в функции идентификации животного, однако посредством первого компонента происходит его некоторое переосмысление, что определяет их принадлежность к Possesivkomposita

[24] Представленные в нижней таблице трехкомпонентные композиты можно также отнести к структурам *X + зооним,* однако вследствие сложной структуры данных зоонимов, они выделены в отдельную группу.

[25] Зоологическая идентификация в данном случае не имеет места, поскольку *сельдь* и *солнечник* относятся к разным семействам.

[26] В данном случае речь идет об интерпретации компонента *maus,* т.к. если рассматривать семантику компонента *fledermaus,* то роль последнего состоит в идентификации рода.

Человек

Зооним + антропоним[27]

Froschmann	Taucher mit Spezialausrüstung für bestimmte Arbeiten unter Wasser [duden.de]	0	1) ластообразное окончание задних конечностей 2) деятельность в водной среде	ИИ	ПЗ/Н
Fuchsmajor	älterer Student einer Verbindung, der für die Erziehung der Füchse verantwortlich ist [duden.de]	0	*Возможное совпадение звучания с Foss (16. Jh.), Feix*	ИИ	=
Hundesohn	niederträchtiger, gemeiner Mann [duden.de]	—	способность внезапно *укусить (1 – зубами, 2 – делом, словом)*	ХИ	Н
Kuckuckskind	Kind eines anderen Vaters, das in einer Familie großgezogen wird [duden.de]	—[28]	«взращивание» птенца чужими родителями	ХИ	Н
Lausebengel	*sal., SW* frecher Bengel, Rüpel [dwds.de]	—	пренебрежение чужими интересами	ХИ	Н
Lausejunge	*sal., SW* frecher Junge [dwds.de]	—	пренебрежение чужими интересами	ХИ	Н
Rabeneltern	lieblose, hartherzige Eltern, die ihre Kinder vernachlässigen [duden.de]	—	жестокое, грубое, разорительное отношение к себе подобным **НО!** Вороны защищают собственных птенцов, в отличие от характеризуемых композитом референтов	ХИ	Н
Rabenmutter	lieblose, hartherzige Mutter, die ihre Kinder vernachlässigt [duden.de]	—		ХИ	Н
Rabenvater	liebloser, hartherziger Vater, der seine Kinder vernachlässigt [duden.de]	—		ХИ	Н
Saukerl	übler, gemeiner Mensch [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны людей, нечистоплотность	ХИ	Н
Saumensch	*sal., abw.* üble, gemeine Frauenperson [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны людей, нечистоплотность	ХИ	Н
Schlangenmensch	Akrobat, der über eine schlangenartige Gelenkigkeit verfügt [duden.de]	0	гибкость, способность принимать различные конфигурации	ИИ	Н
Schweinepriester	männliche Person, die abgelehnt, verachtet wird [duden.de]	—	презрительное отношение со стороны людей, нечистоплотность	ХИ	Н
Wolfskind	Kind, das während seiner frühen Entwicklungsphase ohne Kontakt zu anderen Menschen aufwuchs, in der Wildnis von Wölfen und anderen Tieren aufgezogen wurde [dwds.de]	0	*являются типичными представителями дикого мира, в данном случае указывают на «воспитателя» ребёнка*	ИИ	Н
Wolfskind[29]	Bezeichnung für ein Kind, das am Ende des Zweiten Weltkrieges elternlos war und aus dem nördlichen Ostpreußen, auf sich allein gestellt, ins Baltikum flüchtete [dwds.de]	—	*являются типичными представителями дикого мира, в данном случае указывают на отсутствие необходимого воспитания и опеки ребёнка*	ХИ	Н

Зооним + обозначение группы людей

Fohlenelf	aus jungen Spielern, Nachwuchsspielern bestehende Elf [duden.de]	0	молодость	ИИ	ФС
Fohlenmannschaft	aus jungen Spielern, Nachwuchsspielern bestehende Mannschaft [duden.de]	0	молодость	ИИ	ФС
Saubande	Gruppe von Menschen, deren Verhalten Ärger, Wut hervorruft [duden.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих	ХИ	Н

[27] Термин *антропоним* обозначает в данном случае человека в целом, а не является именем собственным последнего.

[28] Данный модус применим скорее к общей ситуации воспитания чужих детей, поскольку, если поведение как кукушонка, выталкивающего из гнезда остальных птенцов, являющихся настоящими детенышами новых птиц-родителей, так и кукушки, отказывающейся от своих птенцов, можно с т.з. человеческой морали считать безнравственным поступком, хотя с биологической т.з. семейный паразитизм имеет весомые основания, то отрицательная оценка едва ли может быть применима к самому денотату рассматриваемого композита.

[29] Настоящий пример интересует с точки зрения переосмысления всего композита относительно его указанного выше значения, т.е. компонент *Wolf* имеет аналогичную интерпретацию, тогда как целое слово осмысляется не как иллюстрация воспитания в *дикой* природе, а как воспитание(точнее фактически его отсутствие) в *диком* для ребенка обществе

Зооним +зооним[30]

Affenpinscher[31]	*SW* [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих	ХИ	Н
Bullenschwein	*SW* [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих	ХИ	Н
Elefantenkücken	*umg, spöt.* plumpes Mädchen [dwds.de]	—	**1Ч.** неуклюжесть **2Ч.** молодой возраст	ХИ	Н+ФС
Sauhund	unverschämter, dreister, durchtriebener Mann [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих	ХИ	Н
Schweinigel/ Sauigel	schmutziger, unreinlicher Mensch [dwds.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих, грязный внешний вид	ХИ	ПЗ
	jmd., der alles beschmutzt [duden.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих, загрязнение окружающего	ХИ	Н
	Mensch, der unanständige, obszöne Reden führt [dwds.de]	—	**1Ч.** презрительное отношение со стороны окружающих **2Ч.** способность *уколоть (1 – иголками, 2 – словом)*	ХИ	Н+Н
Schweinhund	niederträchtiger Kerl; Lump [duden.de]	—	презрительное отношение со стороны окружающих	ХИ	Н

Зооним + обозначение исполнителя действия

Bärenführer	*umg scherz* Fremdenführer [dwds.de]	0	управляемость знающим человеком	ХИ	ПСО
Bärenhäuter[32]	Faulpelz [duden.de]	—	от выражения *auf der Bärenhaut liegen = faulenzen*	ИИ	Ф
Bullenbeißer	*sal. abw.* unfreundlicher, polternder Mensch [dwds.de]	—	**1Ч.** (∈) объект действия	ИИ	ПСО
			1Ч.+2Ч. способность *укусить (1 – зубами, 2 – делом, словом)*	ХИ	Н
Fuchsschwänz(l)er	Schmeichler [duden.de]	—	*представление о лисе, как о льстивом, хитром животном*	ХИ	А
Grillenfänger[33]	trübsinniger Mensch [duden.de]	—	*мрачность (1-внешняя, 2 – внутренняя),* пребывание в мрачной атмосфере	ХИ	Н
Rattenfänger	Volksverführer [duden.de]	—	**1Ч.** (∈) объект действия	ИИ	ПСО
			1Ч.+2Ч. ведущий за собой народ	ХИ	Н

Обозначенрие действия + зооним

Brummbär	brummiger Mensch[duden.de]	—	издавание неопределенных, неприятных, низких звуков	ХИ	ПС
Leseratte	Person, die sehr viel liest [duden.de]	V	способность *вдаться (1 – зубами, 2 – в смысл, содержание)*	ХИ	Н
Spottvogel	jmd., der gern und viel spottet [dwds.de]	V	идентификация субъекта	ХИ	=
Streithammel	streitsüchtiger Mensch [dwds.de]	V	идентификация субъекта	ХИ	=

Зооним + соматизм

Affenfratze[34]	*SW* [dwds.de]	—	(∈≈) (МОРДА ОБЕЗЬЯНЫ → ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА) ДУРНОЙ ЧЕЛОВЕК	ХИ	Н
Fuchsbart	als verschlagen geltender Mann [mit rotem Bart] [duden.de]	—	**1Ч.** 1) (∈≈) (ЛИСА → БОРОДА) ЧЕЛОВЕК 2) (≈) ЛИСА → ЧЕЛОВЕК **2Ч.** (∈) БОРОДА → ЧЕЛОВЕК	ХИ	ПЗ+Н

[30] В примерах данной группы (за исключением *Elefantenkücken*) оба компонента переосмысляются синхронно и, будучи частями ругательных слов, имеют функцию усиления отрицательного компонента значения композита в своей совокупности.

[31] В данном случае следует говорить об интерпретации не зоонима *Affe*, как при рассмотрении зоонима в составе композите *Affenpinscher (афенпинчер),* а интерпретации всего зоонима *Affenpinscher* как средства сопоставления собаки и человека

[32] Интерпретация зоонима в композите осуществляется по формату функции, т.к. шкура «сделана» из медведя, но значение существительного формируется посредством наблюдения за соответствующей категорией людей

[33] Пример едва ли показывает иллюстрацию зоонима *Grille,* поскольку данная языковая единица уже приобрела вне композита значение ‘странные мысли’

[34] Потенциально возможно исключение метонимии, если характеризовать именно лицо человека

Fuchsgesicht[35]	schlauer, durchtriebener Mensch [duden.de]	—	(∈≈) (МОРДА ЛИСЫ → ЛИЦО ЧЕЛОВЕКА) ЧЕЛОВЕК	ХИ	Н
Hasenauge	überängstlicher Mensch, Feigling [dwds.de]	—	(∈≈) (ГЛАЗА ЗАЙЦА → ГЛАЗА ЧЕЛОВЕКА) ТРУСЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК глаза, которые видят слишком много опасностей	ХИ	Н
Hasenfuß	überängstlicher Mensch, Feigling [dwds.de]	—	(∈≈) (НОГА ЗАЙЦА → НОГА ЧЕЛОВЕКА) ТРУСЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК // ноги, на которых можно убежать от опасности	ХИ	Н
Hasenherz	überängstlicher Mensch, Feigling [dwds.de]	—	(∈≈) (СЕРДЦЕ ЗАЙЦА → СЕРДЦЕ-ЧЕЛОВЕКА) ТРУСЛИВЫЙ ЧЕЛОВЕК // сердце, чувствующее постоянную опасность	ХИ	Н
Kalbskopf	*abw.* dummer, törichter Mensch, Dummkopf [dwds.de]	—	(∈≈) (ГОЛОВА ТЕЛЁНКА → ГОЛОВА ЧЕЛОВЕКА) ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК // голова, в которой имеются глупые мысли	ХИ	Н
Storchenbein	*umg., scherz.* Mensch mit langen, dünnen Beinen [dwds.de]	V	(∈≈) (НОГА АИСТА → НОГА ЧЕЛОВЕКА) ДЛИННОНОГИЙ ЧЕЛОВЕК // длинные, тонкие ноги	ХИ	ПЗ
Schafskopf	*SW* einfältiger Mensch, Dummkopf [duden.de]	—	(∈≈) (ГОЛОВА ОВЦЫ → ГОЛОВА ЧЕЛОВЕКА) ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК// голова с глупыми мыслями	ХИ	Н
Schafsnase	dummer Mensch [duden.de]	—	(≈) НОС ОВЦЫ → ГЛУПЫЙ ЧЕЛОВЕК // представление собой сущности, не имеющей мыслей [умных]	ХИ	Н

Обозначение артефакта + зооним

Betthase	*sal., abw.* weibliche Person mit sehr sinnlichen Reizen (als Partner für den Geschlechtsverkehr) [dwds.de]	V	*(возможно)* 1) милый внешний вид 2) способность быть «захваченным» другим	ХИ	ПЗ/Н
Klammeraffe	jmd., der sich (unselbständig) an jmdn., etw. anklammert, sich von jmdm. abhängig macht [dwds.de]	V	(∈≈) ОБЕЗЬЯНА (ХВОСТ) → НЕСАМОСТОЯТЕЛЬНЫЙ ЧЕЛОВЕК наличие чего-то, способного *зацепиться (1-физически, 2-использовать чужие возможности)* [хвост / намерение = за других]	ХИ	Н
Mauerspecht	*scherz.* jmd., der ein kleines Stück vom Mauerwerk besonders der Mauer zur Erinnerung herausbricht oder herausgebrochen hat [dwds.de]	(+)/—	способность деформировать твердую вертикальную поверхность	ХИ	Н/ЭЭ
Papiertiger	nur dem Schein nach starke, gefährliche Person, Sache oder Macht [dwds.de]	(+)/—	сила, опасность **НО!** компонент *Papier* способствует обратному пониманию	ХИ	Н
Skihase	*umg., scherz.* noch ungeschickter, ängstlicher, meist junger Anfänger im Schilauf [dwds.de]	V	трусливость	ХИ	Н
Tastenlöwe	Klaviervirtuose [duden.de]	+	властность [над инструментом]	ХИ	А

Зооним + обозначение артефакта

Eulenspiegel	zu lustigen, mutwilligen Schelmenstreichen aufgelegter Mensch; jemand, der sinnreich zu handeln glaubt oder vorgibt und doch Törichtes tut, Narrheiten begeht [dwds.de]	V	от *Ulenspiegel (-spēgel) = Schalksnarr ūlen = reinigen, wischen и spēgel = Hinterteil*, дословно *wisch [mir] den Hintern*	=	=
Sauhaufen	undisziplinierte, liederliche Gruppe von Menschen [dwds.de]	—	неприятное поведение для окружающих	ХИ	Н
Sausack	Person mit als unangenehm empfundenem, verachtenswertem Charakter; gerissener Mensch [dwds.de]	—	неприятное поведение для окружающих	ХИ	Н

[35] Интерпретация при условии игнорирования дифференциации понятий 'морда' и 'лицо'

Обозначение абстрактного понятия + зооним

Angsthase	überängstlicher Mensch, Feigling [dwds.de]	—	трусливость	ХИ	Н
Frechdachs[36]	*umg, scherz.* Kind oder junger Mensch, der ein wenig frech ist [dwds.de]	—	наглость	ХИ	А
Nachteule	jmd., der bis spät in die Nacht hinein arbeitet [dwds.de]	V	ведение ночного образа жизни	ХИ	Н
Neidhammel	neidischer Mensch [dwds.de]	—	идентификация субъекта	ХИ	=
Pechvogel	jmd., der oft Pech hat [dwds.de]	V	идентификация субъекта	ХИ	=
Premieretiger	*sal., spöt.* jmd., der bei keiner Premiere fehlt [dwds.de]	V	стремление к привлекательным для субъекта сущностям [охота]	ХИ	Н
Salonlöwe/ Party-	*umg.* eleganter, gewandter, etwas oberflächlicher Mensch, der den Mittelpunkt in Geselligkeiten der sogenannten guten Gesellschaft bildet [dwds.de]	V	властность, аристократичные манеры, скрывающие недостатки [трусость/ поверхностность]	ХИ	Н
Spaßvogel	jmd., der andere gern mit Späßen und lustigen Einfällen erheitert [dwds.de]	V	идентификация субъекта	ХИ	=
Sündenbock[37]	*umg.* jmd., auf den man seine Schuld abwälzt, dem man die Schuld an etw. zuschiebt [dwds.de]	V	способность брать на себя чужую вину	ХИ	А

Иная структура

Affenstall	Anzahl von Menschen, von denen jeder macht, was er will [dwds.de]	—	вызывающее поведение	ХИ	Н
Bordsteinschwalbe[38]	*umg., scherz.* Prostituierte [dwds.de]	—	осуществление деятельности на улице,	ХИ	Н
Goldfisch[39]	*veralt., scherz.* heiratsfähiges junges Mädchen, von dem erwartet wird, dass es ein beträchtliches Vermögen in die Ehe mitbringt [dwds.de]	+	красота, способность осуществлять желания	ХИ	А
Kuckucksei	Kind eines anderen Vaters, das in einer Familie großgezogen wird [duden.de]	—[40]	(≈) ЯЙЦО → РЕБЁНОК вскармливание птенца чужими родителями	ХИ	Н
Milchkuh	*umg.* Person, Sache, die jmdm. als einträgliche Quelle dient [dwds.de]	+	способность производить полезный продукт	ХИ	Ф
Pickelhering	historisch komische Figur im Lustspiel [dwds.de]	0	(∈) связь с простым народом (сельдь – средство питания, шут – фигура)	ИИ	Ф

Части тела и его модификации

Зооним + соматизм

Adlerauge	scharfblickendes Auge [dwds.de]	+	острота зрения	ХИ	Н
Adlernase	große, gebogene Nase (eines Menschen) [duden.de]	0	выгнутая форма носа, большой размер	ИИ	ПЗ
Affenfratze	hässliches Gesicht [dwds.de]	—	выражение негативного	ХИ	Н
Falkenauge	scharfblickendes, wachsames Auge [dwds.de]	V	острота зрения, выражение бдительности	ХИ	Н
Fischauge	starres, glasiges, kalt blickendes Auge [dwds.de]	—	*холодный (1- с низкой температурой, 2 - бесчувственный)*	ХИ	ПЗ/ ПО
Froschauge	großes, hervorquellendes menschliches Auge [duden.de]	—	объемность, вытаращенность	ХИ	ПЗ

[36] Вероятнее всего различные характеристики барсука не имеют на себе логических оснований [www.redensarten-index.de], то есть приписываемая ему наглость является проявлением сложившихся ассоциаций

[37] Ввиду ассоциативного формата, определяемого библейским прототипом, интерпретация отдельно зоонимического компонента *Bock* будет иметь совсем иной характер, что было описано в примерах выше.

[38] Возможно переосмысление и всего композита, обозначающего первоначально вид ласточек, обитающих рядом с бордюром.

[39] В данном случае необходима интерпретация целого композита

[40] Относительно оценочного значения см. сноску *Kuckuckskind*

Froschblut [haben]	leidenschaftslos sein, sich durch nichts begeistern oder erregen lassen [duden.de]	—	*холодный (1- с низкой температурой, 2 - бесчувственный)*	ХИ	ПО
Fuchsgesicht	schlaue Miene [duden.de]	—	выражение хитрости	ХИ	Н
Gänsehaut	grobkörnige Haut, die man vor Kälte, Schreck, Furcht bekommt und die der Haut einer gerupften Gans ähnlich ist [duden.de]	0	присутствие маленьких выступов на поверхности	ИИ	ПЗ
Hühnerauge	kegelförmig nach innen gewachsene, örtlich begrenzte Hornhautverdickung an den Zehen, die durch Druck entstanden ist [dwds.de]	0	круглая форма	ИИ	ПЗ
Igelkopf	Kopf mit Igelschnitt [dwds.de]	0	перпендикулярное коже направление её ороговевших тонких придатков	ИИ	ПЗ
Katzenbuckel	gekrümmter Rücken [pons.com]	0	выгнутая спина	ИИ	ПЗ
Krahenfuß	Falten in den äußeren Augenwinkeln [dwds.de]	0	дугообразная форма, дислокация вдоль лучей острого угла	ИИ	ПЗ
Krötenmaul	bei Pferden, besonders bei Schimmeln, helles oder weißes Maul mit dunklen Flecken [duden.de]	0	пестрота	ИИ	ПЗ
Kuhauge	*sal.* ausdrucksloses, glotzendes Auge wie das einer Kuh [dwds.de]	—	выражение бессмыслия, выпаращенность	ХИ	ПЗ/ Н
Luchsauge	scharfblickendes, wachsames Auge [dwds.de]	V	острота зрения, выражение бдительности	ХИ	Н
Mäusauge	kleines, knopfartiges Auge (wie das einer Maus) [duden.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Mäusegesicht	kleines, spitzes Gesicht dss Menschen [duden.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Mäusezahn	(besonders bei Kleinkindern) kleiner, spitzer Zahn [duden.de]	0	маленький размер, острая форма	ИИ	ПЗ
Pferdefuß	missgestalteter menschlicher Fuß, Spitzfuß [dwds.de]	—	неправильная относительно нормальной стопы человека форма	ХИ	ПЗ
Pferdefuß	Fuß des Teufels [dwds.de]	0	наличие копыта на ноге	ИИ	ПЗ
Pgerdeschwanz	langes, am Hinterkopf zusammengebundenes Haar junger Mädchen [dwds.de]	0	длина, направление из одного пункта	ИИ	ПЗ
Rattenschwanz	*sal. scherz.* dünner, magerer Zopf [dwds.de]	—	малый диаметр хвоста	ХИ	ПЗ
Rehauge	großes braunes Auge [dwds.de]	+	большой размер, коричневый цвет	ХИ	ПЗ
Schweinsauge/-äuglein	kleines, blinzelndes, dem Auge eines Schweins ähnelndes Auge [duden.de]	—	маленький размер	ХИ	ПЗ
Schweinskopf	menschlicher Kopf, der wie der Kopf eines Schweins aussieht [duden.de]	—	круглая форма, отсутствие красоты	ХИ	ПЗ
Stiernacken	feister, starker Nacken eines Menschen [duden.de]	V	крепость, сила	ХИ	ПЗ
Vogelgesicht	Gesicht mit großer Nase und fliehendem Kinn, das an den Kopf eines Vogels erinnert [dwds.de]	—	большой размер носа, стремление к отсутствию подбородочного выступа	ХИ	ПЗ
Ziegenbart	*spöttisch* spitzer Kinnbart [dwds.de]	V	острая форма	ХИ	ПЗ

Иная структура

Affenschaukel	*umg., scherz.* hochgebundener Zopf [dwds.de]	V	расположенность на высоте	ИИ	ПЗ
Haarschnecke	Zopf, der über dem Ohr spiralenförmig (wie ein Schneckenhaus) aufgesteckt wird [dwds.de]	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ
Hahnenkamm	Haartolle [dwds.de]	0	приближающаяся к квадрату форма	ИИ	ПЗ
Igelfrisur	Frisur, bei der die oberen Haare wie bei einem Igel nach oben stehen [duden.de]	0	перпендикулярное коже направление её ороговевших тонких придатков	ИИ	ПЗ
Igelschnitt	kurzer Haarschnitt, bei dem die oberen Haare wie bei einem Igel nach oben stehen [duden.de]	0	перпендикулярное коже направление её ороговевших тонких придатков	ИИ	ПЗ

Артефакты

Зооним + обозначение артефакта

Affenschaukel	*Soldatensprache* Schützenschnur, Adjutantenschnur [dwds.de]	0	внешнее сходство веревки и лианы	ИИ	≈ЭЭ
Affenstall	als zu eng, ungemütlich, unwürdig empfundene Unterkunft [dwds.de]	—	некомфортное пребывание в данном помещении	ХИ	Н
Bockschein[41]	gesundheitsamtliche Bescheinigung für Prostituierte [duden.de]	0	=	=	=
Eselsbank	Sitzbank für die schlechtesten Schüler einer Klasse [dwds.de]	—	глупость	ХИ	Н
Flohkiste	Bett [duden.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Froschgoscherl	durch besonderes Raffen des Stoffes geformte Borte an Trachtenkleidern [duden.de]	0	рельефная фактура	ИИ	ПО
Froschklemme	Werkzeug mit froschschenkelförmigen Zangen, die sich beim Anheben von selbst schließen und so das Spannen von Draht, Heben von Lasten o. Ä. ermöglichen [dwds.de]	0	(∈≈) ЛЯГУШКА (ЛАПКИ) → КЛЕЩИ // плоское и расширенное окончание	ИИ	ПЗ
Hundedeckchen	bis zum Knöchel reichende Gamasche [duden.de]	0	маленький размер, как признак неполноценности, свойственный отношению к собаке	ХИ	А
Haifischkragen	breit auslaufender Hemdkragen mit spitzen Enden [duden.de]	0	форма воротника, как будто бы акула откусила острые углы, направленные вниз [www.hawesandcurtis.de]	ИИ	ЭЭ
Igelball	kleiner, rundum mit Noppen versehener Gummiball für Massage und Lockerungsübungen [duden.de]	0	наличие выступов на поверхности, вызывающих тактильные ощущения	ИИ	ПО
Katzentisch	kleiner, etwas abseits einer [Fest]tafel stehender Tisch [duden.de]	—	маленькая высота, отстраненность	ХИ	ПЗ/Н
Mäuseklavier	sehr kleine Tasten an technischen Geräten, unter anderem an Mobiltelefonen [wortwurzel.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Pfauenthron	reich verzierter Thron früherer Herrscher des Iran [duden.de]	V	внешняя красота, наличие украшений	ХИ	ПЗ
Schneckenbohrer	Bohrer mit spiralig gewundener Schneide [dwds.de]	0	спиралевидная форма	ИИ	ПЗ
Vogelscheuche	mit alten Kleidern behängtes Gestell, das durch seine Ähnlichkeit mit einer menschlichen Gestalt auf Feldern die Vögel fernhalten [duden.de]	0	(∈) объект действия	ИИ	ПСО

Обозначение артефакта + зооним

Drahtesel	*sal.* Fahrrad [dwds.de]	0	способность к перевозке	ИИ	Н
Klammeraffe	*umg.* Heft(klammer)gerät, Tacker [dwds.de]	0	способность схватить	ИИ	Н
Knallfrosch[42]	n kurz aufeinanderfolgenden Schlägen explodierender und dabei in verschiedenen Richtungen umherspringender kleiner Feuerwerkskörper [duden.de]	0	способность прыгать по дугообразной траектории с относительно высокой скоростью[43]	ИИ	Н
Rammbär	schwerer stählerner Klotz an einer Ramme, der durch sein Fallgewicht Pfähle und Spundwände einrammt	0	большой вес, способность выполнения требующей силу работы	ИИ	ПЗ/Н

Зооним + соматизм

Biberschwanz	flacher Dachziegel [dwds.de]	0	плоская форма	ИИ	ПЗ

[41] Первая часть композита фактически уже не является зоонимом, т.к. обозначает кресло, на котором владелица денотата композита осматривалась врачом [de.wikipedia.org]

[42] Возможно также рассмотрение компонента *frosch* уже во вторичном тождественном значении

[43] В данном случае признак, присущий денотату зоонима не редуцируется, а значительно преувеличивается, т.к. скорость прыжка лягушки достигает 17 км/ч, тогда как скорость искр фейерверка – 80 км/ч

Bullauge	wasserdicht schließendes rundes Seitenfenster im Schiffsrumpf, in Aufbauten [dwds.de]	0	круглая форма	ИИ	ПЗ
Eselsohr	umgeknickte Ecke eines Papierblattes, besonders in Büchern [dwds.de]	0	наличие изгиба	ИИ	ПЗ
Froschauge	Kfz-Wesen-Jargon aufgesetzter, vorstehender Scheinwerfer [duden.de]	0	форма сплющенной полусферы	ИИ	ПЗ
Fuchsschwanz	eingriffige Säge mit breitem, nach vorn schmaler werdendem Blatt [duden.de]	0	сужающаяся форма	ИИ	ПЗ
Fuchsschwanz	kleine Handsäge mit nur einem Griff, der das trapezförmige, nach vorn schmal zulaufende Blatt hält [dwds.de]	0	сужающаяся форма	ИИ	ПЗ
Katzenauge	Rückstrahler am Fahrrad oder Auto [duden.de]	0	свечение в темноте	ИИ	Н
Katzenkopf	rundlicher, aus Naturstein gehauener Pflasterstein [duden.de]	0	камень так тверд, что при разрыве куски не меньше головы кошки	ИИ	Н
Ochsenauge	Bauwesen ovales oder rundes Dachfenster, besonders an Barockbauten [dwds.de]	0	(∈≈) (ГЛАЗ БЫКА → ОКНО) ЗДАНИЕ	ИИ	ПЗ
Schwalbenschwanz	Frack [duden.de]	0	(∈≈) (ХВОСТ ЛАСТОЧКИ → ФАЛДА) ФРАК	ИИ	ПЗ
Schwalbenschwanz	langer Rockschoß eines Fracks [duden.de]	0	черный цвет, длина, раздвоенная форма	ИИ	ПЗ

Иная структура

Mäusekino	1) Display im Auto 2) Fernsehgerät mit sehr kleinem Bildschirm [duden.de]	0	маленький размер	ИИ	ПЗ
Schneckenpost	veraltend sehr langsames Verkehrsmittel [dwds.de]	—	медленный темп	ХИ	Н
Schwalbennest	auf der Uniform der Musiker von Militärkapellen den Oberarm am Ansatz der Schulter halbmondförmiges Abzeichen [duden.de]	0	форма сплошного полукруга с лохматым окончанием	ИИ	ПЗ
Schwalbennest	seitlich halbkreisförmig über die Bordwand hinausragender Geschützstand bei Kriegsschiffen [duden.de]	0	форма сплошного полукруга с лохматым окончанием	ИИ	ПЗ
Vogelnestschaukel	(dem Vogelnest ähnelnde) Schaukel mit größerer runder, bequemer Sitz- und Liegefläche [duden.de]	0	удобство, круглая форма	ИИ	ПЗ/Н

Болезни[44]

Зооним + обозначение болезни

Hasenpest	Seuche bei wild lebenden Nagetieren, die auch auf Menschen übertragen werden kann [dwds.de]	0	(∈) реализация функции переносчика инфекции	ИИ	ЭЭ
Schweinegrippe	eine auch auf Menschen und von Mensch zu Mensch übertragbare Viruserkrankung bei Schweinen [duden.de]	0	(∈) реализация функции переносчика инфекции	ИИ	ЭЭ
Schweinepest	durch Viren hervorgerufene, meist tödlich verlaufende, ansteckende Krankheit bei Schweinen, die mit inneren Blutungen, Fieber, Entzündungen im Darm und in der Lunge einhergeht [duden.de]	0	(∈) реализация функции переносчика инфекции	ИИ	ЭЭ
Vogelgrippe	irusinfektion, die Vögel (besonders Hühner und Puten) befällt [duden.de]	0	(∈) реализация функции переносчика инфекции	ИИ	ЭЭ

Зооним + соматизм

Hasenscharte	angeborene Oberlippenspalte beim Menschen [dwds.de]	0	(∈≈) (ГУБА ЗАЙЦА → ГУБА ЧЕЛОВЕКА) БОЛЕЗНЬ разделенная форма	ИИ	ПЗ

[44] В данной группе зооним преимущественно не получает переосмысления и вторичного смысла

Wolfsrachen	angeborene Spalte im Kiefer oder Gaumen beim Menschen [dwds.de]	0	(∈≈) (ГЛОТКА ВОЛКА → ГЛОТКА ЧЕЛОВЕКА) БОЛЕЗНЬ // разделенная форма	ИИ	ПЗ

Иная структура

Froschgeschwulst[45]	beim Menschen und bei verschiedenen Haustieren auftretende Zyste im Bereich der Zunge [duden.de]	0	*от лат. rānula = Fröschchen* маленький размер, причинение неудобств	ИИ	ПЗ/Н
Katzenschreisyndrom	eine seltene Erbkrankheit, deren namensgebendes Symptom ein katzenartiges Schreien der betroffenen Kinder im Säuglingsalter ist [www.onmeda.de]	0	издавание звуков, аналогичных кошачьему мяуканию	ИИ	ПС
Spinnenfingrigkeit	Arachnodaktylie [dwds.de]	0	бóльшая длина конечностей относительно части крепления[46]	ИИ	ПЗ
Ziegen[47]peter[48]	ansteckende, durch einen Virus hervorgerufene, vor allem bei Kindern auftretende Entzündung, wobei das Gesicht in der Nähe des Ohres schmerzhaft anschwillt, Mumps [dwds.de]	0	способность животного иметь такое же заболевание	ИИ	Н

Черты характера и проявление нрава

Зооним + обозначение черты характера

Ameisenfleiß	unermüdlicher Fleiß [dwds.de]	+	неутомимость, выносливость	ХИ	Н
Bärengesundheit	sehr stabile, robuste Gesundheit [duden.de]	V	крепкое сложение, выносливость,	ХИ	ПЗ/Н
Bockbeinigkeit	das Bockbeinigsein [duden.de]	—	наличие у носителя кривых ног	ХИ	ПЗ
Elefantengedächtnis	*umg* sehr gutes Gedächtnis für etw., was einem einmal angetan worden ist [dwds.de]	+	наличие у обладателя долгосрочной памяти	ХИ	Н
Lammsgeduld	große Geduld [dwds.de]	V	кротость нрава носителя	ХИ	Н

Зооним + обозначение проявления нрава

Adlerblick	durchdringender Blick [duden.de]	—	хищный нрав обладателя	ХИ	Н
Katzenblick	Blick voll Falschheit [duden.de]	—	лживость обладателя	ХИ	Н
Falkenblick	durchdringender Blick [dwds.de]	—	хищный нрав обладателя	ХИ	Н
Medusenblick	schreckenerregender Blick [dwds.de]	—	чудовищность нрава обладателя[49]	ХИ	А
Raubvogelblick	scharfer, stechender Blick [dwds.de]	—	хищный нрав обладателя	ХИ	Н
mit Hundeblick	(= ergebenem Augenausdruck) [dwds.de]	+	преданность обладателя	ХИ	Н

Действия

Зооним + обозначение действия

Flohwalzer	Name eines bekannten, sehr primitiven Walzers [dwds.de]	—	примитивность организации	ХИ	Н
Hahnenkampf	Übung, bei der zwei Teilnehmende mit auf der Brust verschränkten Armen, auf einem Bein hüpfend, versuchen, einander zu rempeln, bis einer das angezogene Bein auf den Boden setzen muss [dwds.de]	0	внешняя аналогия движений участников боя	ИИ	Н
Hahnentritt	fehlerhafte Gangart des Pferdes, bei der es eines der beiden oder beide Hinterfüße stark zuckend emporhebt [dwds.de]	0	походка с оттягиванием лап назад	ИИ	Н
im Gänsemarsch	einer hinter dem anderen gehend: die Kinder liefen im Gänsemarsch hintereinander her [dwds.de]	0	схожая организация движения исполнителей	ИИ	Н

[45] Данный пример иллюстрирует сравнение референта зоонима с опухолью, т.е. первичное значение «опухоль лягушки» не является релевантным для интерпретации

[46] Заметим, что для паука такая пропорция является нормой

[47] Ср русское название болезни *свинка,* на основе сравнения с мордой свиньи лица больного, по причине воспаления и опухоли околоушной слюнной железы

[48] Происхождение названия данной болезни имеет также еще два варианта: 1) Peter – типичное имя, «олух», Ziege – представитель скота, с которым такого заболевшего человека можно сравнить (по Б. Грюну); 2) название гоблина, который подстрекал болезнь, в котором она обитает [www.medical-tribune.de]

[49] В данном случае речь идет не о животном, а о мифическом существе

im Schweinsgalopp	*umg scherz*: schnell und nicht so sorgfältig [dwds.de]	—	выражение негативного отношения к действию	ХИ	А
Katzenbuckel	Übung, bei der man im Hockstütz die Hände dicht vor oder neben die Fußspitzen stützt und die Knie streckt, sodass der Rumpf einen nach oben gewölbten Bogen bildet [duden.de]	0	внешняя аналогия движения с выгибанием спины	ИИ	Н
Vogel-Strauß-Politik	Art des Verhaltens, bei der jemand eine Gefahr o. Ä. nicht sehen will [duden.de]	—	зарывание головы в песок, когда угрожает опасность	ХИ	А
Katzenwäsche	nur kurze, nicht besonders gründliche Körperpflege [pons.com]	—	умывание быстро и нетщательно	ХИ	Н

Природа (объекты и явления)

Зооним + обозначение вещества

Hirschhornsalz	Ammoniumkarbonat, das beim Backen als Treibmittel benutzt wird [dwds.de]	0	производство из оленьих рогов	ИИ	Ф
Katzengold	fälschlich für Gold gehaltene Minerale wie mineralisch glänzender Glimmer oder Pyrit [pons.com]	—	хитрость кошки	ХИ	А
Katzensilber	silbrig verwitternder Glimmer [duden.de]	—	см. *Katzengold*	ХИ	А
Viehsalz	ungereinigtes, mit Eisenoxid rötlich gefärbtes Steinsalz, das dem Vieh zum Lecken gegeben und zum Auftauen von Eis verwendet wird [dwds.de]	0	(∈) служит средством питания	ИИ	ПСО

Зооним + соматизм

Katzenauge	bräunliches oder graugrünes Mineral, das Licht reflektier [duden.de]	0	способность отражать свет	ИИ	ПЗ
Katzenpfote	(nach engl. cat's paw:) leichter Wind [pons.com]	+	мягкость прикосновения	ИИ	ПО

Иная сруктура

Ameisengeist	Ameisenspiritus [duden.de]	0	первый раз кислота синтезирована из муравьев	ИИ	Ф
Eulenflucht	Abenddämmerung [duden.de]	0	хронологическое тождество	ИИ	Н
Lämmerwolke	Federwolke, Schäfchenwolke [dwds.de]	0	белый цвет, мягкая форма	ИИ	ПЗ
Schaf(s)kälte	häufig Mitte Juni in Mitteleuropa auftretender Einbruch von Kaltluft, der von unbeständigem, regnerischem Wetter begleitet ist [dwds.de]	0	В это время года уже стрижены, и соответственно" замерзают" [www.stern.de]	ИИ	Н

Еда

Зооним + обозначение еды

Bärenzucker	Lakritze [duden.de]	0	(∈) служит средством питания	ИИ	≈ЭЭ
Gänsewein	Wasser als Getränk [duden.de]	0	от. ahd. *„Gos“ = Gote, Angehöriger des germanischen Volksstammes*, и *„wini“ = Freund* [www.welt.de]	=	=
Hasenbrot	nicht aufgegessenes, wieder zurückgebrachtes, ausgetrocknetes Frühstücksbrot [dwds.de]	0	(∈) считалось, что из-за высыхания ранее предназначался для кроликов [educalingo.com/de]	ИИ	≈ЭЭ
Hundefraß	*salopp, derb* sehr schlechtes Essen [dwds.de]	—	презрительное отношение	ХИ	А
Schlangenfraß	Essen, das einem nicht schmeckt, schlecht zubereitet, kaum genießbar ist [duden.de]	—	презрительное отношение	ХИ	А

Зооним + соматизм

Katzenzunge	wie eine Zunge geformtes Stück Schokolade [dwds.de]	0	вытянутая форма	ИИ	ПЗ
Ochsenauge	südd., österreichisch Spiegelei [dwds.de]	0	круглая форма, выпуклость	ИИ	ПЗ

Иная структура

Bärenfang	Likör aus Bienenhonig [duden.de]	0	(∈) служит средством питания	ИИ	ПСО
Mäusespeck	[oft in Rosa und Weiß angebotene] weiche Süßigkeit aus Zucker, Eiweiß, Gelatine [duden.de]	0	первоначально имел форму мышей [www.naschig.de]	ИИ	ПЗ

Место

Зооним + обозначение места

Eselswiese	*umg., scherz.* Übungsgelände für Anfänger im Skisport [dwds.de]	0	глупость, неопытность здесь находящегося	ХИ	Н
Flohmarkt	Markt, auf dem Trödel und gebrauchte Gegenstände verkauft werden; Trödelmarkt [duden.de]	—	от фр. *marché aux puces*[50]	=	=
Sauladen	schlecht geführtes Geschäft, schlecht geführter Betrieb [dwds.de]	—	(∈≈) (СВИНЬЯ → ПЕРСОНАЛ) МАГАЗИН	ХИ	Н
Saustall	*salopp, abwert.* sehr unordentliches, verschmutztes Zimmer o. Ä. [dwds.de]	—	(∈≈) СВИНЬЯ (СВИНАРНИК → КОМНАТА)	ХИ	ПЗ
Schlangengrube	Ort, Stelle, wo Gefahren lauern; Situation, die Gefahren in sich birgt [duden.de]	—	способность приносить опасность	ХИ	ЭЭ

Иная структура

Rabenstein	Richtstätte unter dem Galgen [duden.de]	0	(∈) место пребывания	ИИ	ОЛ

Знаки и рисунки

Зооним + соматизм

Gänsefüßchen	Anführungszeichen [duden.de]	0	общая форма, изгиб	ИИ	ПЗ
Haifischhaut	Gewebe aus mattiertem Reyon, dem ein Muster eingeprägt ist, das der Haut des Haifischs ähnelt [dwds.de]	0	шершавая фактура, наличие схожего рисунка	ИИ	ПЗ/ ПО
Katzenpfote	leichte, flüchtige Kräuselung, die sich auf glattem Wasser zeigt, sobald eine Brise aufkommt [duden.de]	0	белые пенные короны на серо-зеленой или синей воде напоминают светлые пальцы лап темных кошек	ИИ	ПЗ/ Н
Krähenfüße	schlechte Schrift, Gekritzel [dwds.de]	—	**IB** кривая форма **IIB** неспособность птицы [ровно] писать (∈) лапа – почерк (ИНСТРУМЕНТ – РЕЗУЛЬТАТ)	ХИ	ПЗ/ Н
Ochsenkopf	Deltoid [dwds.de]	0	форма выступающих конечностей	ИИ	РЗ
Pfauenauge	Muster (bes. bei Anzugsstoffen) aus kleineren unauffälligen Punkten [dwds.de]	0	наличие в орнаменте элементов круглой формы	ИИ	ПЗ

Иная структура

Hahnentrittmuster[51]	zweifarbiges Muster aus kleinen Karos mit geradlinigen Verlängerungen an den Ecken, die an den Fußabdruck eines Hahnes erinnern [dwds.de]	0	общая форма с выступающими вытянутыми конечностями	ИИ	ПЗ
Klammeraffe[52]	At-Zeichen (@) [dwds.de]	0	(∈≈) ОБЕЗЬЯНА (ХВОСТ) → ЗНАК @ наличие вытянутого и извивающегося окончания	ИИ	ПЗ

[50] Происхождение французского выражение имеет следующие версии происхождения: 1) В конце 19-го века было уничижительное выражение: «Qui se couche avec les chiens se lève avec les puces» (Кто ложится спать с собаками, встает с блохами) 2) Выражение датируется 1880 годом и принадлежит солдату: наблюдая из укреплений Парижа, расположенных внизу, он бы воскликнул: «Ma parole, c'est le marché aux puces!» (Мое слово, это блошиный рынок!) 3) От уничижительного выражения, призванного квалифицировать одежду, предложенную шифоньерами и обычно кишевшую паразитами 4) Ввиду расположенности рынка в районе с низкоуровневым уровнем проституции название может связано с деятельностью женщин неправильной ориентации [fr.quora.com]

[51] Данный пример скрывает также метонимию *Fuß – Tritt* (инструмент - действие)

[52] Название родственно нидерландскому *Apenstaartje – Affenschwanz* [blog.vikingdirekt.at], что делает основательным данный вариант интерпретации

Sauklaue	sehr schlechte, unleserliche Handschrift [dwds.de]	—	неспособность свиньи [ровно] писать (∈) лапа – почерк (ИНСТРУМЕНТ – РЕЗУЛЬТАТ)	ХИ	Н
Zebrastreifen	breite weiße Streifen auf der Fahrbahn, durch die der Fußgängerschutzweg markiert wird [dwds.de]	0	наличие контрастных полос	ИИ	ПЗ

Иные сферы обозначения

Зооним + обозначение конкретного понятия

Bockmist	Unsinn [duden.de]	—	высокая потенциальная возможность приносить неприятности	ХИ	ЭЭ
Eselsbrücke	Merkhilfen, meist aus ganzen Sätzen, aber auch in anderen Formen möglich, mit denen Sie sich Fakten besser merken und einprägen können [karrierebibel.de]	(-) / V	способность создавать проблему /способность помочь хитроумным способом в решении поставленной проблемы	ХИ	ЭЭ/ Ф
Eselsbrücke	Anhaltspunkt zum leichteren Behalten, Verstehen einer Sache [dwds.de]	(-) /V	см. предыдущее значение	ХИ	ЭЭ/ Ф
Hundeloch	sehr schlechte, unzumutbare Behausung [duden.de]	—	неприятный внешний вид окружения	ХИ	ПЗ
Schweinkram	Unanständiges [duden.de]	—	высокая потенциальная возможность приносить неприятности	ХИ	ЭЭ

Обозначение конкретного понятия + зооним

Goldesel	unerschöpfliche Geldquelle [duden.de]	V	из сказки Гримм „Tischchen, deck dich!“	ХИ	Ф
Milchkuh	*umg*, bildlich Sache, die jmdm. als einträgliche Quelle dient [dwds.de]	+	способность производить полезный продукт	ХИ	Ф

Зооним+соматизм

Rattenschwanz	endlose Folge[53] [dwds.de]	—	большая продолжительность	ХИ	ПЗ
Katzenkopf	kurzer, kräftiger Schlag mit der Hand auf den Kopf [duden.de]	0	(≈) КАМЕНЬ → УДАР сила, твердость	ИИ	Н
Schaf(s)kopf	Kartenspiel für vier Personen, das mit 32 Karten gespielt wird [duden.de]	0	(∈≈) (ГОЛОВА ОВЦЫ → ФИГУРА) ИГРА по фигуре, похожей на голову овцы, которые в более старом варианте игры образуют записанные штрихи для выигрышей и убытков	ИИ	ПЗ

Зооним + обозначение абстрактного понятия

Affenkomödie Affentheater	*sal.* unsinniges Gehabe [dwds.de]	—	бессмысленность действий исполнителя	ХИ	Н
Affenspektakel	Riesenlärm [dwds.de]	—	произведение ненужного шума исполнителями действия	ХИ	Н
Affentanz	ausgelassenes Treiben [dwds.de]	—	произведение лишних физических действий исполнителями	ХИ	Н
Elefantenhochzeit	*umg.* Zusammenschluss von mächtigen, großen Unternehmen, Verbänden o. Ä. [dwds.de]	V	большой *размер (1 – габариты, 2 – значимость)* участников событий	ХИ	ПЗ
Bärennatur	sehr robuste körperliche Verfassung [duden.de]	+	физическая крепость	ХИ	Н
Eselstritt	nachträglicher Angriff gegen jmdn., der bereits offiziell verurteilt oder abgesetzt worden ist [dwds.de]	—	запоздалость действия, наличие упрямства	ХИ	Н

[53] Данная трактовка является также образной, т.к. содержит гиперболическое обозначение продолжительности посредством прилагательного *endlos*, тогда как его применимость онтологически ограничена небольшим спектром сущностей, поэтому определение метафорического переноса основано на общем признаке 'большая продолжительность'. Кроме того присущая денотату зоонима негативная оценка передается и на обозначение абстрактного понятия

Flohkino	*sal., spöttisch* kleineres Kino [dwds.de]	0	маленькая продолжительность	ХИ	ПЗ
Flohspiel	Spiel, bei dem kleine bunte Plättchen in den Becher geschnipst werden müssen [duden.de]	0	(∈≈) (БЛОХИ → ФИГУРКИ) ИГРА	ХИ	ПЗ
Froschperspektive	perspektivische Schau eines Gegenstandes von unten [dwds.de]	0	низкая точка обозревателя	ИИ	ПЗ
Hamsterkauf	(bei drohender Verteuerung bestimmter Waren des täglichen Bedarfs, bes. von Lebensmitteln, vorgenommener) Einkauf von über den unmittelbaren Bedarf hinausgehenden Mengen solcher Waren zur Schaffung eines Vorrats [duden.de]	—	стремление производить объемные запасы, позволяющие предотвратить неблагоприятные последствия во время опасности	ХИ	Н
Hundearbeit	sehr schwere, unangenehme Arbeit, große Anstrengung [dwds.de]	—	связь со сложными, неприятными условиями	ХИ	Н
Hundeleben	elendes, erbärmliches Leben, Dasein [duden.de]	—	присущность бедности и презрительного отношения других	ХИ	Н
Hundewache	zweite Nachtwache (von Mitternacht bis 4 Uhr morgens) [duden.de]	0	по представлению, что собака в это время охраняет дом	ИИ	Ф
Igelstellung	(besonders von eingeschlossenen Truppen) Stellung zur Verteidigung nach allen Seiten [duden.de]	0	конфигурация с вытянутыми выступающими частями	ИИ	ПЗ
Katzenkonzert	Hervorbringung einer misstönenden Musik mit Disharmonien und jaulenden Tönen [duden.de]	—	неприятные ощущение от издаваемых звуков	ХИ	ПС
Katzenmusik	disharmonische, schlecht klingende Musik [pons.com]	—	неприятные ощущение от издаваемых звуков	ХИ	ПС
Katzensprung	geringe Entfernung [duden.de]	V	маленькое расстояние	ХИ	Н
Katzen-und-Maus-Spiel	ein Verhalten, das durch starke Zweideutigkeit bestimmt ist, indem jemand auf einen anderen zugeht, ihm etwas anbietet oder verspricht und sich dann wieder zurückzieht und so weiter [pons.com]	—	**1 Ч.** хитрость поведения, желание получить выгоду **2 Ч.** податливость, ведомость	ХИ	Н
Kuckucksei	etw. Untergeschobenes, was sich als etw. von zweifelhaftem Wert oder als unangenehme Aufgabe herausstellt [duden.de]	—	доставление неудобств, наличие сомнительной природы	ХИ	Н
Kuhhandel	*umg., abw.* gegenseitiges Aushandeln von Vorteilen, besonders im politischen Leben [dwds.de]	—	возможно, по аналогии с одноименной настольной игрой	ИИ	Ф
Sauarbeit Schweinearbeit	sehr schmutzige oder anstrengende, unangenehme Arbeit [dwds.de]	—	связь с грязными, неприятными условиями	ХИ	Н
Sauwirtschaft	*sal., derb, abw.* schlampige, unordentlich geführte Wirtschaft [dwds.de]	—	пребывание хозяина в неопрятном окружении	ХИ	Н
Schneckentempo	*umg.* sehr langsames Tempo [duden.de]	—	характеризуемое медлительностью	ХИ	Н
Schwanengesang	gehoben letztes Werk, letzte Tat, besonders eines Dichters, Künstlers vor seinem Tode, am Ende eines Lebensabschnittes, einer Periode [dwds.de]	V	по аналогии с последнем произведением Ф. Шуберта	=	=
Schweinearbeit	*salopp, derb* sehr schmutzige oder anstrengende, unangenehme Arbeit [dwds.de]	—	связь с грязными, неприятными условиями	ХИ	Н
Schweinezyklus	regelmäßig wiederkehrende starke [Preis]schwankungen [duden.de]	—	наличие неприятных последствий	ХИ	Н
Vogelperspektive	Sicht von einem sehr hoch gelegenen Punkt aus, von hoch oben, die einen Überblick gewährt [duden.de]	0	от фр. *à vue d'oiseau* расположенность наблюдателя на определенной высоте	ИИ	Н
Wurmfraß	durch Befall von Würmern entstandener Schaden [dwds.de]	—	нанесение ущерба	ИИ	ЭЭ
Ziegenproblem	Drei-Türen-Problem Monty-Hall-Dilemma Monty-Hall-Problem [dwds.de]	0	по «участникам» задачи Монти Холла	ИИ	ОО

Усиление сущности через зооним[54]

Высокая связь денотатов композита и зоонима[55]

Bärenhunger	sehr großer Hunger [duden.de]	V	голод, приближенный к медвежьему	ХИ	Н
Bärenkraft	sehr große, ungewöhnliche körperliche Kraft [duden.de]	V	сила, приближенная к медвежьей	ХИ	Н
Löwenmut	großer Mut, Beherztheit [duden.de]	V	мужество, приближенное к львиному	ХИ	Н
Löwenstärke	große Stärke [duden.de]	V	сила, приближенная к львиной	ХИ	Н

Завуалированная связь денотатов композита и зоонима[56]

Bärenruhe	sehr große Gemütsruhe, Ausgeglichenheit [duden.de]	V	спокойствие, как у медведя в спячке	ХИ	Н
Hundekälte	große, unangenehme Kälte [duden.de]	—	холод, при котором собаки не выходят из дома	ХИ	Н

Низкая связь денотатов композита и зоонима[57]

Без указания вектора характеризуемого понятия[58]

Affentempo	*sal.* großes Tempo [dwds.de]	—	темп ненормальный, как обезьяна	ХИ	Н
Hundefraß	sehr schlechtes Essen [duden.de]	—	еда неприятная, как собака	ХИ	Н
Hundewetter	sehr schlechtes Wetter[59] [duden.de]	—	погода неприятная, как собака	ХИ	Н
Sauwetter	*sal., derb* sehr schlechtes Wetter [dwds.de]	—	погода неприятная, как свинья	ХИ	Н

С указанием вектора характеризуемого понятия

Bärenkälte	sehr starke Kälte [duden.de]	—	очень холодно	ХИ	Н/А
Bullenhitze	große, fast unerträgliche Hitze [duden.de]	—	очень жарко	ХИ	Н/А
Sauhitze	Gegenwort zu Saukälte [dwds.de]	—	очень жарко	ХИ	Н/А
Saukälte	sehr große Kälte [dwds.de]	—	очень холодно	ХИ	Н/А
Sauwut	*sal.* große Wut [dwds.de]	—	очень гневно	ХИ	Н/А

Связь с предварительно переосмысленным зоонимом

Schweinegeld	sehr viel Geld [duden.de]	V	свинья как символ счастья	ХИ	А

---

[54] Примеры данной группы можно распределить по вышеизложенным категориям, однако цель их обособленной идентификации – проследить градуальное распределение степени присутствия признака на зоонимической части композита

[55] Денотативное значение второй части композита присуще также денотату зоонима: *Bärenhunger* → *‘голод, как у медведя’*

[56] Денотативное значение второй части композита косвенно относится к денотату зоонима, что показывает этимология названия: *Hundekälte* → *'холод, при котором даже собаки остаются дома'*

[57] Зооним служит усилением признака: *Sauwetter* → *'плохая погода' = как и свинья вызывающая неприятные ощущения*

[58] Данное разделение также указывает на связь характеризуемых существительных второй группы с наречиями: *Sauhitze* → *[состояние, когда] очень жарко*, / *сильная жара*, ср.: *Sauwetter* → * *очень погода*.

[59] В отличие от *Hundenkälte* плохая погода не всегда предполагает низкую температуру, из-за чего связь денотата зоонима и второй части композита теряется

Приложение В

Интерпретация значений зоонимов в составе сложных прилагательных

X как Y (без переосмысления признака)

Цвет

fuchsrot	rötlich braun [duden.de]	0	рыжий, как лиса	ИИ	ПЗ
hechtblau/ hecht-grau	von der Farbe eines Hechtes; blaugrau [duden.de]	0	серо-голубой, как щука	ИИ	ПЗ
kanariengelb	gelb wie ein Kanarienvogel, hellgelb [dwds.de]	0	светло-жёлтый, как канарейка	ИИ	ПЗ
mausfarben/-big	mausgrau [duden.de]	0	серый, как мышь	ИИ	ПЗ
maulwurf(s)grau	schwarzgrau wie das Fell des Maulwurfs [duden.de]	0	серо-чёрный, как крот	ИИ	ПЗ
mausgrau	grau wie das Fell von Mäusen [duden.de]	0	серый, как мышь	ИИ	ПЗ
papageiengrün	grün wie das Gefieder mancher Papageien [dwds.de]	0	зелёный, как попугай	ИИ	ПЗ
puterrot	(im Gesicht) überaus rot (besonders vor Wut, Scham) [duden.de]	—	красный от негативного воздействия	ХИ	ПЗ/ Н
rabenschwarz	kohlrabenschwarz [duden.de]	0	чёрный, как ворон	ИИ	ПЗ
schwanenweiß	*geh.* weiß wie ein Schwan, blendend weiß [dwds.de]	0	белый (=бледный)[60], как лебедь	ИИ	ПЗ
schweinchenrosa	von hellem, zartem Rot (das mit der Hautfarbe des Hausschweins in Verbindung gebracht wird) [duden.de]	0	розовый, как поросёнок	ИИ	ПЗ
taubenblau/-grau	blass graublau [duden.de]	0	бледно-серо-голубой, как голубь	ИИ	ПЗ

Фактура

aalglatt	überaus glatt [dwds.de]	0	гладкий, как угорь	ИИ	ПО

Физиология

büffelstark	stark wie ein Büffel [duden.de]	+	сильный как буйвол	ХИ	Н

Характер

fuchsschlau	sehr schlau und andern durch seine Raffinesse überlegen [duden.de]	V	умный, хитрый, как лиса	ХИ	Н
hundswütig	tollwütig [duden]	—	яростный, как собака	ХИ	Н
lammfromm	sanft, ruhig, geduldig wie ein Lamm [dwds.de]	+	1В терпеливый, как ягнёнок 2В терпеливый, как Спаситель (= Агнец Бога)	ХИ	Н/А
löwenkühn	kühn, wie ein Löwe [WBN]	+	смелый, как лев	ХИ	Н
löwenstark	stark, wie ein Löwe [WBN]	+	сильный, как лев	ХИ	Н
spinne(n)feind	jmdn. nicht ausstehen können, sich mit jmdm. nicht vertragen können [dwds.de]	—	враждебный, как паук[61]	ХИ	Н

X как Y (с переосмыслением признака)

aalglatt	schwer zu fassen; fähig oder geeignet, sich aus jeder Situation herauszuwinden [duden.de]	—	*скользкий (= 1 – гладкий, 2 – с изворотливым поведением)*	ХИ	ПЗ
stuten-bissig	als Frau anderen (als Konkurrentinnen angesehenen) Frauen gegenüber aggressiv, streitbar [duden.de]	—	способный *укусить (= 1 - схватить зубами, 2 – резко обидеть)*	ХИ	Н
vogelfrei	im Zustand völliger Rechts- und Schutzlosigkeit; rechtlos und geächtet [duden.de]	—	*свободный (= 1 – в пространстве, 2 – от прав и защиты)*	ХИ	Н

часть тела X как часть тела Y (без вторичного значения)

Внешнее соответствие с органом

adlernasig	eine große, gebogene Nase habend [duden.de]	V	с большим носом, как у орла	ХИ	ПЗ

[60] В данном случае при формировании нового значения происходит небольшое переосмысление значения, поскольку лицо даже у трупа цвета лебединых перьев быть не может

[61] В основе словообразования лежит наблюдение о том, что некоторые пауки склонны к каннибализму [Duden 2013]

dachsbeinig	krummbeinig [WBN]	—	с кривыми ногами	ХИ	ПЗ
fischäugig	mit Augen, die Fischaugen ähnlich sind [dwds.de]	V	с вытаращенными глазами	ХИ	ПЗ
storchbeinig	den Beinen eines Storchs ähnlich [duden.de]	V	с тонкими ногами, как у аиста	ХИ	ПЗ

Соответствие с функцией органа

adleräugig	wie mit Adleraugen [duden.de]	+	с острым *зрением,* как у орла	ХИ	Н
eulenäugig	Augen wie eine Eule habend [duden.de]	+	с острым *зрением,* как у совы	ХИ	Н
löwenherzig	[mit] tapferem Herz [WBN]	+	*храбрый*, как лев	ХИ	А

часть тела X как часть тела Y (вторичные значения в TARGET domain)

bockbeinig	trotzig, störrisch, widerspenstig [duden.de]	—	*сопротивляющийся [ногами], как козёл*	ХИ	Н
stierköpfig	hartnäckig [WBN]	—	*сопротивляющийся [головой], как бык*	ХИ	Н

Зооним + усиливаемое зоонимом качество

Высокая связь денотатов композита и зоонима

bärenstark	sehr stark [duden.de]	V	сильный, как медведь	ХИ	Н
bullenstark	sehr stark [duden.de]	V	сильный, как буйвол	ХИ	Н
hundemüde	sehr müde, erschöpft [duden.de]	—	усталый, как собака	ХИ	Н
mäuschenstill	ganz still [duden.de]	V	тихий, как мышь	ХИ	Н

Завуалированная связь денотатов композита и зоонима

bärenruhig	sehr ruhig [duden.de]	+	спокойный, как у медведя в спячке	ХИ	Н
mäusearm	sehr arm [duden.de]	—	бедный, как церковная мышь	ХИ	А
hundeelend	(in Bezug auf jemandes Befinden) sehr elend, schlecht [duden.de]	—	жалкий, как дворовая, брошенная собака	ХИ	А
hundekalt	sehr, unangenehm kalt [duden.de]	—	холодно, что даже собака дома	ХИ	Н
fuchswild	sehr wütend [duden.de]	—	гневный, как разозленная дикая лиса	ХИ	Н/А
katenfalsch	falsch, wie eine Katze [WBN]	—	лживый, как кошка	ХИ	Н/А
mäusetot	ganz und gar tot, nicht die geringste Lebensregung mehr zeigend [duden.de]	—	мертвый, как мыши, которых часто травят и ловят	ХИ	ПСО

Низкая связь денотатов композита и зоонима

saublöd	sehr dumm, sinnlos [dwds.de]	—	очень глупо	ХИ	Н/А
saudumm	sehr dumm [dwds.de]	—	очень глупо	ХИ	Н/А
saugrob	sehr unhöflich [dwds.de]	—	очень грубо	ХИ	Н/А
saukalt	sehr kalt [duden.de]	—	очень холодно	ХИ	Н/А
saukomisch	sehr komisch [dwds.de]	V	очень смешно	ХИ	Н/А
sauschlecht	*sal, derb* sehr schlecht [dwds.de]	—	очень плохо	ХИ	Н/А
sauschwer	*sal* sehr schwer [dwds.de]	—	очень тяжело	ХИ	Н/А
sauteuer	sehr teuer [dwds.de]	—	очень дорого	ХИ	Н/А
sauwohl	*sal, derb* sehr wohl [dwds.de]	V	очень благополучно	ХИ	Н/А
schweinekalt	ungemein kalt [duden.de]	—	очень холодно	ХИ	Н/А
schweineteuer	ungemein teuer [duden.de]	—	очень дорого	ХИ	Н/А

Связь с предварительно переосмысленным зоонимом

bockstark	sehr stark, sehr gut [duden.de]	V	козёл = артефакт	ХИ	Н
bocksteif	sehr steif [duden.de]	V	козёл = артефакт	ХИ	Н
bockstill	völlig bewegungslos [duden.de]	V	козёл = артефакт	ХИ	Н
katzenfreundlich	scheinheilig-freundlich [duden.de]	—	***ЛОЖНО*** дружелюбный	ХИ	Н/А

Приложение Г

Лексикографические значения атрибутивных словосочетаний с зоонимическим компонентом

1 Дескриптивное прилагательное + зооним-1

alter Hase	erfahrener Fachmann [dwds]	+	ХИ
alter Theaterhase/ Filmhase	ein erfahrener Fachmann auf dem Gebiet der Schauspielkunst [dwds]	+	ХИ
dicker Fisch	1. ein gesuchter Verbrecher 2. *scherzh.* jmd., der sich auf einem bestimmten Gebiet o. Ä. besonders auszeichnet [Duden 2013]	—	ХИ
großes Fisch	1. ein gesuchter Verbrecher 2. *scherzh.* jmd., der sich auf einem bestimmten Gebiet o. Ä. besonders auszeichnet [Duden 2013]	—	ХИ
graue Maus	*umg abw.* unscheinbare Person, die wenig aus sich zu machen versteht, der wenig Beachtung geschenkt wird, die man für farblos hält [duden]	—	ХИ
großes Tier	*umg.* eine Person von großem Ansehen, hohem Rang [duden]	V	ХИ
hohes Tier	*umg.* eine Person von großem Ansehen, hohem Rang [duden]	V	ХИ
innerer Schweinehund	*ugs.* Schwäche, Trägheit, Feigheit gegenüber einem als richtig erkannten Tun [duden]	—	ХИ
junger Dachs	ganz junge Person [Schemann 2011]	V	ХИ
kalte Ente	einer Bowle ähnliches Getränk aus Wein, Schaumwein, Mineralwasser und Zitronenscheiben [duden]	0	ИИ
kleine Fische	*ugs.* Dinge, die nicht ins Gewicht fallen; Kleinigkeiten [Duden 2013]	—	ХИ
kalter Hund	Torte aus Keksen und Kakaomasse [dwds]	0	ИИ
leichte Fliege	eichtfertige, leichtsinnige Person [dwds]	—	ХИ
melkende Kuh	Person, Sache, die jmdm. als einträgliche Quelle dient [dwds]	+	ХИ
roter Hahn	Sinnbild der Feuersbrunst [dwds]	0	ИИ
schwarzes Schaf[62]	jemand, der in einer Gemeinschaft unangenehm auffällt, von ihr als Außenseiter betrachtet wird [Duden 2013]	—	ХИ
Trojanisches Pferd	Geschenk, das sich als unheilvoll herausstellt [redensarten-index.de]	—	ХИ
ungefangene Fische	*ugs.* Dinge, die noch nicht entschieden sind, noch nicht spruchreif sind [Duden 2013]	—	ХИ
weiße Maus[63]	*ugs. scherzh.* Verkehrspolizist [Duden 2013]	0	ИИ
weißer Rabe	eine große Ausnahme, Seltenheit [Duden 2013]	V	ХИ
wilde Hummel	ein ausgelassenes / vergnügtes / ungestümes / aufgewecktes Mädchen [redensarten-index.de]	V	ХИ

2 Оценочное прилагательное + зооним-1

dicker Hund[64]	1. eine Ungeheuerlichkeit 2. ein grober Fehler [Duden 2013]	—	ХИ
diebische Elster	jemand, der öfter [kleinere] Diebstähle begeht; nach der Gewohnheit der Elstern, glitzernde Gegenstände in ihr Nest zu tragen [duden]	—	ХИ
faule Fische	*ugs.* dumme Ausreden, Lügen [Wörterbuch für Redensarten]	—	ХИ
heilige Kuh	eine unantastbare Sache/ Person; etwas, das nicht abgeschafft/ verändert werden darf; eine Sache, an der keine Kritik zugelassen wird [redensarten-index.de]	+	ХИ
kalter[65] Fisch	*ugs:* jmd., der keine Gefühlsregungen, kein Mitgefühl zeigt [duden]	—	ХИ
lahme Ente	1. schwunglose, schwerfällige, entscheidungsunfähige Person 2. langsames Fahrzeug, Gerät mit schwachem Getriebe o. Ä [Duden 2013]	—	ХИ
verirrtes Schaf	ein Abtrünniger; jemand, der vom rechten Weg abgekommen ist [redensarten-index.de]	—	ХИ

[62] По 1. Моисея 30, 32: в стаде овец черные и пятнистые овцы менее желательны, потому что белая шерсть позволяет по желанию красить при дальнейшей обработке

[63] Выражение, вероятно, является намеком на служебную одежду гаишников, которые раньше часто носили белую форму или белое пальто

[64] Происхождение этого выражения, распространенного с первой половины 20 века, не выяснено. Вероятно, образно означает то, что в негативном ключе не соответствует норме [Duden 2013].

[65] Следует учитывать переносное значение прилагательного *kalt = abweisend; ohne jedes Mitgefühl*

3 Дескриптивное прилагательное + дескриптивный зооним-2

krasser Fuchs	schüchtern wie ein kleiner Fuchs (Student des ersten Semesters) [Ольшанский 2005: 35]	V	ХИ

4 Дескриптивное прилагательное + оценочный зооним-2

alte Eule	eine hässliche, unwirsche Frau [dwds]	—	ХИ
alte Kuh	*SW* [dwds]	—	ХИ
alte Ziege	[dwds]	V	ХИ
alter Bock	[dwds]	V	ХИ
alter Hirsch	[dwds]	V	ХИ
alter Kauz	[dwds]	V	ХИ
kleine Kröte	ein kleines, freches Mädchen [redensarten-index.de]	—	ХИ
lustiger Vogel	ein komischer Mensch [Duden 2013]	V	ХИ
merkwürdiger Kauz	[dwds]	V	ХИ
seltener Vogel[66]	ein seltsamer, eigentümlicher Mensch [Duden 2013]	V	ХИ
steifer Bock	*umg.* zum Teil scherzhaft für unsportliche Jungen bzw. Männer [wortbedeutung.info]	V	ХИ
wahres Lamm	geduldiger Mensch [dwds]	+	ХИ

5 Оценочное прилагательное + оценочный зооним-2

alberne Gans	*SW* [dwds]	—	ХИ
alte Schlange	[dwds]	—	ХИ
arme Sau	ein bedauernswerter Mensch [dwds]	—	ХИ
armes Schwein	ein bedauernswerter Mensch [dwds]	—	ХИ
blöde Gans	*SW* [dwds]	—	ХИ
blöde Kuh	eine dumme S / einfältige Frau [redensarten-index.de]	—	ХИ
dumme Kuh	eine dumme S / einfältige Frau [redensarten-index.de]	—	ХИ
blöde Sau	unsauberer oder unanständiger, moralisch minderwertiger Mensch, Schwein [dwds]	—	ХИ
dumme Sau	unsauberer oder unanständiger, moralisch minderwertiger Mensch, Schwein [dwds]	—	ХИ
faule Sau	unsauberer oder unanständiger, moralisch minderwertiger Mensch, Schwein [dwds]	—	ХИ
elende Sau	unsauberer oder unanständiger, moralisch minderwertiger Mensch, Schwein [dwds]	—	ХИ
blöde Ziege	Schimpfwort für Frauen / Mädchen [redensarten-index.de]	—	ХИ
dumme Ziege	Schimpfwort für Frauen / Mädchen [redensarten-index.de]	—	ХИ
blöder Hammel	[dwds]	—	ХИ
blöder Hund	ein unsympathischer Mensch [redensarten-index.de]	—	ХИ
blödes Schaf	[dwds]	—	ХИ
dumme Gans	*SW* [dwds]	—	ХИ
ehrlicher Kauz	[dwds]	V	ХИ
falscher Hund	*abw.* eine heimtückische, hinterhältige männliche Person [duden]	—	ХИ
falsche Schlange	*abw.* eine hinterlistige, schöntuerische, heimtückische Person [duden]	—	ХИ
geiler Bock	1. ein lüsterner Mann 2. ein hervorragendes Motorrad [redensarten-index.de]	—	ХИ
giftige Kröte	[dwds]	—	ХИ
komischer Vogel	ein seltsamer / merkwürdiger / exzentrischer Mensch [redensarten-index.de]	—	ХИ
krummer Hund[67]	eine zwielichtige, verdächtige Person, ein Betrüger [duden]	—	ХИ
linke Ratte	1. ein Betrüger / Lügner; ein hinterhältiger / verschlagener Mensch 2. Mensch mit links gerichteten Ansichten [redensarten-index.de]	—	ХИ
linker Hund	ein Betrüger / Lügner; ein hinterhältiger / verschlagener Mensch [redensarten-index.de]	—	ХИ
scharfer Hund	ein extrem unangenehmer, aggressiver und bissiger Mensch’ [www. mundmische.de]	—	ХИ
schräger Vogel	1. ein seltsamer Mensch, ein leicht verrückter Mensch 2. ein zwielichtiger Mensch [redensarten-index.de]	—	ХИ
toller Hecht	ein Mann, der [wegen seines Mutes, seiner Unverfrorenheit, seiner Cleverness o. Ä.] bewundert wird [duden]	+	ХИ

[66] Выражение является переводом латинского *rara avis* [Duden 2013]

[67] Прилагательное используется в разговорном уничижительном смысле ‘незаконно действующий с применением незаконных средств’ [Duden 2013]

Приложение Д

Лексикографические значения и толкования сравнительных конструкций с союзом *wie* и зоонимическим компонентом

Существительное + wie + зооним + haben

Augen wie ein Luchs haben	sehr scharf sehen und alles bemerken [Duden 2013]	+	наличие у рыси хорошего *зрения* // (∈) ОРГАН вместо ФУНКЦИИ	ХИ	Н
Hunger wie ein Wolf haben	großen Hunger haben [dwds.de]	V	стремление хищника съесть практически всё без разбора	ХИ	Н
Gedächtnis wie ein Elefant haben	gelegentlich ironisch sehr gutes (Langzeit) Gedächtnis, (detailgenaues) Erinnerungsvermögen [dwds.de]	+	наличие у слона хорошей памяти	ХИ	Н
Ohren wie ein Luchs haben	sehr gute Ohren haben, sehr gut hören [dwds.de]	+	наличие у рыси хорошего *слуха* // (∈) ОРГАН вместо ФУНКЦИИ	ХИ	Н

Прилагательное + wie + зооним + [sein]

arm wie eine Kirchenmaus	*ugs. scherz* sehr arm sein [Duden 2013]	—	сложность добычи еды мышами, живущим в церквях	ХИ	Н
bekannt wie ein bunter/scheckiger Hund	*umg:* überall bekannt sein [Duden 2013]	V	распространенность собак в человеческом обществе	ХИ	Н
gesund wie ein Fisch im Wasser	völlig gesund sein [dwds.de]	+	повышение жизнеспособности в благоприятной среде обитания	ХИ	Н
glatt wie ein Aal	*abw.* nicht zu fassen sein, sich aus jeder Situation geschickt herauszuwinden verstehen [duden.de]	—	изворотливость угря *скользкий* (= *1 – гладкий, 2 – с изворотливым поведением*)	ХИ	ПО
herausgeputzt o. ä. wie ein Palmesel	*landsch. abw.* übertrieben herausgeputzt sein [Duden 2013]	—	Во время праздничных шествий в Вербное воскресенье, особенно в Средние века, возили осла или фигуру осла в красочных украшениях.	ХИ	ПЗ
hungrig wie ein Bär	*ugs* überaus hungrig sein [pons.com]	—	стремление хищника съесть всё без разбора	ХИ	Н
hungrig wie ein Wolf	sehr großen Hunger haben [Duden 2013]	—	стремление хищника съесть всё без разбора	ХИ	Н
matt wie eine Fliege	*ugs*: sehr ermattet sein [dwds.de]	—	вялость мухи в осенний период	ХИ	Н
müde wie ein Hund	*umg:* sehr müde, erschöpft sein [Duden 2013]	—	**IB** потребность собаки в 16-часовом сне **IIB** близость собаки к человеку **IIIB** использование собак в качестве транспорта	ХИ	Н
munter wie ein Fisch im Wasser:	gesund und vergnügt [Duden 2013]	+	повышение жизнеспособности в благоприятной для рыбы среде обитания	ХИ	Н
nachtragend wie ein indischer Elefant	sehr nachtragend sein [Duden 2013]	V	способность слона переносить тяжелые вещи	ХИ	Н
nachtragend wie ein Wasserbüffel	sehr nachtragend sein [Duden 2013]	V	способность буйвола переносить тяжелые вещи	ХИ	Н
sanft wie ein Lamm[68]	sehr sanftmütig [Duden 2013]	+	кротость ягненка	ХИ	Н/А
schwarz wie ein Rabe	*umg* sehr dunkel, tiefschwarz [archiv.duden.de]	0	черный цвет оперенья воронов	ИИ	ПЗ
schwarz wie ein Rabe	*oft scherzhaft;* [meist von Kindern] sehr schmutzig [archiv.duden.de]	—	*черный* (= *1 – ахроматический оттенок, 2 – грязный*)	ХИ	ПЗ

[68] В данном примере не исключается вариант рассмотрения переосмысленного зоонима как обозначения Иисуса Христа (ср. рус. *Агнец Божий*)

schlau wie ein Fuchs	ein erfahrener/ schlauer Mensch [redensarten-index.de]	—	ловкость, хитрость по отношению к потенциальным жертвам	ХИ	Н
stark wie ein Bär	*ugs* überaus stark sein [pons.com]	+	сила медведя	ХИ	Н
stolz wie ein Pfau	*abw.* einen hochmütigen, eitlen Stolz erkennen lassend [Duden 2013]	—	Сравнение встречается в «Метаморфозах» римского поэта Овидия, где говорится о хрупкой Галате, что она *»superbio pavone« = более гордая, чем павлин*	ХИ	=
stumm wie ein Fisch	*ugs*: ohne ein Wort zu sagen, sich nicht äußernd [dwds.de]	V	неспособность рыбы издавать слышимые человеком звуки	ХИ	Н
unschuldig wie ein [neugeborenes] Lamm	völlig unschuldig [dwds.de]	+	кротость ягненка	ХИ	Н

Глагол + wie + зооним

abgehen wie Schmidts Katze	*ugs.* sehr schnell und reibungslos, ohne große Anstrengung vorankommen, ablaufen o. Ä. [Duden 2013]	V	*Schmidt* происходит от *Schmied*. Так как в кузнице были мыши, мастер часто держал кошку, которая убегала от громкого звука молотка [schule-und-familie.de]	ХИ	Н
arbeiten wie ein Pferd	*abw.* sehr hart und unermüdlich arbeiten [Duden 2013]	+	частое использование лошади в с/х работах	ХИ	ОО
aufpassen wie ein Schießhund	*ugs.* bei etw. besonders genau, scharf aufpassen, damit einem nichts entgeht [Duden 2013]	+	необходимость высокой концентрации внимания охотничей собаки для выслеживания добычи	ХИ	ОО
bluten wie ein gestochenes Schwein	*sal.* stark bluten [Duden 2013]	V	частое использование свиньи как источника мяса	ХИ	Ф
brüllen wie ein Stier	*ugs.* lauthals schreien [Duden 2013]	V	громкость и тембральность мычания быка	ХИ	ПС
dastehen wie der Ochs am Berg	*sal.* angesichts einer neuen Situation o. Ä. völlig ratlos sein, sich nicht zu helfen wissen [Duden 2013]	—	представление о низком интеллекте скота, который не может преодолеть повстречавшиеся сложности	ХИ	Н/А
dastehen wie die Kuh vorm neuen Tor	*sal.* angesichts einer neuen Situation o. Ä. völlig ratlos sein, sich nicht zu helfen wissen [Duden 2013]	—	представление о низком интеллекте скота, который не может опознать небольшие изменения	ХИ	Н/А
dastehen wie die Kuh vorm Scheunentor	*sal.* angesichts einer neuen Situation völlig ratlos sein, sich nicht zu helfen wissen [Duden 2013]	—	представление о низком интеллекте скота, который не может преодолеть повстречавшиеся сложности	ХИ	Н/А
dastehen wie die Kuh, wenn□s donnert	*sal.* angesichts einer neuen Situation o. Ä. völlig ratlos sein, sich nicht zu helfen wissen [Duden 2013]	—	представление о низком интеллекте скота, который не может преодолеть повстречавшиеся сложности	ХИ	Н/А
essen wie ein Spatz	*ugs* sehr wenig essen [Duden 2013]	V	относительно малая потребность в пищи у воробьёв	ХИ	Н
frieren wie ein junger Hund	*umg.* sehr frieren [dwds.de]	V	выраженная дрожь новорожденных щенков	ХИ	Н
glotzen wie ein gestochenes Kalb	*ugs.* dümmlich, verwundert dreinblicken [Duden 2013]	—	пристальность взгляда телёнка, низкое представление о представителях парнокопытных в сознании	ХИ	ПЗ/А
herumschleichen wie die Katze um den heißen Brei	*ugs.* über etw. reden, ohne den eigentlichen [heiklen] Kern der Sache zu berühren [Duden 2013]	—	кошки не любят горячую пищу и поэтому крадутся вокруг каши, чтобы найти самое прохладное место [redensarten-index.de]	ХИ	Н/А
leben wie ein Hund	*umg.* sehr ärmlich, elend leben [dwds.de]	—	презренное отношение к собаке, качество жизни, недостойное человека	ХИ	Н
leiden wie ein Hund	sehr leiden [Duden 2013]	—	образное страдание собаки с покорными жестами, печальными глазами и громким скулежом [stern.de]	ХИ	Н
plappern wie ein	unaufhörlich ungereimtes Zeug	—	способность попугая подражать речи,	ХИ	ПС/

Papagei	reden [dwds.de]		неосознанно говоря бессмысленные и ложные вещи		Н
schlafen wie ein Bär	*ugs.* sehr tief und fest schlafen [Duden 2013]	V	крепкий и продолжительный зимний сон медведя	ХИ	Н
schlafen wie ein Dachs	*ugs.* sehr tief und fest schlafen [Duden 2013]	V	барсук единственный представитель куньих, впадающий в спячку	ХИ	Н
schmecken wie ein Hund	*ugs.* sehr schlecht schmecken [Duden 2013]	—	**IB** потребность в 16-часовом сне **IIB** представление о собаке, как о чем-то негативном	ХИ	Н/ А
schlafen wie ein Murmeltier	*ugs.* sehr tief und fest schlafen [Duden 2013]	V	две трети жизни сурок проводит в состоянии спячки	ХИ	Н
schlafen wie eine Ratte	*ugs.* sehr tief und fest schlafen [Duden 2013]	V	домашней крысе нужно для сна 13 часов	ХИ	Н
schreien wie ein gestochenes Schwein	*ugs.* [in Bedrängnis] sehr laut schreien [Duden 2013]	—	использование свиньи как источника мяса, пронзительность визга свиньи	ХИ	ПС
schwatzen wie ein Papagei	unaufhörlich ungereimtes Zeug reden [dwds]	—	способность попугая подражать речи, неосознанно говоря бессмысленные и ложные вещи	ХИ	ПС/ Н
schwimmen wie eine bleierne Ente	*ugs. scherzh.* nur sehr schlecht oder gar nicht schwimmen können [Duden 2013]	(+)/ —	хорошее умение плавать **НО!** Прилагательное *bleiern* способствует обратному пониманию опорного знания	ХИ	Н
schwitzen wie ein Affe	*ugs.* sehr stark schwitzen [Duden 2013]	—	ложное представление 'обезьяна сильно потеет' // преувеличенное выражение [www.moz.de]	ХИ	А
schwitzen wie ein Schwein	*ugs.* sehr stark schwitzen [Duden 2013]	—	переосмысление значения // от дрсканд. *sveiti* = пот/ кровь [gfds.de] → см. *bluten wie ein Schwein*	ХИ	А
sich [drehen und] winden, krümmen wie ein Aal	sich aus einer unangenehmen, schwierigen Lage zu befreien suchen) [duden]	—	изворотливость угря *скользкий* (= *1 – гладкий, 2 – с изворотливым поведением*)	ХИ	ПО
sich anstellen wie der Ochs beim Seiltanzen	*ugs.* sich sehr ungeschickt anstellen [Duden 2013]	—	неуклюжесть быка, неспособность танцевать	ХИ	Н
sich fühlen wie ein Fisch auf dem Trockenen	sich hilflos, von seinem Lebenselement abgeschnitten fühlen [Duden 2013]	—	резкое понижение жизнеспособности рыбы вне воды	ХИ	Н
sich fühlen wie ein Fisch im Wasser	sich sehr wohlfühlen [Duden 2013]	+	повышение жизнеспособности в благоприятной для рыбы среде обитания	ХИ	Н
sitzen wie ein Affe auf dem Schleifstein	*ugs. scherzh.* in krummer Haltung sitzen und dadurch einen komischen Anblick bieten [Duden 2013]	—	смешная поза обезьяны, сидящей на точильном камне // раньше шарманщики и точильщики носили с собой маленьких обезьян, чтобы привлечь к себе внимание [redensarten-index.de]	ХИ	ПЗ
stehlen wie ein Rabe	*ugs.* alles stehlen, was man nur stehlen kann [Duden 2013]	—	ум и умелость воронов	ХИ	Н
stehlen wie eine Elster	*ugs.* alles stehlen, was man nur stehlen kann [Duden 2013]	—	склонность сорок собирать блестящие предметы	ХИ	Н
sterben wie die Fliegen	*ugs.* in großer Anzahl sehr schnell sterben [Duden 2013]	—	частые смерти мух в окружении людей	ХИ	ПСО
stinken wie ein Iltis	*ugs.* unerträglich schlecht riechen [Duden 2013]	—	специфический запах фретки из-за парааанальных желез	ХИ	ПО
strahlen wie Maikäfer	*ugs.* ein strahlendes Gesicht machen, sich sichtlich freuen [Duden 2013]	V	блестящий покров майского жука *светиться = (1 – излучать свет, 2 – выражать радость)*	ХИ	ПЗ
umfallen wie die	*ugs.* innerhalb kurzer Zeit (in	—	частые смерти мух в окружении лю-	ХИ	ПСО

Fliegen	größerer Anzahl) zusammenbrechen [Duden 2013]		дей		
Augen machen wie ein gestochenes Kalb	*ugs.* dümmlich dreinblicken [Duden 2013]	—	выпуклость глаз теленка, создающая представление о глупом пристальном взгляде	ХИ	ПЗ
aus der Asche steigen wie ein Phönix	nach scheinbar vollständigem Niedergang neu erstehen [Duden 2013]	+	по сказанию о птице Феникс, которая сжигает себя и поднимается из пепла омолодившимся	ХИ	А
den Kopf in den Sand stecken wie der Vogel Strauß	vor den Tatsachen die Augen verschließen [dwds.de]	—	ложное представление 'страус прячет голову в песок от опасности' // страус часто наклоняет голову в поисках еды	ХИ	А
so viel verstehen wie der Hahn vom Eierlegen	*ugs. scherzh.* gar nichts von etw. verstehen [Duden 2013]	—	невозможность для петуха откладывать яйца → полная некомпетентность	ХИ	ФС
so viel verstehen wie die Kuh vom Radfahren	*ugs. scherzh.* gar nichts von etw. verstehen [Duden 2013]	—	невозможность для коровы кататься на велосипеде → полная некомпетентность	ХИ	ФС
so viel verstehen wie die Kuh vom Schachspielen	*ugs. scherzh.* gar nichts von etw. verstehen [Duden 2013]	—	невозможность для коровы играть в шахматы → полная некомпетентность	ХИ	ФС

wie + зооним + [sein]

wie das liebe Vieh	in höchst ungesitteter Weise [Duden 2013]	—	низкое представление о скоте	ХИ	А
wie der Mops im Paletot	*ugs.* munter, vergnügt [Duden 2013]	V	из поговорки 19 века «Lebe lustig, lebe froh, wie der Mops im Paletot!» // представление о мопсе как о веселой собаке из-за его миниатюрности	ХИ	А
wie die Sau	*derb* sehr intensiv, in höchstem Maße [Duden 2013]	—	**IB** зооним выполняет усилительную функцию на основе негативной оценки **IIB** по аналогии с быстрой скоростью кабанов, убегающих от охотника // *интенсивный (1 = быстрый, 2 = проявляющийся с большой силой)*	ХИ	Н
wie ein Bär	*ugs.* in auffallend hohem Maß, sehr [Duden 2013]	V	*большой (1 = о размере, 2 = о степени)*	ХИ	ПЗ
wie ein begossener Pudel	*ugs.* nach einer Zurechtweisung o. Ä. nichts mehr zu sagen wissen; kleinlaut [Duden 2013]	—	несчастное, жалкое состояние пуделя, временная потеря красивой шерсти	ХИ	ПЗ
wie ein Elefant im Porzellanladen	durch äußerst ungeschicktes, grobes Verhalten Schaden anrichtend [Duden 2013]	—	неуклюжесть слона, способная причинить неудобства	ХИ	Н
wie ein geprellter Frosch	*ugs.* völlig kraftlos, ermattet [Duden 2013]	—	способность высоко подпрыгивать // от обычая в Средние века бросать вверх людей или животных в наказание или народное возмущение на натянутой тряпке	ХИ	Н
wie ein geprügelter Hund	beschämt, kleinlaut, ängstlich [Duden 2013]	—	презренное отношение к собаке, применение физических наказаний	ХИ	Н
wie ein Lamm [das zur Schlachtbank geführt wird]	geduldig und völlig in sein Schicksal ergeben [Duden 2013]	—	кротость ягненка	ХИ	Н/А
wie ein Storch im Salat	*ugs. scherzh.* (in Bezug auf jmds. Gang) steifbeinig, ungelenk [Duden 2013]	V	*Storch* от индоевр. *ster - жесткий*, птица названа прямо в честь ходульной походки [redensarten-index.de]	ХИ	Н
wie eine gebadete Maus	*ugs.* völlig durchnässt [Duden 2013]	V	жалкий вид промокшей мыши	ХИ	ПЗ/ Н

wie eine gesengte Sau	*derb abw.* schlecht [in Bezug auf die Ausführung, das Verhalten] [Duden 2013]	—	зооним служит усилением признака	ХИ	=
wie eine gesengte Sau	sehr [in Bezug auf das Laufen vor Angst o. Ä.]; [Duden 2013]	V	по образу подстреленного кабана (из языка охотников)	ХИ	Н
wie Hund und Katze	*ugs.* in Bezug auf die zwischenmenschliche Beziehung in ständigem Streit, in Spannung [duden.de]	—	частично верное представление о постоянной вражде кошек и собак	ХИ	Н/А

Иные конструкции с wie + зооним

an jmdm. ablaufen wie das Wasser an der Gans	jmdn. unbeeindruckt, gleichgültig lassen [Duden 2013]	V	под действием секрета копчиковой железы перья предохраняются от намокания	ХИ	ПСО
erschießen / niederschießen wie einen tollwütigen/räudigen Hund	jmdn. ohne Bedenken, mitleidslos [und voller Verachtung] erschießen [Duden 2013]	—	презренное отношение к собаке, качество жизни, неостойное человека	ХИ	Н/А
tragen wie den Hund zum Jagen:	jmdn. trotz dessen Trägheit und Bequemlichkeit zu einer gewünschten Aktivität bewegen [Duden 2013]	—	выражение происходит из Древнего Рима // нежелание собаки идти на охоту	ХИ	ПСО
wie Rothschild sein Hund	*ugs.* in großem Luxus [Duden 2013]	V	по аналогии с богатством династии банкиров Ротшльдов [Duden 2013]	ХИ	ПСО
wie vom wilden Affen gebissen sein	1) ganz von Sinnen [sein] [dwds] 2) jemand reagiert völlig überzogen oder verrückt [pons]	—	**IB** зооним передает негативную оценку на основе представление об обезьяне как о карикатуре на человека	ХИ	Н
			IIB из-за смерти короля Греции Александра I в 1920 году от заражения крови после укуса его любимой обезьяны [redensarten-index.de]		ЭЭ
wissen, zeigen, wie der Hase läuft	*ugs.* wissen, zeigen, wie es gemacht wird, damit es die gewünschte Wirkung, den gewünschten Erfolg erzielt [Duden 2013]	0	опытный охотник распознает направление, в котором бежит заяц, и не позволяет себе запутаться в его следах	ИИ	ПСО